

102.7(431)
5-87

**БРАК
И СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ
НАРОДОВ
СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНА**



МАХАЧКАЛА 1988

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

**БРАК
И СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ
НАРОДОВ
СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНА**

Сборник статей

Махачкала 1988



ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЬБЕ

(Вместо предисловия)

Составитель

кандидат исторических наук *Б. М. Алимова*

Ответственный редактор

доктор исторических наук *М. А. Аглиров*

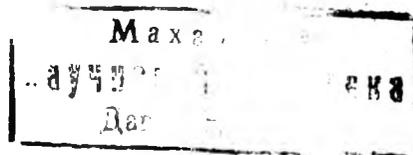
Рецензенты:

кандидаты исторических наук *А. В. Качаев*
и *Д. М. Магомедов, З. Б. Рамазанова*

Настоящий сборник статей посвящен проблемам современных семейно-брачных отношений и свадебной обрядности народов Дагестана. В нем освещены изменения, происшедшие за годы Советской власти в свадебной обрядности, в формах брака, анализируются общие социологические проблемы и конкретно-этнографические материалы, касающиеся традиций и инноваций.

Сборник рассчитан на этнографов, культурологов, практических работников, а также на широкий круг читателей.

140215



Предлагаемый читателю сборник статей продолжает исследовать нормы брака и свадебной обрядности народов Дагестана¹

Современные формы семьи, брака и свадебной обрядности иллюстрируют высокую степень социалистического преобразования и модернизации семейно-брачных отношений и обрядовой культуры. Вместе с тем, некоторые из инноваций («новые адаты»), в целом чуждые традициям и морали, трансформируют свадебные празднества. Свадьбы, проводимые с обильными подношениями и подчеркнута ритуализированными алкогольными возлияниями (что совершенно чуждо традициям в Дагестане!), со своей стороны, деформируют общественное сознание. И, на самом деле, все происходящее на свадьбе имеет четкий смысл и высокую силу обратного воздействия, так как брак и свадебные торжества являются формой выражения самого сокровенного в жизни народа — создания новой семьи. Вот почему многие авторы, правда, в неравной степени, отходя от обычного академического тона, занимают публицистическую, активную позицию. Модернизированные формы калыма, процветание денежных взносов приглашенными, так называемая «конвертная система», чрезмерно завышенные стандарты «обязательных взаимодарений» (см. статьи С. Ш. Гаджиевой и Г. А. Сергеевой) и т. д. у авторов вызывает протест. В одной из статей (Кисриева Э.) сделана попытка социологического изучения отражения этих аномалий в общественном сознании по письмам граждан в прессу.

В статьях авторов едва затронутой оказалась проблема так называемых «девичьих свадеб». В доме, где выдают девушку замуж, ныне в городах играют свадьбу, аналогичную, проводимой в доме жениха. «Девичьи свадьбы» (термин новый) в Дагестане были всегда традиционны, но в выраженном «девичьем варианте», т. е. они проходили приглушенно, обогащенные специальным ритуалом: особая еда, невеста окружена сверстницами, поются единственно приуроченные к случаю песни (например, «Перизаде» у лезгин), наряжение невесты, танцы сверстниц, доминируют мотивы прощания с домом, и т. д. Традиционная «девичья свадьба» являлась «женской партией» в целом свадебном действии.

¹ Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1986.

представлений, и сравнима разве лишь с аналогичной партией в танце. Но в этой «партии» происходят деформации, делающую эту часть свадьбы точно такой же, как и свадьба жениха со всеми ее современными негативными проблемами («конверты», алкоголь, большое количество приглашенных, большие расходы и т. д.). Как ни странно, в современной дагестанской хореографии идет тот же неоправданный процесс деформации части женских танцев в мужские переплясы.

В дни свадьбы жизнь в обществе (на селе) как бы преобразилась. Невеста — это царица, земная или небесная, жених — шах или царь, фигура, котирующаяся по наивысшему рангу — важнее этих двух персон нет ничего и ничего. В этом ключе «скрывание» невесты или жениха, помимо всяких магических и прочих суеверий, имеет откровенный смысл сакральности этих особ: увидеть невесту, которую они знали с детства, в этот миг или час, удостоиться чести танцевать с ней и т. д., несмотря на все понимание игрового, театрализованного лицедейства, почиталось за честь, счастье и удачу. Так же оно оценивается зрителями, которые одновременно и активные участники. На танцы вызываются и стар, и млад, вплоть до детей, каких-либо отдельных молодежных обособлений традиция не знает, здесь все должны быть на месте, за исключением тех, кто составляет партию жениха, если он в доме друга и т. д. Центральным действием в свадьбе является ввод невесты в Дом жениха. Дом также сакрален: здесь самые сильные фольклорные состязания, самые сокровенные музыкальные мелодии, лучшие и почетнейшие из родни и общества танцоры в действе. Невесте к губам подносят мед, на окружающих сыпятся сладости и т. п. — все символы будущего счастья Дома проигрываются у порога. Невеста сопротивляется входу в Дом, давая всем знать, что ей дорог и родительский дом. Не нарушая атмосферу особой важности двух этих персон и этого Дома, во многих селах председатели сельских советов, обвязанные почетными лентами, приходят в Дом и регистрируют жениха и невесту в присутствии старейших представителей родни и общества. Такую коррективную форму регистрации предпочитают (см. статью Алимовой Б. М.) вызову жениха и невесты для регистрации в канцелярии сельского Совета по примеру городских ЗАГСов. Регистрация брака в доме жениха становится популярной. (В городе имеются «технические» трудности, преодолимые только привлечением почетных граждан — депутатов, заслуженных деятелей и т. д. для такой акции.) Подобное коррективное «оживление» происходящих в традицию, как и предложения (статья Булатовой А. Г.) соорудить в микрорайонах нечто вроде клубов для ритуальной жизни, было бы значительным подспорьем, чтобы в условиях города «вывести» типовую свадьбу из Дома быта к дому жениха.

Фольклорная музыкальная культура в современной, особенно на городской свадьбе, утеснена или уничтожена «типовыми» оплаченными оркестрами, часто полупрофессиональными, тоже опла-

ченными певцами — тут серьезная опасность для свадебного фольклора, которая налицо даже в отдаленных районах, где молодежь предпочитает отдельно собираться с магнитофонной записью рок-музыки (статья Мусаевой М.). При всей привлекательности для молодежи рок-музыки вряд ли разумно, чтобы она, усиленная через динамики, гремела вместо свадебных и национальных песен на свадьбе. О богатстве и красочности традиционных свадеб наиболее полно представление даст статья Абдурахманова А. Из его интересного описания, видно, как одно лишь традиционное приглашение людей на свадьбу способно заменить целый сценарий иной «типовой» свадьбы. Некоторые авторы предлагают упростить свадьбу, сократить сроки, однако, по нашему мнению, свадьбы безалкогольные, каковыми они всегда были в Дагестане, браки безкалымные, каковыми они всегда были у горцев Дагестана, свадьбы на самостоятельной, а не на дорогом оплаченной «приглашенной музыке», каковыми они были всегда в Дагестане, не нуждаются в упрощении, напротив, только свадьбы полноценного народного сценария могут сохранить будущим поколениям жемчужины обрядовой культуры и фольклора, сложившиеся тысячелетиями. Можно указать на один пример, с которым этнографы в 1970 г. столкнулись в с. Куяда. Здесь в клубе энтузиасты борьбы против «старых адатов» ставили сатирический спектакль, осмеивающий обычай приготовления свадебного большого (размером с колесо фургона) хлеба, начиненного различными яствами. Куяда — большое село, но в отличие от других сел оно живет не селом, а хуторами (более 60): крупное в прошлом село распалось в свое время на мелкие поселки вследствие, как они объясняют, какой-то эпидемии. Не трудно было вообразить, что огромный хлеб, кусками от которого угощались пришедшие со всех хуторов участники олицетворял их единство как одного Куядинского общества; — объяснение обряда может быть и другое (богоедство, например, по Д. Фрезеру), но суть не в толкованиях, а в том что обрядовой хлеб стал объектом сатиры. Возможно, куядинцы расстались с этим замечательным обычаем. Таких примеров безоглядой борьбы, к сожалению, слишком много.

Уничтожение обрядовой культуры только по той причине, что это «старые адаты», своего рода обрядовид, так же опасен для культурной экологии народа, как и разрушение естественной экологии. Борьба с отдельными отжившими свой век формами брака «многоженство, калымные выплаты, выдача насильственно замуж, колыбельный стговор и др.) не должна закрывать глаза практических работников, на то, с чем расстается край древней культуры — а свадьбы способна аккумулировать ценности и в живом виде сохранить их для будущих поколений.

Статьи данного сборника дают представление об основных путях перемен в одной из самых чувствительных областей жизни народа.

М. А. Агларов

С. Ш. ГАДЖИЕВА

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В качестве важнейшей задачи общественных наук XXVII съезд КПСС выдвинул необходимость усиления внимания к изучению насущных проблем развития советского общества, чуткого реагирования ученых на происходящие перемены в жизни. Признано необходимым, чтобы ученые-обществоведы держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику¹. Ученые, в частности, призваны усилить исследование проблемы семьи, эволюции семейных традиций, обычаев и обрядов в современных условиях осуществления перестройки, всемерного развертывания научно-технической революции.

Вступление в брак и создание новой семейной ячейки общества всегда рассматривалось и рассматривается как важное событие в жизни человека. Не случайно такой важный акт истари обставляется рядом пышных, поэтических церемоний и обрядов.

Эти церемонии и обряды представлены следующими взаимосвязанными и в то же время самостоятельно осуществляемыми действиями: сватовством, обручением, свадьбой, официальным приближением новобрачной к хозяйственной самостоятельности в семье мужа и др.

Важнейшим звеном в единой и стройной системе церемониала, связанного с бракосочетанием и созданием новой семьи, является свадьба. Свадьба — это и богатое национальным колоритом, символическими действиями, обрядами, торжество, и правовой акт. В свадебном церемониале с наибольшей полнотой и своеобразием проявляются социально-экономические и культурно-бытовые особенности образа жизни народа, его поэтические, музыкальные и театральные традиции.

Однако свадебная обрядность, как и любое другое социальное явление, не оставалась неизменной на протяжении веков. Под

влиянием социально-экономических изменений одни обряды исчезали бесследно, другие, напротив, продолжали стойко сохранять себя, обеспечивая преемственность развития и наполняясь постепенно новым содержанием. Наконец, наряду с ними появлялись новые, отражающие требования новых социально-экономических и культурных условий. И по сей день иногда встречаются фрагменты некоторых обрядовых действий, уходящих своими корнями в глубь веков, порою даже в эпоху общинно-родового строя, трудно объяснимые в наше время, но соблюдаемые по привычке. Наиболее кардинальные изменения в обрядах, исчезновение их наиболее архаических форм происходит в советский период, в век невиданных социально-экономических и культурных перемен, бурного развертывания научно-технической революции и укрепления разносторонних межнациональных контактов. Как и в других районах страны, новые условия жизни в Дагестане (социальные изменения, которые произошли здесь за годы Советской власти, бурный подъем экономики, расцвет культуры, растущее влияние городских условий жизни и быта на самые отдаленные уголки республики, рост благосостояния народов и др.) привели к исчезновению многих архаических, консервативных черт традиционного семейного и общественного быта и обрядов дагестанских народов. Существенные перемены произошли и во взглядах на брак и мотивы его заключения.

Огромное влияние на трансформацию семейно-бытовых обрядов оказало изменение социальной роли женщины-горянки, ее новое положение в обществе, рост ее престижа как работницы, государственного деятеля и воспитателя подрастающего поколения.

В то же время современные семейные и общественные обычаи, в том числе и свадебные, органически вырастают из многовекового народного творчества, включают в свой состав лучшие традиции, обеспечивая тем самым преемственность культуры и быта народа. Многие при этом переосмысливаются, творчески перерабатываются и, наполняясь новым содержанием, получают другое звучание в условиях социалистического общества. Недооценка значения семейной обрядности, значения многовековых национальных традиций приводит ко многим негативным последствиям в быту.

Уместно здесь вспомнить слова С. Стальского, сказанные в ЦИК СССР при получении ордена Ленина: «Я подобен зарытому в землю заржавленному оружию, которое Коммунистическая партия и Советская власть раскопали, придали блеск и остро отточили...»² Это образное выражение поэта в определенной степени можно отнести и к народным обрядам, которые получили шлифовку, обновление, блеск в условиях советского социалистического строя, с бурным ростом культуры и благосостояния народов нашей многонациональной республики.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 85.

² Сулейман Стальский: Сб. материалов и документов. Махачкала, 1939. С. 26.

Дореволюционный Дагестан, как известно, по своей этнической и языковой пестроте представлял собой исключительное явление даже на фоне мозаичного в национальном отношении Кавказа. Тем не менее дагестанские народы, как установлено исследованиями, едины по происхождению, близки по культуре, и поэтому кава их свадебной обрядности в своих основных чертах также издавна едина. Это не исключает возможности наблюдать, даже в настоящее время, чрезвычайно своеобразные особенности ее локальных вариантов.

На современном этапе истории Дагестана свадебная обрядность обогащается, с одной стороны, за счет взаимовлияния культур народов республики, с другой — за счет влияния культур других народов страны. Иными словами, происходит «интернационализация» свадебной обрядности, складывание в ней общесоветских черт, которым, несомненно, принадлежит будущее.

Влияние городской или национальной культуры наиболее четко проявляется при заключении смешанных браков, т. е. в этом случае учитываются интересы обеих сторон и берется на «вооружение» общезвестные обычаи. Характер и формы свадебной обрядности чаще всего зависят от социальной и этнической среды брачующихся, от их образовательного уровня, социальных ориентаций, потребностей, интересов, воздействия на них культурно-бытовых традиций других народов, влияния города и др.

Каковы же характерные черты современного брака в условиях Дагестана? Его основу составляют полюбовное согласие, устойчивые дружеские отношения между женихом и невестой, а не авторитарное решение родителей и родни, при котором желание молодых во внимание принималось далеко не всегда.

Изживаются браки по материальным расчетам, ибо в социалистическом обществе благополучие семьи зависит от степени личного участия в общественно полезном труде самих брачующихся, от их социальной активности, а не от подарков родственников и помощи родителей. Уплата калыма за невесту в традиционном понимании этого термина также стала редким явлением и вызывает, как мы увидим ниже, осуждение передовой общественности. Совершенно прекратилась выдача замуж несовершеннолетних девушек.

В прошлом в Дагестане также имели место браки с большой возрастной диспропорцией. Богатый жених 40—50 лет (чаще разведенный или вдовец) и бедная невеста 15—16 лет или, наоборот, бедный жених — молодой парень и богатая «невеста» в возрасте были нередким явлением времени неравенства, социальных противоречий и распространения материальной мотивации брака. С прогрессивным изменением социально-экономических условий жизни трудящихся подобные факты совершенно исчезли. Средний возраст вступления в первый брак до недавнего времени для мужчин по республике составлял 25,8 лет, а для женщин

22,8 года³. По последним данным статистики, в Дагестане мужчины чаще всего вступают в брак в возрасте 21—25 лет, а женщины — в 18—22 года⁴. Снижение брачного возраста в последние годы — явление прогрессивное, т. е. способствует, по мнению советских демографов, более высокую рождаемость в браке⁵.

Победа социализма привела к преодолению социального отчуждения и этнической эндогамии, предопределила формирование интернационалистического мировоззрения и идеологии социального и этнического равенства, новой этнической общности в целом — советский народ. В результате заметное распространение получило новое явление и в сфере семейно-бытовой жизни — национально- и социально-смешанные браки. Так, удельный вес этнически смешанных браков увеличился с 5,7% в 1939 г., 12,6% в 1967 г.⁶ до 13,7% в 1973 г.⁷ Как видно из анализа данных республиканского ЗАГСа, за последний период показатели межнациональных браков относительно стабилизировались на уровне 13—14%⁸.

При этом сохраняются определенные региональные различия. Более высокий удельный вес межнациональных браков (по данным 1981 г. их 22%) сохраняется для населения городов, рабочих поселков и районных центров, т. е. населенных пунктов с полиэтничным составом населения, с многонациональными производственными, общественными коллективами и более высоким уровнем образования и культуры.

Молодое поколение, как правило, не знает многих старых обрядов, как перемена платков, одежды, снятие украшений с выходом замуж и другие церемонии, символизирующие прощание новобрачной со свободой, с молодостью, готовность к покорности, безропотному служению мужу. Эти и подобные им обряды полностью утратили свое социальное значение. Равным образом свадебный церемониал постепенно очистился от религиозных наслоений установок шарната, магических приемов, основанных на вере в чудодейственные, сверхъестественные силы или существа. В настоящее время шарнатский обряд бракосочетания совершает только незначительная часть молодежи, находящаяся под влиянием отсталых обрядов.

С отмиранием ряда устаревших ритуалов, противоречащих современным понятиям общества о браке, образе жизни, несколько сократилась общая продолжительность свадьбы и связанных с ней других обычаев. Свадьба теперь справляется обычно в течение одного дня, чаще в воскресенье, а не 3—7 дней, как прежде.

³ Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978. С. 41.

⁴ Сведения Статуправления ДАССР за 1983 г.

⁵ Изучение воспроизводства населения. М., 1968.

⁶ Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967. С. 80—81.

⁷ Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Указ. соч. С. 30.

⁸ Данные республиканского ЗАГСа.

В ряде сельских районов по решению общественных сходов свадьбы обычно переносятся на свободное от полевых работ время, чтобы не отвлекать от работы трудоспособное население.

Большое значение для изменения и обновления традиционной свадебной обрядности и формирования новых, безрелигиозных, гражданских обрядов имеет торжественная регистрация брака по советским законам.

Современная дагестанская свадьба состоит из ряда взаимосвязанных, хотя и относительно самостоятельных этапов или циклов. Каждый из них решает как специфические, так и общие задачи. В качестве предварительного этапа свадьбы следует рассматривать выбор партнера и регистрацию брака в органах ЗАГСа, в качестве основного — непосредственные свадебные торжества и, наконец, в качестве заключительного — обряды, направленные на адаптацию молодых к структуре тех новых отношений, которые открываются браком, к новым семейно-бытовым ролям.

Ритуал заключения брака имеет следующие контуры⁹. Решив между собой вопрос о браке, молодые люди ставят об этом в известность своих родителей и просят их одобрения. Их решение, по традиции, обсуждается на семейных советах роднящихся сторон. Семья обычно внимательно и чутко относится к решению молодых и, как правило, одобряют его, если только не видят проявления легкомыслия. Почти во всех случаях, хотя иногда и формально, соблюдаются обычаи сватовства и обручения. Думается, что Институт сватовства играл и продолжает играть важную роль в заключении брака. Однако церемониал, связанный с предсвадебными актами, значительно сокращается за счет уменьшения многократных в прошлом посещения сватов и др.

Значительно сокращен и промежуток времени между обручением и свадьбой, необходимый в прошлом, так и после него жених может встречаться дома, на улице, в общественных местах со своей невестой, хотя обычай избегания после сватовства, строго соблюдавшийся по нормам старых семейно-брачных отношений, сохраняется и сейчас. В настоящее время промежуток между обручением и свадьбой используется преимущественно для подготовки свадебного наряда вступающих в брак (в частности невесты), приобретения обстановки для жилища новобрачных и особенно для того, чтобы молодые могли проверить свои чувства, еще раз обдумать принятое решение.

Свадьба чаще всего справляется осенью, когда собран урожай, когда много фруктов, овощей, цветов и можно красиво и богато накрыть праздничный стол. Справляют ее также и весной, и летом, и зимой, поскольку зависимость человека от урожая значительно ослабла. Материальная обеспеченность населения позволяет справлять свадьбы и вне зависимости от той или иной ситуации. Раньше свадебный стол многих бедных горцев чаще всего

был представлен хинкалом или супом. Сейчас в любом ауле гостям на свадебном, торжестве подаются самые разнообразные мясные блюда (бозбаш, плов, долма, различные соусы и т. д.), как национальные, так и заимствованные, салаты, а также десерт и чай. Жилища новобрачных, как правило, обставляется теперь современной мебелью, коврами, новой утварью. Неизбежно изменились и свадебные наряды молодых, особенно невесты — платье шьется по индивидуальному вкусу, комплект одежды состоит из зимних, летних, повседневных, выходных платьев, пальто, головных уборов, обуви. В прошлом новобрачные нередко были вынуждены жить в том же помещении, где жили и их родители, невесте справляли один единственный, причем скромный наряд. Чтобы принять участие в свадьбе, приглашенные нередко занимали или брали костюмы на прокат у своих состоятельных односельчан.

Совершенно новым звеном свадебного церемониала является гражданское оформление брака, его торжественная регистрация перед свадьбой или же в день свадьбы в «домах бракосочетания», в помещении загса, сельском или поселковом совете, в «девичьих комнатах» и т. д. Этому акту все село и группы населения придают настолько важное значение, что ни один родитель не пожелает выдать теперь дочь замуж без предварительной регистрации брака. В доме загса, который убирается цветами, обставляется красивой современной мебелью, собираются официальные лица — представители общественности, члены комиссии по внедрению в быт новых обрядов и другие уважаемые люди, в том числе многодетные отцы и матери. На время регистрации из домов культуры приглашаются музыканты, гармонисты. В назначенный час в разукрашенных машинах сюда приезжают жених и невесту. Каждый из них едет отдельно, в сопровождении близких друзей. Нередко одновременно регистрируется брак двух-трех брачных пар. Под звуки торжественного марша молодые пары входят в зал бракосочетания со своей свитой и подписывают важный юридический документ — путевку в новую жизнь. Обычно к новобрачным с теплым напутственным словом обращается один из представителей общественности, чаще председатель сельского (поселкового) Совета. Он желает молодым создания прочной семьи. В ряде случаев с такими же пожеланиями к брачным парам обращаются и главы многодетных дружных семей и передают им эстафету поколения палочку, украшенную разноцветными лентами, или зеленую ветку, символизирующую древо жизни, дружный многодетный семейный очаг. В большинстве районов входит обычай обмена женихом и невестой обручальными кольцами, пришедший из города и характерный для русских, украинцев и др. и совершенно неизвестный в Дагестане в традиционном брачном ритуале. Смысл этих обрядов — сделать акцент на ответственности новобрачных за будущий союз, на общественную значимость этого важного акта. После официальной церемонии подписания акта о брачном союзе молодежи здесь же

⁹ Здесь использованы данные этнографического наблюдения автора в различных районах ДАССР.

устраи́вает танцы, поет песни, веселится. Передко в загсе устраи́вается и легкое угощение, состоящее из фруктов, сладостей, лимонада, шампанского.

Здесь в кругу своих сверстников и друзей жених и невеста более свободны в своих действиях, не скрывают свою радость, не боятся быть осуждаемыми за нее со стороны приверженцев старины.

Повсеместно новобрачные в сопровождении друзей из загса направляются к памятнику В. И. Ленину и возлагают цветы в знак благодарности вождю за свободную и счастливую жизнь.

Подавляющее большинство юношей и девушек, вступающих в брак, в отличие от прошлого, принимает непосредственное участие во всех звеньях торжественного акта. В дореволюционное время жениха и невесту в канун свадьбы переводили в соседские дома, прятали от людей. У некоторых народов (кумыки, ногайцы, азербайджанцы и др.) жених после свадьбы в течение недели или больше открыто не появлялся в своем жилище. В настоящее время подобный обряд окончательно утратил смысл. Совершенно новым обычаем является участие жениха в составе посольства, которое отправляется за невестой в день свадьбы. Не подвергается осуждению и практика, когда невеста едет в дом жениха в нарядно украшенной машине рядом с женихом, в сопровождении свадебного кортежа, с открытым лицом, в красном наряде, не укутуваясь в покрывало, как прежде. Молодежь отказывается от обычной, согласно которому невесту увозили вечером, когда стемнеет, и в ряде мест даже в полночь. Теперь установилась традиция торжественного привода невесты из дома родителей и встречи ее в доме жениха непосредственно после обеда, в разгар свадебного пира, когда еще не разошлись участники торжества. Постепенно становится традицией сажать новобрачных вместе за отдельный стол, в окружении молодежи, откуда они могут видеть все происходящее в честь их счастливого союза, слышать и принимать пожелания и наставления, с которыми к ним обращаются участники торжества. Однако эта последняя традиция не стала еще повсеместной и больше характерна для городов, районных центров и прилегающих к ним селений. В ряде населенных пунктов не забыт еще обычай старины, согласно которому невесту сажали в отдельную комнату со своей свитой, причем в угол, как провинившуюся, да еще отгородив от гостей ширмой. Правда, на исходе торжества ее выводили на специальный танец, с наполовину закрытым лицом и преимущественно для того, чтобы участники одарили ее деньгами; остальными родителями этот обряд и сейчас оценивается как одна из возможностей собрать подарки.

Большое место в современном свадебном торжестве занимают танцы и песни. Молодежь танцует не только традиционные национальные танцы, но и танцы других народов. Это — результат усилившихся межнациональных контактов и общения, результат взаимовлияния и взаимодействия культур братских народов. Во

многих селениях кумыков, лезгин, даргинцев и др., например, очень популярны азербайджанские танцевальные мелодии и танцы. В последние годы в городах и селах Дагестана любовь и признание получил антинский шуточный и темпераментный танец. Многие молодые горцы и горянки с чувством исполняют на молодежных танцевальных площадках, вечерах художественной самодеятельности, да и нередко на народных свадьбах русские, украинские, осетинские танцы и танцы других народов.

Песенный репертуар свадьбы также разнообразен. Он представлен как национальными песнями, так и песнями других народов. Любимые общесоветские песни органически срастаются с традиционными, влетают в народный фольклор, местную музыкальную и поэтическую традицию. Исполнителями песен часто выступают друзья жениха и невесты, которые в ряде случаев сочиняют величальные шуточные куплеты на известные им мелодии. Часто на свадьбах выступают и самодеятельные артисты из районных и сельских домов культуры, а иногда и профессиональные артисты. Музыканты-профессионалы приглашаются почти всегда. В настоящее время наблюдается процесс возрождения некоторых забытых торжественных и эмоциональных элементов традиционного свадебного ритуала, насыщенных национальным колоритом и не противоречащих современным этническим и эстетическим установкам советских людей. К ним относятся игровые и хоровые песни, состязания юноши и девушки в песне, нередко слагаемой экспромтом и наполненной юмором, остротами шуточного характера, соревновавшие на красивый танец, костюм, памятные призы.

В ряде мест, где эта традиция была характерна и для прошлого (кумыки, дербентские азербайджанцы и др.), получают новое развитие циклы обрядовой поэзии и музыки, связанные с отправкой посольства за невестой и встречей свадебного «поезда» невесты у ворот дома жениха и др. Речь идет о торжественно-величальных, высокохудожественных хоровых песнях со специфической свадебно-обрядовой мелодией — *гьалалайлар*, исполняемых большой группой женихи и лучшим певцом-запевалой в сопровождении музыки.

Кстати сказать, эти *гьалалай*, бытующие издавна у ряда народов Дагестана, нередко исполняются и в начале свадебного торжества, когда встречают специально приглашенных на свадьбу музыкантов-трио, а также при завершении свадьбы, когда расходятся гости по домам. Хотя *гьалалай* исполнялись всегда на одну мелодию, они отличались по своему характеру и содержанию, отвечая целям различных этапов свадьбы. Начиная свадьбу, родня жениха поет песни, оповещающие народ о радости по случаю создания новой семьи, встречая невесту — величальные песни в ее адрес, восхваляющие ее ум, красоту, доброту, благодарность родителям за воспитание хорошей девушки, а при заключительном акте торжества родня юноши благодарит всех участников свадьбы, почтивших их своим посещением, особенно юношей и девушек, продемонстрировавших свои таланты и поэтические дарования.

ставших «душой» свадьбы. Завершается хоровое пение куплетами, содержащими пожелания новобрачным жить в мире и согласии, дружбы между двумя породнившимися семьями.

В Дербентском, Табасаранском, Каякентском, в некоторых лезгинских районах, как правило, шествие посольства жениха за невестой сопровождают также музыканты, которые играют у ворот дома невесты популярную в народе мелодию *ёл гъаваси* (дорожная мелодия). Во дворе дома невесты, пока она готовится к выходу, а также, когда она садится в машину и выезжает из родительского дома, исполняют не менее торжественную мелодию *сагъар мугъали*. С *сагъар мугъали* же невесту и весь свадебный кортеж встречают у ворот дома жениха. Особые мелодии играют музыканты и тогда, когда невесту и жениха под общие и дружные аплодисменты приглашают танцевать. В *гъалалай* же, исполняемых свитой невесты, раньше воспевались лучшие качества невесты, пожелания счастья ей в доме мужа; в песнях нередко содержался наказ родне её мужа быть постоянно внимательными к молодой, окружать ее заботой. Порою обе стороны вступали с *гъалалай* в настоящие поэтическое соревнование, пуская в ход и юмор, и колкие остроты шуточного характера. В ряде районов Южного Дагестана (лезгинцы, табасаранцы) вместо *гъалалай* пели песню «Перизаде». Теперь в этих песнях своеобразно сочетается традиционный фольклорный текст с текстом из произведений современных поэтов. Иными словами, современный свадебный церемониал — это по-прежнему серьезный, социально значимый и поэтически окрашенный акт.

Большую радость участникам свадьбы доставляют снова вводимые в свадебный ритуал маскарадные представления шуточного характера, исполняемые поэтически одаренными участниками торжества. Возрождаются и обряды, призванные обеспечить мир и согласие для невесты в доме мужа, материальное благополучие, многодетность и т. д. Так, почти у всех народов невесту осыпают кишмишем, конфетами, мукой, дают ей попробовать мед или шербет, стелят под ее ноги баранью шкуру, ковер или шелковую ткань и т. д. Все это делается очень торжественно.

Одним из заслуживающих внимания обрядов, связанных с бракосочетанием, является обряд приобщения новобрачной к хозяйственной деятельности семьи мужа или акт приглашения ее в общую столовую семью. В разных местах этот обряд имеет разные формы, но общее содержание заключается в том, что, пригласив молодую в столовую, одарив ее еще раз подарками, вручив ей символически ключи от хозяйственных помещений, ее знакомят со всеми «владениями» семьи, кладут начало тесному общению с ней. Этот традиционный обычай в старину обставлялся целым рядом церемониальных актов (вручение молодой сита и корыта или веретена и шерсти, а у погайцев — целование и обнимание невесткой всех родственниц мужа, начиная с самых старших, которые слегка наступали ей на ногу, что символизировало характер взаимоотношений: у молодой — подчиненное, у родни

ее мужа — повелевающее). В настоящее время этот обряд упрощен и наполнен новым содержанием — превращен по существу в торжественный прием невестки в узком семейном кругу и вручение ей, образно выражаясь, «верительных грамот» по ведению хозяйственных дел в доме мужа. Сократились и сроки его проведения, приглашение теперь устраняется обычно через 3-4 дня после свадьбы, что продиктовано самой жизнью, изменением социального статуса женщины, ее общественной роли (женщина-работница, женщина-врач, учительница, проводница, судья и т. д.), ее активным участием в хозяйственной и культурной жизни села, поселка.

Послесвадебным, или последним, этапом свадебного торжества в сельской местности можно назвать акт торжественного вывода новобрачной за водой в окружении ее подруг и родственниц мужа. При этом иногда играют на гармошке, поют песни. По старой традиции, у родника раздаются сладости, а новобрачная наполняет кувшины всех участниц церемонии.

Этой последней церемонией в основном заканчивается свадебный обряд.

Кроме охарактеризованных выше этапов обряда, совершаемого в доме жениха, укажем лишь на то, что в доме невесты свадебные обряды проводятся, как и прежде, значительно менее торжественно, очевидно, в силу патрилокальности брачного поселения. Тем не менее в современных условиях, в отличие от прошлого, они совершаются с участием более широкого круга гостей, в том числе и товарищей, друзей и подруг девушки, с приглашением музыкантов, с пением, танцами. В этом изменении мы усматриваем проявление равенства полов, новое положение женщины в семье и в обществе. Торжества в доме невесты в основном завершаются моментом ее отправки в дом жениха.

В настоящей работе мы сознательно не касались локальных вариантов свадьбы, которыми так богат Дагестан. Нередко два расположенных рядом общества справляли свадьбу по-разному. Широкую известность, например, приобрела традиционная гергебильская свадьба с оригинальной и неповторимой церемонией шествия невесты к дому жениха или уркарахская свадьба с факелами, кострами и танцами по пути движения «свадебного» поезда невесты, лакский, аварский коллективные танцы *гергии* (радость) на кульминационном этапе свадьбы, чохский совместный мужской и женский хор в большом тесном кругу на заключительном этапе торжества и т. п. Не менее интересны локальные особенности и других обществ и селений Дагестана. В настоящей работе мы предприняли попытку лишь воспроизвести обобщающий тип свадебного обряда, ибо задачей настоящего анализа было показать изменения, которые претерпели свадебные церемонии под влиянием социально-экономических и культурных преобразований в стране.

В то же время мы не ставили себе специальной целью дать описание свадеб, известных под названием «комсомольских» или

«новых» свадеб. Они традиционную обрядность и церемониал, как правило, не используют. Чаще всего эти свадьбы проводятся в виде вечеринки либо в клубе, либо в доме у жениха. Роднящиеся семьи организуют и проводят торжество вместе, в кругу друзей, товарищей, сослуживцев, жениха и невесты, вместе несут и затраты на организацию свадьбы. В то же время для них характерна торжественная гражданская регистрация брака, более активное участие жениха и невесты в общем веселье за общим свадебным столом. На смену поэтическим соревнованиям, традиционной символике приходят тосты, поздравления новобрачных, коллективные выступления их друзей с пожеланиями, организация художественной самодеятельности и т. д. Торжества на этих свадьбах свободны от всех традиционно-магических и религиозных наслоений. Тем не менее, большая часть браков заключается не в форме «комсомольских» свадеб, а на основе описанных выше обрядности и церемониала. Именно поэтому мы уделили ей больше внимания. Воспроизводя эту обрядность, мы не можем не отметить, что не все обычаи и обряды в полной мере отвечают духу советской действительности. На страницах наших республиканских газет «Дагестанская правда», «Багъараб байрахъ», «Ленин на байрахъ», «Коммунист», «Ленин ёлу» и других, журнала «Женщина Дагестана» неоднократно поднимается, в частности, вопрос о недопустимости калыма. Пафос этих статей направляется против остатков обычая взимания платы за невесту. Статьи вызывают широкий общественный резонанс. Они обсуждаются во многих коллективах, на общих собраниях рабочих, колхозников, заседаниях женских советов и находят полное одобрение у каждого человека с передовыми взглядами. Однако далеко не все оценивают калым столь однозначно негативно.

Отдельные родители, в том числе и представители интеллигенции, возражая подобной позиции, говорят: «Какой это калым? Мы берем не калым у жениха, а деньги, которые расходуются на материальное обустройство мебели и другой обстановкой для жилища новобрачных. В одежде, обуви наша дочь будет ходить в доме мужа, а не у нас, будет ходить не один год, а несколько лет». То же самое можно слышать и о подарках. Резонный вопрос: «Зачем вам, отцу девушки, беспокоиться о мебели для новобрачных, пусть об этом позаботится жених, мужчина, который будет практически главой семейства. Не лучше ли вам дать дочери подарок, который позволяет ваше состояние», — ответа не получает. Некоторые родители по-прежнему требуют от жениха 1500—2000 рублей денег и 10—20 комплектов одежды и обуви, золотые украшения. В ряде случаев подарки (пуховые платки, японские шапки и т. д.) требуются и для сестер невесты.

Моражает и то, что число и материальная значимость подарков растет из года в год. сосед старается поразить соседа, друг — друга и требует все больше. Нередко законодателями в этом соревновании выступают люди с потребительской психологией. Однако бороться с калымом трудно, т. к. он носит обычно скры-

тую форму и выявляется лишь в процессе разводов, когда жена уносит в отцовский дом все, что куплено за деньги семьи мужа, мотивируя это тем, что она это привезла с собой. Попробуйте доказать, что не она привозила это имущество, что оно было приобретено женихом.

В результате фактов такого рода молодой муж остается разоренным. Именно поэтому растут негативные отношения к сделкам во имя обычая, в нарушение новых норм жизни советских людей.

Другой обычай, с которым также необходима борьба, — это сбор денег на свадьбе, в ряде случаев с помощью целого штата бухгалтерии, с кассой прямо во дворе. Не хватает лишь платных билетов на свадьбу, как в театр. Порою приглашают на свадьбу даже тех, с кем имеют шаночное знакомство, в результате чего на свадьбе присутствует до 500—1000 чел. Представьте себе аул, где в каждое воскресенье или субботу вступают в брак две-три пары молодых людей и на каждую свадьбу приглашаются все аульчане, причем как в дом девушки, так и в дом жениха. Сколько денег надо иметь каждому односельчанину, чтобы одаривать всех, кто приглашает на свадьбу. Более того, поскольку на свадьбу приглашается большое число людей, закалываются 2—3 коровы на одно торжество и не менее 10—12 голов скота в течение одного-двух дней на все торжества, происходящие в ауле. Над этим тоже следует призадуматься.

Не может не вызвать противодействия и обычай избегания. В ряде районов равнинного Дагестана (Хасавюртовский, Дербентский, Бабаюртовский, Ногайский и др.), следуя старой традиции, отдельные женщины в течение определенного времени после свадьбы не вступают в беседу, личное общение с мужчинами — родственниками мужа старшего возраста, используя на крайний случай посредника. Это «избегание» — дань старой привычке, ибо не вяжется с новым положением женщины в обществе, с возросшим ее социальным престижем. Борьба с унижающими женское достоинство обычаями должна быть еще более действенной, острой и безкомпромиссной. Соблюдая обычай такого рода, отдельные люди, в том числе и женихи с невестой и их довольно еще молодые родители, нередко ссылаются на волю старших родственников. Они говорят: «Мы и сами знаем, что эти обряды отжили свое и выглядят сегодня некрасиво. Но ведь не обидешь же стариков. Думаем: пусть будет по ихнему». Что тут можно сказать? Стариков, конечно, надо почитать. Многолетний опыт их жизни, мудрость, знание народных традиций — все это несомненно представляет большую ценность и заслуживает высокого уважения. Однако это все не значит, что во имя уважения к старшим надо слепо повиноваться отжившим нормам жизни.

Новая современная свадебная обрядность пока находится в стадии формирования, хотя этот процесс идет повсеместно и достаточно интенсивно. Большую роль в ускорении этого процесса играют партийные, общественные организации на местах. Приживаемости и росту популярности новых традиций мешают

и недостаточность эмоционально насыщенных торжественных и веселых церемоний. Часто новые свадьбы проходят шаблонно, однообразно. Передки случаи, когда свадебным торжеством управляют лица с отсталой психологией. Излишне много внимания уделяется за свадебным столом тостам, выступлениям, нередко однообразным, лишенным всякой эмоциональности, юмора, шутки. Это сковывает инициативу гостей, желающих повеселиться, гасит экспромт, шуточные номера, вызывающие дружный смех, аплодисменты окружающих.

Необходимо, чтобы свадебные торжества возглавляли люди с широким диапазоном культуры, организаторским талантом, богатой фантазией, юмором, умеющие создавать не только торжественную, но и непринужденную обстановку для гостей и хозяев. Надо, чтобы в новом свадебном перемонале были восстановлены и творчески использованы незаслуженно забытые шуточные песни, коллективные танцы, маскарадные представления и связанные со всем этим памятные призы. Надо подумать над тем, как использовать на этих торжествах национальные костюмы, придающие свадьбе колорит и особую торжественность.

Сейчас во всех аулах, рабочих поселках созданы комиссии по новым обрядам, в которые входят ответственные работники, люди, пользующиеся уважением среди масс, хорошо знающие обычаи и традиции своего и других братских народов. Задача этих комиссий и всей передовой общественности — серьезно проанализировать традиционную свадебную обрядность на местах, отобрать в ней все, что приемлемо в современных условиях, что созвучно новому образу жизни, использовать все ценное, что создано многовековым опытом поколений. При Дарестанском отделении общества «Знание» организован специальный совет по внедрению в быт населения новых традиций и обрядов. В настоящее время во многих районах республики периодически проводятся научно-практические конференции на эту тему. Областным комитетом партии в 1973 г. была созвана общереспубликанская конференция, обсудившая социальную значимость проблемы традиций и инноваций в быту. Совет по внедрению в быт новых традиций разработал план широкого изучения и опытной проверки роли новых обычаев, обрядов, церемониала, символики. Еще предстоит тщательный отбор и различение прогрессивных традиций от консервативных, продиктованных патриархальными устоями жизни в прошлом, косных, суеверных и, следовательно, вредных, ограничивающих самостоятельность и самостоятельность народных масс. Наряду с традиционными формами и их творческим освоением, мы должны всемерно популяризовать общесоветские черты культуры, быта, обрядности (новые гражданские, патристические обряды и т. д.), отвечающие этическим и эстетическим установкам нового человека, понятиям советских граждан. Ибо, как справедливо отмечает известный советский этнограф Т. А. Жданко, «развивающаяся социалистическая национальная

культура не может питаться одними традициями, ее содержание богаче и шире»¹⁰.

Надо, чтобы комиссии, работающие на местах, а также наша общественность проявила более целенаправленную, более активную деятельность по созданию новой советской свадебной обрядности, рационально сочетающей традиционные и современные формы, служащие культурным потребностям и воспитанию трудящихся, больше проявляла инициативу, как в поисках новых интересных, красочных эмоциональных форм, так и в совершенствовании существующих обычаев наших народов. При этом необходим творческий подход, отказ от шаблонов, искусственного насаждения или механического перенесения старых обрядов или обрядов других народов, не приемлемых в условиях Дагестана, хотя и широко практикуемых в ряде других областей и республик нашей страны.

В этом творческом создании большое поле деятельности для театра, кино, печати, радио. Домов народного творчества Министрства культуры, телевидения (короткие сценарии, создание и демонстрация документальных фильмов о современных свадьбах, газетные и журнальные очерки, радиопередачи) и других средств массовой информации. Следует обратиться к нашим поэтам, композиторам с просьбой написать новые стихи, песни, мелодии, специально посвященные этому торжественному акту. Необходимо, чтобы все звенья свадьбы были заранее тщательно продуманы (красивое убранство помещения, сервировка стола, музыка, прием гостей, совместное угощение женщин и мужчин, обязательное участие жениха и невесты в торжествах за общим столом, проведение поэтических состязаний, народных театрально-маскарадных представлений, призы за лучшее исполнение танцев, песен и т. д.) и отвечали духу образа жизни советских людей.

Свадебный обряд, как и многие другие народные обряды и обычаи, представляет собой элемент социалистической культуры и является важным средством воспитания трудящихся. Именно поэтому эффективная работа общественности в этом направлении окажет положительное воздействие на процессы воспитания человека и формирование его личностных качеств.

¹⁰ Жданко Т. А. К проблеме традиций и инноваций в быту народов СССР // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 г.: Тез. докл. и сообщ. по этнографии. Ташкент, 1973. С. 7.

Г. А. СЕРГЕЕВА

ОДЕЖДА В СОВРЕМЕННОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Свадебный обряд народов Дагестана в советский период претерпел изменения, вызванные перестройкой всех сфер жизни — социальной, экономической, культурной. Отдельные элементы его, в силу архаичности, несоответствия новому культурно-бытовому укладу, отпали, или были ограничены (например, решение судьбы молодых без их участия, одними родителями, сословные и экономические соображения при выборе невесты), или получили переосмысление. Однако целостность свадебного цикла, включающего обряды досвадебного, собственно свадебного и послесвадебного периодов, не нарушилась и не распалась как у сельского, так и у городского населения.

Тенденция к значительному сокращению традиционных элементов, заметно проявлявшаяся в 1950-е годы, в дальнейшем развития не получила. Скорее, наоборот, в ряде горных районов Дагестана, да и в городах тоже, в 1980-е годы появился повышенный интерес к национальной по форме свадьбе. Это, видимо, связано не только с желанием возродить отчасти утерянный положительный опыт бытовой культуры, но и с ростом этнического самосознания, проявлявшегося в стремлении сохранить и выделить традиции своего собственного народа.

Полевые материалы отмечают по-прежнему большую роль родителей и старших родственников при выборе невесты или жениха как своей, так и другой национальности (их согласие на брак считается обязательным, но при этом спрашивается и мнение молодых); повышение брачного возраста вступающих в брак, особенно девушек; сокращение свадебных торжеств до двух-трех дней; изменение свадебного сезона (свадьба проводится, как правило, летом, а чаще осенью, во время отпуска и каникул молодежи); участие в свадьбе представителей других национальностей и гостей из различных районов Дагестана (в Южном Дагестане и из Азербайджана); регистрация брака в ЗАГСе (одновременно заключение брака по шарпату сохраняется, хотя и не всегда считается обязательным); сбор подарков (часто денежных) в пользу молодых и в ряде случаев фиксация их в списке; сохранение традиционного деления свадебного цикла на три основных момента — сватовство, сговор и собственно свадебное торжество.

Важным материальным компонентом свадебной обрядности, несущим знаковую нагрузку, в т. ч. и этническую, является одежда. Изучение ее состава, форм и функции выявляет не только стабильность или подвижность традиции ношения отдельных элементов костюма, но и смысл, характер их использования в современном свадебном обряде (религиозно-магический, эстетическо-правственный, престижный и др.).

Особую роль в свадебном обряде народов Дагестана играют украшения, как нашиваемые на одежду, так и отдельно носимые. В советский период, в связи с трансформацией женского костюма в целом, упрощением состава его элементов, назначение многих украшений изменилось.

Появление платьев новых кроев (на кокетке, отрезных по талии) из более легких тканей привело к отпадению тяжелых массивных украшений, нашиваемых на одежду. Украшения же отдельно носимые — бусы, серьги, браслеты, кольца — сохранились и более всего присутствуют в праздничном и свадебном костюме. Это, видимо, объясняется их рациональностью (они легче подвесок, нашиваемых во множестве на платье), связью с общим стилем костюма (серебро хорошо выделяется на фоне ярких цветных тканей), а также художественными достоинствами.

Прежний магический смысл украшений (особенно головных, напшпанных), как свидетельствуют наши полевые данные, был утрачен, и на первый план выдвинулась их престижная функция. По широко бытующему мнению сельских жителей, чем больше в приданом невесты накоплено серебряных вещей, да и золотых тоже, тем большего уважения заслуживают ее родители и близкие родственники.

Анализ собранных материалов¹ показывает, что в последние два десятилетия в ряде горных селений Дагестана наметился процесс восстановления национальной праздничной женской одежды. Важно отметить — развитие этого процесса было облегчено тем, что постоянно носимый будничной женщиной, в основном пожилого возраста, сохранял черты традиционности. И это можно продемонстрировать на примере костюма женщины с Кубачи (Дахадаевский район), которые считают для себя обязательным ношение широких платьев и особенно белого легкого головного покрывала, окутывающего грудь и плечи, а также серебряных украшений — колец и браслетов. Корни данного явления, видимо, надо искать в возросшем в нашей стране интересе к кубачинскому художественному промыслу, в большом притоке в Кубачи туристов. В данном случае особенности одежды кубачинки являются своеобразной меткой, демонстрацией ее исключительности, ее принадлежности к народу, обладающему высо-

¹ Статья основана на полевых материалах, собранных автором во время экспедиции в Дагестан в 1977, 1978, 1980, 1982, 1985, 1987 гг. (хранятся в архиве Института этнографии АН СССР). В статье также использованы некоторые полевые записи 1987 г. сотрудника Института этнографии АН СССР Г. А. Хизриевой.

кой художественной культурой, получившей широкую известность за пределами селения, района и Дагестана в целом.

Интерес к традиционному праздничному костюму как у кубачинцев, так и у других народов Дагестана особенно возрос в 1970—1980 годы, чему немало способствовало создание к этому времени во многих районах Дагестана (Дахадаевском, Акушинском, Цунтинском и др.) фольклорных ансамблей. Участники этих ансамблей выезжали на всесоюзные и международные конкурсы, в связи с чем появилась необходимость, потребность в реконструкции своего национального костюма или моделировании форм, его заменяющих. В то же время стремление как можно быстрее возродить уже утраченный первоначальный облик национального костюма имело свои негативные последствия — часто в комплексе одежды за наименьшим подлинным представляли предметы и украшения, заимствованные у других народов, или грубо модернизированные и потерявшие свою эстетическую ценность и этническое своеобразие, особенно это касалось цветовой гаммы.

На недостаточную популяризацию народного костюма в качестве праздничной одежды в Дагестане указывает С. Ш. Гаджиева, изучавшая вопросы развития новой обрядности. Она подчеркивает, что «коллективы художественной самодеятельности выступают нередко в костюмах одного и того же покроя и вида, чаще увлекаются «къабалай» равнинного типа, а следовало бы пользоваться всем многообразием традиционных, красочных костюмов мозаичного в национальном отношении горного края»².

Наиболее полно женский праздничный наряд представлен в свадебном комплексе. Одежда невесты состоит из предметов, входящих в приданое, а также подарков жениха и родственников с обеих сторон.

Обычай приносить приданое сохраняется. Каждой девушке, особенно в сельской местности, его готовят с детства. Согласно традиционно сложившимся взглядам, лица всех поколений считают приданое необходимым и важным условием заключения брачного союза.

Кубачинке, например, дают в приданое до 20 платьев (большинство шелковых, из индийского сари), 15—20 головных покрывал светлых тонов (чаще белых, из маркизета), некоторые шьют для дочери чухту (раньше готовили обязательно 5—6 штук), собирают старинные украшения (массивные браслеты со вставками из камней, кольца, подвески из монет), покупают современные ювелирные изделия, отрезки тканей, шелковые и шерстяные платки (японские и индийские). Японские платки, индийские сари и платки покупают как у нас в стране, так и за рубежом, затрачивая на поездки за ними много времени и средств.

Родители-кубачинцы по традиции стараются дать в приданое дочери старинные вещи, в частности большой шерстяной платок

теша пледа *иттин-цияншила* («красно-зеленый»), который считается весьма модным и оценивается в 2—3 тыс. рублей, а также шелковый платок *хьул чумала*, светлое головное покрывало *къаз* (длиною до 2,5 м., в ширину полотнища), украшенное вышивкой золотой нитью (основной орнамент «восточный огурец»), отделанное мережкой по всему полю и имеющее по одному концу кайму из парчи (по рассказам кубачинок, золотые и серебряные парчевые полоски, которые пришивают и на современный *къаз*, стоят 400—600 руб.).

Чем больше старинного в приданом кубачинки, тем выше, по местным представлениям достоинство и авторитет ее семьи (люди говорят «Какие старинные вещи несут!»). Если же семье девушки не удалось скопить старинных предметов одежды, то их отсутствие стараются компенсировать современными вещами — коврами, мебелью, посудой. Раньше для каждой девушки готовили и войлочные сапоги, теперь их делают редко. Мать давала дочери кольцо. Близкие родственники у кубачинцев приносят невесте золотые вещи. Причем золото начинают дарить девочке с раннего детства, считая его и оберегом от дурного глаза и знаком богатства семьи будущей невесты. Так, в Кубачах мы видели 8-месячную девочку с золотым браслетом на руке, составленным из отдельных полых звеньев. Этот браслет надела девочке ее бабушка после 40 дней жизни ребенка и она должна его носить до одного года. Пошение серебряных браслетов маленькими девочками на свадьбе отмечено полевыми материалами и в соседнем селении Шире.

Список предметов одежды, входящих в приданое, более или менее стабилен и его стараются придерживаться все кубачинцы, чтобы не вызвать осуждения со стороны односельчан. Конечно, набор вещей, их количество и качество могут варьировать в зависимости от материальных возможностей семьи и круга ее родственников, отношения к традиционным установкам своего народа и, наконец, от места жительства. Так, в городской среде, где влияние традиции ослабевает, состав приданого несколько изменяется, но в нем всегда присутствуют вещи, характерные для приданого сельской девушки. Из одежды это прежде всего головное светлое покрывало, различные платки и шали, из украшений — браслеты и кольца кубачинской работы.

Традиция включения одежды и украшений в приданое сохраняется и у даргинцев других селений. Набор дорогих шерстяных платков и шалей, серебряных кубачинских украшений, а также золотых фабричных вещей демонстрирует состоятельность невесты и тем самым повышает престиж ее семьи в глазах односельчан.

В селении Сутбук Дахадаевского района престижно иметь в составе приданого черное бархатное платье старого тушикообразного покроя, украшенное спереди (от талии вниз) и по рукавам серебром (монетами, подвесками). Невеста это платье *арсла хлава* («серебряное платье») не одевает, но в нем на второй день

² Гаджиева С. Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала. Даг. кн. изд-во, 1979. С. 45.

свадьбы танцует подруга невесты или свекровь. Приданое в этом селении также готовят заранее. Оно называется *мас*, т. е. «богатство», и обязательно включает черную чухту *чудхъа* (полотнищеобразная, короткая с тесемками из простой ткани, в височной и лобной части украшенная серебряными монетами) и черное головное покрывало *чаба*. Невесте дают 10—15 больших шалей с бахромой и столько же платьев, а также вещи, предназначенные для обстановки двух комнат.

В селении Ширп (Дахадаевский р-н) мать кладет в сундук с приданым все те вещи, которые ей в свое время передала ее мать — старинные платки и платья, серебряные кубачинские браслеты и кольца и мн. др. В одной семье нам показали вещи девушки, приготовленные для нее родителями (в селении в тот момент праздновали свадьбу, готовились к выводу невесты из родного дома). Это были отрезки на платье, самые дорогие современные кофты из шерсти и искусственной пряжи, набор старинных серебряных рублевых и более мелких монет, нашитых на длинную полоску ткани в виде ленты. Ленту обычно связывают на металлический кувшин, с которым женщины ходят за водой к источнику. После перехода невесты в дом жениха кувшин с лентой ставят в комнате молодых на общее обозрение, как бы утверждая данным атрибутом высокое имущественное положение новобрачной и ее родителей. Еще несколько лет тому назад с таким кувшином, украшенным серебряной лентой, молодая совершала первый обрядовый выход за водой в сопровождении подруг и сельской молодежи. Теперь этот обряд отпал в связи с сокращением числа свадебных дней (по решению сельского схода). Монетный набор родители должны были сделать каждой дочери, выходящей замуж (он стоит не менее тысячи рублей). Кроме того, надо было приготовить и готовят сейчас по крайней мере два старинных массивных и богато отделанных браслета, по концам усыпанных крупной зернью и украшенных крупными драгоценными завершениями с цветными камнями³. Теперь дают еще 2—3 браслета современного типа (серебряных с чернью, без камней), различные серебряные подвески, золотые часы, серьги, цепочку. А у некоторых ширпцев принято давать в приданое, как и у кубачинцев, старинную золотую монету.

У даргинцев Цудахара приданое невесты включает, помимо постельных комплектов, ковров и других домашних вещей 30—40 отрезков на платье, не менее двух пар серег и других украшений.

Даргинки с. Чираг (Агульский район), выходящие замуж, должны обязательно иметь в приданом (так было в 1977 г.) не менее 4—5 шерстяных павловских платков, один шерстяной японский. Кроме того, связать для подарков родне жениха 20—30 пар шерстяных носков.

Одежда невесты, ткани, различные подарки стороне жениха укладываются в специальный деревянный сундук, окованный ме-

таллом, покрытый краской (под красное дерево) и украшенный фигурами из пластмассы (бронзовая краска). Такие сундуки (большой оценивается в 300 руб., поменьше — в 200 руб.) делают местные мастера; в Кубачах, например, сундуки заказывают у лакского мастера, который уже несколько лет живет в этом селении.

Сундук с приданым у даргинцев переносят в дом жениха в разное время. Так, в с. Сутбук вещи доставляют накануне перехода невесты в новый дом, а в с. Ширп часть вещей переносят в момент перевода невесты вечером, а часть — на другой день свадьбы. Причем у ширпцев до сих пор принято, во избежание недоброжелательных действий со стороны людей, обладающих якобы «дурным глазом», все вещи, находящиеся в комнате молодых (в т. ч. принесенную невестой одежду из приданого и подарков жениха и родственников), не выносить из дома 40 дней (9 дней обязательно). Подобные представления связаны с магическими обрядами, направленными на обеспечение благополучия молодой семьи⁴.

Включение одежды в состав приданого характерно для других народов Дагестана как в сельской, так и в городской среде. У аварцев родители стараются сохранить для дочери старинные платья из парчи — *зарбаб*, шелка — *дарай* (как правило, туникообразного покроя, с прямыми рукавами), традиционного покроя штаны, шелковые и шерстяные платки восточного и русского образцов, представляющие подчас музейную ценность, а также серебряные украшения (браслеты, кольца, серьги). В свадебном наряде невесты аварского селения Ругуджа встречается налобнотемное украшение — *маргъал*, которое надевают на головное покрывало *мучлу*, а поверх набрасывают платок⁵. *Маргъал* переходит девушке в приданое от матери. Он выполняет не только декоративно-художественную функцию, но и является этнической меткой культуры аварцев данной территории, а в свадебном обряде — одним из материальных элементов, в прошлом несущим определенный магический смысл (маргал закрывал лицо невесты от постороннего взгляда).

Старинные одежда и украшения, собранные в приданом, жепчиной-аваркой на протяжении ее жизни обычно не используются,

⁴ См.: Агаширинова С. С. Свадебные обряды лезгин XIX—начала XX века // Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XII. С. 148; Булатова А. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 148; Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. М.: Наука, 1985. С. 236—238; Гаджиев Г. А. Магия в свадебной обрядности народов Нагорного Дагестана // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Махачкала, 1986.

⁵ См.: Агаширинова С. С. Национальная одежда аварцев в XIX—XX веках // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 152; Сергеева Г. А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX—начала XX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1980. VII. С. 100—101; Мусаева М. К. Украшения свадебной одежды аварцев (на примере с. Ругуджа) // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана. Махачкала, 1986. С. 113—114.

³ Декоративное искусство Дагестана. М., 1971. С. 118.

сохранение их в свадебных сундуках — дань традиции. В то же время ювелирные украшения современной работы, которые теперь тоже стали получать от родителей в приданое и в качестве подарков от жениха и его родственников, входят не только в праздничный, но в повседневный костюм всех дагестанок, как в селе, так и в городе.

Приданое девушки-лезгинки составляет не только из предметов одежды, но и вязаной обуви⁶, которая еще недавно была в ходу (до 1950—1960-х годов), а также носков и вязаных чувак («домашники»). Каждая невеста должна иметь не менее 50 пар носков, как можно больше пар чувак, которые выделывают и на продажу, чтобы скопить деньги к свадьбе, и для подарков стороне жениха. Поэтому все женщины, девушки, а также девочки начиная с 6 лет занимаются вязанием в любую свободную минуту, где бы они ни находились — дома, в пути, в поле.

Шерстяные носки для приданого и подарков вяжут рутульские женщины (основной узор вязания «ахтынский», на подъеме — роза) и аварки (Тляртинский р-н). У рутульцев (Рутульский р-н), кроме того, распространились и чуваки. Традиция вязать носки, шерстяную обувь типа сапога и собирать их для приданого девушки сохраняется до сих пор у бежтин (Цунтинский район).

В приданое девушки-агулки, кроме мебели, постельных принадлежностей, ковров, паласов, входят шерстяные и шелковые платки, различная одежда и белье. Традиционно одежда всегда составляла часть приданого агульской девушки. Так, в начале XX в. невеста должна была принести в дом жениха не менее четырех рубах из ситца, шелка *дарай*, парчи *зарлу харай* (обычно все это выбиралось ярких цветов — красного, синего и др.), нарядные штаны из тех же тканей и *валжаг* (одежда типа беннета) с серебряным поясом⁷. Теперь лишь у немногих агулок можно встретить подобную одежду, сохраненную родителями и старшими родственниками.

По полевым данным конца 1970-х годов, у агулов ряда селений существует обычай фиксации предметов приданого и подарков жениха в специальном списке. Перед выводом невесты из дома родителей созданная комиссия (из представителей местной власти и сторон жениха и невесты) по определению и подтверждению состава приданого осматривает вещи и заверяет своим подписями составленный список в присутствии председателя сельсовета. Этот акт остается на руках у родителей девушки и становится важным документом в случае развода супругов⁸.

⁶ О вязаной обуви см.: *Сергеева Г. А.* Вязаная обувь народов горного Дагестана // Кавказский этнографический сборник. VIII. М.: Наука, 1984.

⁷ *Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламгагомедов А. И.* Агулы (Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975. С. 165.

⁸ С одним из таких актов, составленным в с. Буркихан в 1973 г., мы ознакомились во время экспедиции 1977 г. Из одежды (приданого) в нем перечислялись: платки шерстяные (5 шт.), платки шелковые (5 шт.), косынки шелковые и хлопчатобумажные (16 шт.), шарфы (2 шт.), платье крепдешиновое, кофта

У горожан-лезгин, лакцев, кумыков и др. в приданое из одежды чаще всего включаются украшения, а также белье.

Приношением подарков из различных предметов одежды (кольца, браслеты, платки и косынки, белье, ткань и др.) сопровождаются все важнейшие моменты свадебного цикла — сватовство, сговор, собственно свадьба. Особенно важен и традиционно устойчив в современном свадебном цикле обряд приношения подарков невесте от жениха, включающих украшения, платки, платья. Данный обряд предшествует перевозу приданого невесты в дом жениха и по существу его предопределяет. Этот акт является определенным знаком, вещественным, материальным подтверждением взятых обязательств о заключении брачного союза, о чем становится известно и односельчанам. Важным актом, свидетельствующим о причастности родных, близких друзей и знакомых к происходящему событию, следует считать также обычай приношения ими невесте и жениху во время свадьбы подарков в их вещевом и денежном выражении.

Так, у хновцев в официальном сватовстве *бельге* участвует человек пять ближайших родственников-мужчин. В дом невесты несут подарки — шаль, золотое кольцо, конфеты. Их принимают собравшиеся родственники девушки и угощают пришедших. Свадьбы договариваются о сроках свадьбы, которая обычно бывает через год. Накануне свадьбы назначают *лишан* — сговор, на который приглашают всех односельчан. Последние приходят с подарками, кто с платком, кто с деньгами (в 1980 году давали не менее 10 руб.), и это фиксируется в специальном списке. Сторона жениха заранее готовит подарки для невесты (комплект одежды, один баран, 3—4 кг масла) и относит их в день лишана в дом невесты. Идут туда родственники девушки, разложив подарки на подносе и погоняя перед собой барана, их сопровождают музыканты с барабанами и зурной. В день свадьбы собираются гости, приглашенные из других мест (им заранее посылают открытки); они дают пакеты с деньгами от 5 до 30 рублей и более. В более старой традиционной свадьбе было принято давать что-нибудь из одежды, отрезки тканей.

Самый торжественный момент свадьбы хновцев, как и других народов Дагестана, — переход невесты в дом жениха. Гонцов за невестой из дома жениха отправляют часам к четырем. Молодежь идет с музыкой и танцами. Раньше невеста ехала в дом жениха на лошади, теперь ее медленно везут на автомобиле из одной части селения в другую, специально делая круг. При этом девушки украшают машину платками, которые потом раздают водителю и сопровождающим лицам.

Примерно те же самые моменты свадебного цикла наблюдаются и у цахуров. Только невеста обязательно едет верхом на ло-

шерстяная, отрезки шелковой, шерстяной и штанельной ткани (всего 71 м), белье, туфли, несколько пар чулок. Общая сумма затрат на одежду составляла более 800 руб.

шади, украшенной шелковым платком и треугольным амулетом *сабаб* с зеркальцем (на лбу) в сопровождении подружки и близкой родственницы, тоже на лошадях. Голова и лицо невесты закрыты платком так, что она ничего не видит. Переезд ее на лошади по горным узким, с большими подъемами и спусками тропинкам опасен, поэтому лошадь ведет мужчина; мужчины идут и с обеих сторон невесты.

У кумыков (например, с. Аксай Хасавюртовского района), чеченцев (с. Муцалаул того же района), даргинцев-кайтагцев (с. Маджалис Кайтагского района) приглашенные на свадьбу приносят в качестве подарка не предметы одежды и какие-либо другие вещи, а деньги (от 10—20 до 100—200 и более рублей). По мнению местных жителей (с. Маджалис), устроители свадьбы благодарят обычно денежных сборов с гостей не остаются в убытке, несмотря на то, что на свадьбу приходит много людей и всех надо накормить. Кайтагцам этот обычай ранее не был известен (прежде дарили обыкновенно какие-либо вещи, одежду или приносили продукты) и появился он примерно в конце 1950-х годов, не без влияния живущих здесь же кумыков.

Даргинцы Цудахара также стали давать в качестве подарка молодым деньги (родные приносят 100, а знакомые 30—50 рублей). Причем мужчины, садясь за праздничный стол, стараются эти деньги вручить незаметно, т. к. фиксация денег при этом не ведется. Женщины же денежных сумм не вносят, они появляются на свадьбе до начала торжеств и преподносят свои подарки, главным образом, отрезки на платье.

Даргинцы (Дахадаевский район) при сватовстве и сговоре вручают девушке-невесте, помимо различных продуктов, денег (серебряных монет), предметы одежды и украшения. Так, в с. Ашты приносят до 20—25 различных отрезков ткани, несколько дорогих шерстяных и шелковых платков, золотое кольцо, часы, серебряный браслет.

У аварцев (с. Ушцукуль) через неделю после сватовства невесте, а также ее сестре и матери отправляют подарки — белые платки. Это называется *кверлгин чвай* («платок пакнуть»). Спустя 20—30 дней сторона жениха приносит невесте одежду *ретел кьей* («одежду дать»), которая включает несколько штук платков (больших и маленьких), косынок, туфли (2—3 пары), все нижнее белье, носки и, главное, золотые часы и кольца. Пришедших с подарками женщин (среди них может быть и мать жениха) встречают и угощают. Мать невесты одаривает их платками *горменду*. Дарообмен в таких случаях существует у многих народов Дагестана (он известен и городским жителям).

Во многих местах Аварии стало традицией в состав подарков, преподносимых женихом невесте, включать золотые кольца, серьги и часы взамен серебряных украшений, приносимых в прошлом. В некоторых селениях (с. Ругуджа) золотые вещи, в частности часы с браслетом, дарит молодой после брачной ночи ее

свекровь⁹. В этом, видимо, надо видеть знак признания ее в новой семье.

Традиция приношения подарков невесте родней жениха и ответное одаривание — «дарообмен» — сохраняется у аварцев, живущих в городе, например, ругуджинцев. По сообщению информаторов (г. Махачкала), сторона невесты ставит условием обручения молодых вручение девушке примерно следующих вещей: вязаного шерстяного костюма, импортного платья, туфель, сапог и двух колец — обручального и с бриллиантом. Обязательным также является набор старинных вещей — платка, серебряных украшений — браслетов, колец и др., т. к. иметь их престижно. В этот же день происходит одаривание стороны невесты: жениху посылают — костюм импортный, рубашку, туфли, иногда норковую шапку, отрезки ткани, его родным — платки (среди них два японских).

У кумыков-горожан обручение юности и девушки закрепляется дарам (от жениха и его родных), в составе которых могут быть золотые кольца лучше с изумрудом (одно из них надевают на руку невесты), серьги (и с рубином), часы с браслетом, отрезки различных тканей, импортные костюмы и платья (все это оценивается в несколько тысяч), не считая калымных денег, которые даются родителями юности стороне невесты для приобретения мебели. Родные девушки должны подарить жениху полный костюм, включая обувь.

После принесения подарков назначается срок свадьбы и молодые, давшие согласие на брак, могут встречаться. Если же одна из сторон упрекает другую в ненадежности, то в течение установленного до свадьбы срока сговор может быть расторгнут и после взаимных объяснений вещи возвращаются.

У кумыков, как и у других народов Дагестана, вещами одариваются многие активные участники свадьбы. Так, когда с невестой едут в дом жениха, мужчинам, ее сопровождающим, завязывают через плечо платки, а женщинам — отрезки. Дарят и те платки, которыми родные невесты украшали машины свадебного поезда. Невеста одаривает мать жениха отрезком, а отца — рубашкой (также же дары получают и ее родители). Подругам девушка раздает полотенца, платочки и другие небольшие подарки.

У лезгин набор подарков, преподносимых родней жениха невесте и ее близким, после получения согласия на брак более или менее устойчив. Хотя их число и качество зависят от возможностей сторон, каждая семья старается быть не хуже других, не унижить своего достоинства и достоинства круга своих родственников. Поэтому многие родители, имеющие сыновей, начинают копить некоторые вещи (например, золотые украшения) для подарков будущей невесте задолго до свадьбы, подчиняя свою жизнь во многом данной традиции. Особенно трудно приходится

⁹ См.: Мусаева М. К. Указ. соч. С. 117 (примечание).

тем из них, кто имеет несколько детей, судьбу которых также надо определить.

Такая психологическая установка действует и в селе, и в городе и не только у лезгин, но и у других народов Дагестана.

Подарки невесте и ее родным у лезгин приносят в день официального сватовства или чуть позже. У них существует предьявление списка того, что должна принести другая сторона. Об этом специально уговариваются родители. Если родители жениха дарят девушке одежду, украшения (не считая калымных денег от 2 до 5 тыс. руб.), то родители невесты — мебель, ковры, постельные принадлежности, посуду (на покупку этих вещей, как правило, расходуются калымные деньги).

Нами записаны сведения о составе подарков, которые были преподнесены стороной жениха стороне невесты несколько лет тому назад (пос. Дагестанские Огни). По рассказам матери жениха, они принесли невесте от имени жениха набор предметов одежды, составляющей гардероб женщины на все сезоны года (включая предметы косметики), кроме того, два комплекта золотых украшений (серьги, кольца), обручальное кольцо с бриллиантом, золотые часы с браслетом, золотую цепочку, серебряные браслет и брошки кубачинской работы. Еще два золотых кольца подарили родственники юппии. Подарки приготовили и для родственников невесты: это японские платки, отрезы тканей (в т. ч. на костюм отцу девушки), мужские рубашки и т. д. Все эти вещи были уложены в два чемодана: один из них, самый большой, наполнили всем, что преподнесли лично невесте, ее приданым и дарами родным жениха, другой — подарками ее родственникам. По обычаю, родные невесты не должны возвращать второй чемодан пустым — они кладут в него ответные дары (национальные шерстяные носки и носки мужские фабричные, чулки, платочки, мужские рубашки и т. д. и что-нибудь сладкое).

В день принесения подарков стороне невесты, завершающий сватовство, приехавшие из дома жениха, вызывают невесту и надевают на нее кольцо, серьги, часы. С этого момента девушка считается официально засватанной. Таким образом, вещи, врученные девушке и принятые ею, являются вещественным знаком, подтверждающим ее переход в разряд обрученных невест и закрепление за определенным женихом (дано слово и принесены дары). Такой обычай характерен не только для лезгин, но и для других народов Дагестана.

У лезгин между сговором и свадьбой проходит один-два месяца (иногда и больший срок, в зависимости от договоренности сторон), и в этот период невеста шьет себе платья из подаренных ей отрезков, в т. ч. и свадебное, а также пополняет состав приданого, которое готовится заранее.

В день свадьбы, которая сначала начинается в доме родителей девушки, близкие стараются одарить невесту дорогим подарком (кольцо, ковер, сервиз или деньги). Гости же, как правило, приносят деньги (сумма их фиксируется в специальном списке, этот

список становится памяткой и в случае, если кто-либо из гостей будет играть свадьбу у себя, ему возвращают долг или дают больше).

Свадебные мащины, приехавшие за невестой, украшают шелковыми платками и лентами (этот обычай отмечается у всех горожан-дагестанцев) кто-либо из родственниц жениха или невесты (потом эти платки, вместе с другими вещами, дарят шоферам).

Перед отъездом из родительского дома девушка прощается со всеми родственниками. К ней заходит отец, чтобы произнести напутственное слово (разговор дочери с отцом должен проходить наедине). Только после этого она наряжается в свадебное белое платье, и если лицо заплаканное, прикрывает его шалью.

После брачной ночи молодую у лезгин приходят поздравлять родственники с обеих сторон и вручают свои подарки. Мать жениха часто дарит что-нибудь из золотых вещей (кольцо, кулон), а также деньги, радуясь тому, что невеста оказалась целомудренной (обычай демонстрации девичьей невинности сохраняется не у всех). После этого молодая, вступившая в новый дом, раскрывает чемодан с подарками, который она привезла с собой из дома родителей, и раздает всем присутствующим гостям (шерстяные носки, платки и др. вещи).

Такой обычай знаменует собой приобщение молодой женщины к новой семье, и его следует отнести к важнейшим моментам свадебного цикла, тем более что он сохраняется как у горожан, так и у сельских жителей.

Обычай приношения молодым даров (вещевых и денежных) действует и при заключении брака лицами разной национальной принадлежности. В свадебном цикле при этом сочетаются обряды как одного, так и другого народа, но все же больше ощущается влияние того этноса, к которому принадлежит невеста, т. к. в дагестанской свадьбе значительная часть обрядовых действий (в т. ч. и магических) направлена на обеспечение благополучия девушки-невесты. Именно о такой свадьбе — калмычки и даргинца (каптагна), состоявшейся в 1968 году, нами были собраны сведения в Маджалисе (1978 г.) До официального сватовства родители жениха посетили мать невесты, чтобы получить ее согласие на брак. Затем на другой день принесли кольцо, белый крепдешиновый платок с кистями (обязательный подарок), босье — гарнитур туфли, отрез на платье и 300 руб. денег (в конце 1970-х годов уже приносили 500, 1000 руб.). В день сговора (через месяц) собрались многие родственники невесты, пришли друзья жениха и состоялось вручение даров (такие дары — деньги, вещи — называют здесь калымом) по кумыкскому обычаю — 1000 руб. денег, одежды, золотых украшений (кольца, серьги, перстень, золотые часы), различных платков и 15–16 отрезков на платье (в конце 1970-х годов уже давали до 30 отрезков). Каждый из присутствующих родственников жениха тоже давал для невесты деньги, кто сколько мог (у большинства даргинцев это не принято). В данном случае действовал порядок, характерный для кумык-

ской свадьбы. Свадьба состоялась в селении Кирки, где жили родители жениха. В дальнейшем во время свадебного торжества выкуп за невесту, подарки молодым — со стороны людей жениха и гостей — во время танцев производились деньгами.

Характеризуя женскую свадебную одежду народов Дагестана (костюм невесты), отметим ее некоторую вариабельность, особенно для сельской местности (горные районы), где все еще сохраняется традиция ношения некоторых элементов национального костюма и в повседневной жизни. При переходе к костюму городского типа, в том числе свадебному, наблюдается стремление сохранить традиционный силуэт одежды, расцветку тканей (у одних народов — однотонных, у других — пестрых), выбираемых на платье, определенную контрастность цветовой гаммы отдельных частей.

Так, в Кубачах невеста надевает на свадьбу обычно парчевое широкое платье на кокетке (платье такого покроя появилось у многих народов Дагестана в 1930-е годы и считается теперь национальным, хотя ему предшествовал более старый тип туникообразной одежды). Костюм дополняет белое головное покрывало, украшенное вышивкой золотой нитью. Некоторые кубачинки носят свадебное платье, когда выходят на улицу, в течение сорока дней, а то и до года. Соблюдение этого обычая вызывает одобрение со стороны женщин старшего поколения.

В другом даргинском селении Ширн (Дахадаевский район), где мы непосредственно наблюдали свадьбу, невеста была одета в цветное шелковое отрезное по талии платье и шелковую шаль, которой она прикрывала лицо.

В прошлом при выборе свадебного наряда обращалось внимание на его цвет. Кубачинка, например, для первого дня свадьбы должна была иметь платье-рубашку бордового цвета. На другой день его заменяло платье другой расцветки, но также яркой¹⁰.

Согласно нашим полевым материалам и литературным сведениям¹¹, невеста у даргинцев раньше отправлялась на свадьбу, в дом жениха, в одежде, подаренной женихом, лишь в некоторых селениях она должна была в первый день свадьбы надеть платье, приготовленное родителями. Теперь эти обычаи строго не соблюдаются.

Своеобразен костюм девушек и молодых женщины, надеваемый на свадьбу, — яркой расцветки платья и платки, а также головные покрывала. У даргинцев в платьях, большей частью на кокетке, преобладают оттенки красного, оранжевого цвета. Шали, брошенные на голову или плечи (в последнем случае голова покрывается небольшим платком), бывают с блестками и кистями. Шали эти обязательно импортного производства. Так, присутствуя на свадьбе в с. Ширн (1985 г.), мы видели молодых и среднего

возраста женщины, девушек в красивых платьях разных расцветок (у многих из парчи), на кокетке (под кокетку заложены широкие складки), в тонких шерстяных японских шалях, в современных импортных туфлях на небольшом каблучке или губденовских кожаных чупяках.

Яркой расцветкой платьев и платков выделяются на свадьбе девушки-цахурки (собирающиеся у дома жениха на встречу невесты и танцы), что придает всей свадьбе особый колорит и праздничность.

Девушки-аварки (Советский район), отдавая дань традиции, если в селении у кого-нибудь идет свадьба, стараются набросить на голову покрывало светлой нежной топальности (желтые, розовые, салатные). Платья при этом могут быть городских фасонов, но с широкой юбкой и длинными рукавами.

В целом же обрядовые особенности свадебной женской одежды народов Дагестана проявляются локально. В одних селениях торжественность момента подчеркивается эстетической функцией костюма, его нарядностью, т. е. красочной цветовой гаммой платья, контрастностью цвета платья с платком или покрывалом; в других — на передний план выступают этнолокальные моменты, женщины демонстрируют полный комплекс своего традиционного костюма.

Из прежних обрядовых элементов в ряде мест отмечено закрытие лица невесты темным или светлым платком при переходе ее в дом жениха и во время свадьбы, в прошлом имевшее магическое значение, а теперь соблюдаемое по принятому этикету.

Собственно свадебная одежда жениха и других мужчин унифицирована и не отличается от наряда, принятого в другие праздничные дни — в основном городского типа. Костюм пожилых людей, как мужчин, так и женщин, присутствующих на свадьбе, сохраняет будничность и однотонность, как бы подчеркивающие возрастные особенности данных групп.

У дагестанцев-горожан, как правило, невеста шьет себе свадебный костюм по последним общепринятым моделям (белое длинное платье, фата или белый шелковый платок, у некоторых — индийские шали), жених имеет темный костюм с белой рубашкой. Обувь у женщин — светлая, у мужчин — темная.

Анализ изложенных материалов позволяет сделать вывод о сохранении в современной свадьбе народов Дагестана как в селе, так и в городе, почти в любой социальной среде ряда обычаев и порядков, направленных на обязательное материальное обеспечение молодых и в первую очередь женщины (приданое, дарообмен, выкупы и др.). Это приводит в большинстве случаев к непомерным и необоснованным расходам, порождает мещанство и ложное представление о престижности.

Нельзя не отметить, что на исполнение горожанами тех или иных обычаев большое влияние оказывают сельские жители, в большей степени приверженные традиционным установкам, т. е.

¹⁰ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 237.

¹¹ Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985. С. 226.

связь города с селом постоянна, а мнение старших родственников психологически устойчиво, а порой и догматично.

Безусловно, некоторые жизненные целевые установки как в городе, так и в селе (это касается всех народов Дагестана, да и страны в целом) по ряду вопросов, связанных со свадьбой и ее материальными компонентами, являются негативными и требуют пересмотра и нового осмысления.

В заключение подчеркну, что поднятая мною тема на кавказском материале, в т. ч. дагестанском, разработана недостаточно, также мало публикаций по другим регионам страны. Между тем, при исследовании вопросов, входящих в ее круг, можно найти интересные аспекты как в теоретическом, так и в практическом плане.

Конечно, для этнографа важно проследить развитие традиции, механизма ее передачи и закрепления в культуре этноса, установить взаимодействия материальных и чисто обрядовых компонентов. Но не менее важным представляется участие этнографа, искусствоведа в практических разработках по выявлению, отбору и использованию тех элементов материальной культуры, в т. ч. и одежды, которые обладают художественными достоинствами, несут высокую эстетическую нагрузку. Это важно и потому, что в свадебном обряде наряду с народными традициями проявляются и чисто меншанские тенденции, более всего выражающиеся в стремлении достичь «материальной престижности».

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

А. Г. БУЛАТОВА

СВАДЕБНЫЙ РИТУАЛ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ГОРОДЕ

Современные свадебные обряды в той или иной мере исследовались этнографами-дагестановедами, в большей степени в аспекте современной трансформации традиционной свадьбы¹, в меньшей мере — специально². Все эти исследования посвящены свадьбе сельского населения Дагестана, городской же свадебный обряд пока еще не был объектом исследования.

Вместе с тем следует отметить активное участие этнографов нашей республики в пропаганде новых форм обрядности на селе и в городе: выступления в республиканской прессе, составление сценариев и методических рекомендаций к свадебному обряду в городе Махачкале³.

В статье, основанной целиком и полностью на материалах наших визуальных наблюдений, мы остановимся на основных характеристиках современного свадебного обряда в г. Махачкале, на отдельных проблемах его формирования на современном этапе.

В последние годы состояние гражданской обрядности, и в частности состояние свадебных обрядов в селениях и городах республики, является объектом пристального внимания общественности, партийных и советских органов, общественных организаций. Ощущается настоятельная необходимость, особенно в связи с принятием постановления ЦК КПСС от 17 мая 1985 г. «О мерах по

¹ См.: Агаширинова С. С., Сергеева Г. А. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана // СЭ. 1966. № 4; Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967; Её же. Формирование новой обрядности в Дагестане. Махачкала, 1978; Её же. Очерки истории семьи и брака у поганцев: XIX нач. XX в. М., 1979; Её же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX нач. XX в. М., 1985; Булатова А. Г. Свадьба лакцев. Махачкала, 1968.

² Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971; Алимова Б. М. К проблеме традиций и инноваций в кумыкской свадьбе // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977; Её же. Традиционные свадебные песни в современной свадьбе кайтагских кумыков // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984; Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978; Булатова А. Г. Современная свадьба переселенцев. // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984.

³ См.: Алимова Б. М., Булатова А. Г., Халилов Х. М., Шахшаев Д. Г. Сценарий безалкогольной свадьбы: (метод. рекомендации). Махачкала, 1986.

преодолению пьянства и алкоголизма», во внедрении в современную свадьбу как новых обрядов, отвечающих духу времени, так и в перенесении из традиционной свадьбы таких обрядов, ритуальных действий, которые без использования алкогольных напитков усилили бы ее праздничную, развлекательную сторону.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, несмотря на определенную организованность и разработанность сценариев отдельных элементов обряда заключения брака (напр., торжественная регистрация брака), собственно свадебный ритуал имеет в этом смысле характер более эмпирический, нежели организованный.

Следует еще заметить, что само понятие «городской свадебный обряд» неоднозначно и в значительной степени условно, так как объединяет в себе бесчисленное множество вариантов, от весьма приближенных к сельским свадебным ритуалам до самых урбанизированных форм.

Высокая вариативность свадебного обряда имеет в своей основе социально-культурную и этническую неоднородность городского населения, детерминированную, в свою очередь, в определенной степени постоянством процессов миграции в город сельского населения, с повышением или понижением амплитуды колебаний в те или иные периоды. Как известно, в Дагестане именно сельское население «является одним из существенных источников роста численности горожан»⁴. Поэтому при самой простой классификации городского населения в нем всегда можно выделить несколько групп по стажу проживания: коренные горожане, мигранты со стажем проживания свыше 10 лет, свыше 5 лет и менее 5 лет. Как известно, выходцы из сельских мест, поселяясь в городах, не только усваивают образ жизни горожан, городскую культуру, но и сохраняют в той или иной степени в своем культурном багаже привычки и нормы сельского бытового уклада⁵. В большей мере это относится к двум последним группам мигрантов из села, так как именно в их быту и обрядности проявляются более всего этнические и локальные, сельские особенности и вариативность. Поэтому при исследовании обрядов городского населения, в частности свадебного ритуала, необходимо иметь в виду сроки миграции посетителей обрядовых форм.

У молодых (по стажу) мигрантов наблюдается процесс усиленного культурного потребления, что представляет собою один из способов адаптации их к городской среде. Однако в обрядности, в частности в свадьбе, эта ускоренная адаптация проявляется более в формальном аспекте, выражающемся в стремлении внешне соответствовать стереотипу городского образа жизни. Например, внешний облик и одежда жениха и невесты соответствуют

модным стандартам, как и оформление свадебной процессии, машин; соблюдается унифицированный сценарий с ритуалом торжественной (во многих случаях) регистрации брака с последующим свадебным торжеством. Вместе с тем этнические и локальные особенности ритуала сохраняются в отдельных элементах свадебной обрядности, в составе свадебного стола, в музыкальном оформлении, в традициях ведения застолья и вообще ритуала и т. д. У этой категории горожан чаще наблюдается двойная обрядность: регистрация брака в ЗАГСе и как довесок — «магар», свадебное торжество застолье и традиционные предсвадебные и послесвадебные ритуалы. При этом количественные соотношения традиционного и нового находятся в прямой связи с городским стажем мигранта. Таким образом, мигранты из села, особенно недавние мигранты, не только сами адаптируются в городской среде, но и привносят в нее элементы традиционной культуры, способствуя усилению ее этнической окрашенности. Такие же процессы характерны и для других народов нашей страны⁶.

Что касается собственно горожан, то и здесь при наблюдающемся процессе унификации и интернационализации форм свадебного обряда проявляют еще устойчивость отдельные этнические и локальные особенности, связанные с этническими и ценностными ориентациями, в основном касающимися материальных компонентов ритуала (подарки, одаривания, приданое и т. д.), отдельных элементов обряда.

Для возможно полного исследования свадебного обряда в городе необходим к нему социально-дифференцированный подход, так как это дало бы возможность выяснить, в каких социальных группах городского населения и в какой мере сохраняются элементы традиционного крестьянского ритуала, как они сочетаются с инновациями. Как уже отмечалось исследователями, это необходимо и для выявления тех социальных слоев, ориентируясь на которые можно проводить практическую работу, связанную с внедрением в быт новых обычаев и обрядов⁷.

Таким образом, проблема исследования современного свадебного обряда в городе имеет целый ряд аспектов, которые требуют углубленного и конкретного исследования, что является задачей будущего.

В нашей статье рассматривается обобщенный вариант наиболее распространенного в городских условиях типа свадьбы.

Но также исследование узкого аспекта этой проблемы встречается со сложностями, связанными с ее неразработанностью: нет никаких сведений о свадебном обряде в городах Дагестана ни до революции, ни в те или иные периоды развития социалистического общества, поэтому возможности показа его в динамике и в

⁴ Магомедханов М. М., Ибрагимов М.-Р. А. К истории формирования современного этнического состава городского населения Дагестана // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. С. 122.

⁵ См. об этом: Магомедханов М. М. Миграция сельского населения народов Дагестана в города и некоторые аспекты этнокультурных процессов. // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. С. 141.

⁶ См.: Социальное и национальное: Опыт этносоциол. исслед. по материалам Татарской АССР, М., 1973. С. 23.

⁷ Журнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 87.

сопоставлении ограничены: сравнение возможно только с традициями сельского населения.

Следует еще отметить, что процесс сложения свадебной обрядности в городе еще не закончен, он продолжает развиваться.

В современном свадебном обряде одним из сравнительно стабильно функционирующих ритуалов можно считать пока только торжественную регистрацию брака в ЗАГСе. Ведет обычно церемонию заведующая районным бюро ЗАГС с приглашением депутата райсовета или одного из наиболее уважаемых жителей района: передовика производства, почетного пенсионера, ветерана труда. Внешняя атрибутика исполнителя обряда состоит в красной ленте, которой он перевязан через плечо.

При торжественной регистрации брака присутствуют обычно многочисленные свидетели со стороны жениха и невесты, их родственники и друзья. После поздравлений и вручения молодым свидетельства о браке включается магнитофонная запись популярной музыки, приступает к своим обязанностям фотограф, специально приглашаемый для этих случаев.

Все присутствующие приглашаются к сладкому столу (торты, конфеты, безалкогольные напитки).

Иногда, по желанию молодых, торжественная регистрация брака производится в банкетном зале в присутствии многочисленных гостей, собравшихся на свадебное торжество.

Практикуется и торжественная регистрация брака для нескольких пар брачующихся одновременно, с приурочиванием этого события к большим общенародным праздникам. Так, в канун Нового 1983 года было проведено такое торжество в клубе им. Ногина при большом стечении народа: представителей трудовых коллективов брачующихся, родных и знакомых. Торжественная регистрация брака была произведена представителем ЗАГСа у нарядно украшенной новогодней елки, вслед за этим гостей приглашали к сладкому столу.

Собственно свадьба в городе чаще всего происходит по типу свадьбы-застолья.

Проводится она в одном из двух банкетных залов городского Дворца бракосочетаний, в залах ресторанов, кафе, столовых города, которые арендуются семьями брачующихся на субботние и воскресные дни. Часть свадеб проводится во дворах частных домовладений и многоэтажных домов. За редким исключением, свадьбы проводятся в субботу и воскресенье — дни, свободные от работы, когда в торжестве могут принять участие все приглашенные. Хотя свадьбы играютя круглый год, наибольшее количество их падает на теплое время года, особенно на лето и начало осени. Продолжительность свадебного торжества составляет 1—2 дня. Проходит оно по стандартизированному сценарию, хотя бывают и исключения. Обычно торжественная регистрация брака производится в день свадьбы, обычная регистрация может быть произведена в любой день до свадьбы. Как правило, в городе регистрация брака предшествует свадебному торжеству или сопровождает

его. В последнем случае в день свадьбы невеста вместе с подругами в одной — двумя женщинами средних лет, которые затем сопровождают ее в дом жениха, и жених с друзьями едут в ЗАГС на регистрацию брака. После торжественной регистрации брака каждая из сторон возвращается на свое торжество, а затем через 1—2 часа жених в сопровождении процессии родных и друзей приезжает за невестой и везет ее на место проведения своего свадебного торжества.

Бывает и так, что процессия, состоящая из свиты жениха и невесты, едет вначале в ЗАГС, а затем продолжает путь в дом жениха или туда, где проводит свадьбу его сторона. Свадебный «поезд» обычно состоит из 5—6, иногда и больше, легковых машин, и 1—2 автобусов. В лучшую из машин, украшенную лентами, живыми цветами, зелеными ветками или осенними листьями (смотря по сезону), а часто шелковыми головными платками, привязываемыми к бамперу, садятся жених и невеста в сопровождении одной из ее подруг и его друга. Но случается, что жених со своими друзьями едет в другой машине.

Свадебный костюм как жениха, так и невесты в городе полностью унифицировался и не сохранил каких-либо этнических особенностей. Жених одет, как правило, в темный костюм со светлой рубашкой, невеста же, независимо от этнической принадлежности бывает одета в нарядное длинное белое платье модного покроя, предназначенное только для этого дня, фату различных фасонов, которая в самое последнее время заменяется то наколкой из цветов, то белой шляпой, то огромным белым бантом везд за модой, тиражируемой журналами мод; чаще эта одежда в готовом виде приобретается в магазинах для новобрачных в разных городах нашей страны, иногда шьется на месте.

Свита жениха и невесты сейчас состоит, как правило, из молодежи, за исключением нескольких пожилых женщин и мужчин — опекунов невесты. В последние годы все более внедряется в быт обряд прощания с отъезжающей невестой матери и отца при выходе ее из дома; выполняется он по распоряжению тамады и состоит в том, что родители ее обнимают и желают счастья. Характерно, что в прошлом некоторые народы Дагестана его в таком виде не знали, напротив, часто отец на время свадьбы вообще уходил из дома.

Прибывший на женхово торжество свадебный поезд встречают очень торжественно: родственники, близкие жениха выходят на улицу, помогают прибывшим выйти из машин и заводят в помещение во главе с невестой и женихом. В этот момент музыканты играют мелодию лезгинки, перед молодыми танцуют близкие родственники жениха в знак уважения к ним и прибывшим с ними гостям. Затем прибывших рассаживают на заранее подготовленные для них места. На самое почетное место во главе П-образно расставленных столов сажают молодых с друзьями и подругами. Вблизи невесты садится женщина, которой по традиции предстоит опекать ее на время свадьбы. Такой ритуал рассаживания соблю-

дается обычно при проведении свадьбы в банкетных залах Дворца бракосочетаний, в ресторанах, столовых и кафе.

В тех случаях, когда свадьбы проводятся во дворах индивидуальных строений или многоэтажных домов, после описанного ритуала встречи невесту с подругами сразу или после недолгого нахождения за общим столом заводят в комнату, где она и располагается с подругами. Немного о современной свадебной пище. Особенностью ее, по сравнению с традиционной, является изобилие, несколько смен горячих блюд, всевозможные салаты, закуски, десерт. Как известно, ни салаты, ни закуски, ни десерт не были характерны вообще для питания народов Дагестана, в том числе и для свадебного стола. Ассортимент блюд городского свадебного стола одиотипен ныне у всех дагестанских народов: это плов, голубцы, мясной соус или мясо — жаркое с картофелем во фритюре, люля-кебаб, чуду с этническими вариациями в приправах, форме. Как видно, здесь имеет место смешение традиций народной кухни, ранних заимствований из кухни других народов нашей страны и блюд из меню современной ресторанной кухни. В последние годы на свадебном столе обязательно присутствуют и сладости домашней выпечки; при этом ассортимент их подчиняется своеобразной общегородской моде и не связан с этнической принадлежностью устроителей свадьбы. В целом свадебный стол в масштабах Дагестана можно считать по набору блюд интернациональным; этому способствует, помимо общего процесса интернационализации быта городского населения, и то, что в приготовлении свадебного угощения активное участие принимают не только родственники, но и соседи, друзья, независимо от этнической принадлежности.

Для приготовления свадебной пицци приглашают часто и одного-двух квалифицированных поваров. Кроме того, эти же блюда входят и в меню национальной кухни ресторанов; в тех случаях, когда свадьба проводится в ресторане, эти же блюда заказываются и здесь.

Из традиционной ритуальной пицци сейчас в обрядах свадебного цикла сохраняется халва. Она в качестве отдарка невестинной стороны фигурирует в предсвадебном обряде доставки невесте подарков и одежды от стороны жениха (сейчас часто обряд и ответ на него совмещают с днем свадьбы: процессия, прибывающая за невестой, везет ей и чемодан подарков, в ответ на который ведро халвы, накрытое головным платком, отправляется с опекуницей, сопровождающей невесту в дом жениха). Кроме того, халва присутствует среди прочих сладостей на свадебном столе, а на второй день свадьбы — на невестином столе.

В банкетных залах Дворца бракосочетаний в настоящее время практикуются преимущественно безалкогольные свадебные торжества, но значительное уменьшение вообще роли алкогольных напитков на свадьбе отмечается на любой городской свадьбе, где бы она ни проводилась, дома или в ресторане, кафе и т. д.

Свадебное торжество как в прошлом, так и теперь обязатель-

но имеет музыкальное оформление: приглашаются музыканты — гармонист, барабанщик, зурнист, однако в настоящее время все больше и больше практикуется приглашение эстрадной группы из трех—четырех человек, из которых один или даже все по очереди поют. В тех случаях, когда музыкальная часть торжества находится в ведении гармониста, приглашают часто певца или певицу — исполнителей национальных песен.

Что же касается эстрадных коллективов, репертуар их в лучшем случае является повторением популярных песен советской и зарубежной эстрады на невысоком уровне мастерства, а в худшем случае примитивен, а иногда попросту вульгарен. За редким исключением, исчезли из программы свадебного торжества народные песни, исполнявшиеся группами гостей (женщины, мужчины), которые практиковались на традиционных сельских свадьбах; полностью забыты разнообразные юмористические сценки, которые по ходу торжества импровизировались на традиционной свадьбе. Одна из причин этого, возможно, кроется в том, что современные городские свадьбы не только многолюдны, но и многонациональны и торжество часто ведется поэтому на русском языке, а переведенные с одного языка на другой многие обороты речи теряют юмор, присущий им в родном языке.

Кроме того, смеху, юмору, как известно, нужны единомышленники, т. е. для адекватного его восприятия говорящий и слушающий должны общаться в рамках одной и той же знаковой системы, что немислимо в условиях национальной неоднородности городской свадьбы.

Традиционные смеховые элементы, без изменения перенесенные в ритуал городской свадьбы, выглядели бы в ней чужеродным элементом еще и потому, что ныне в связи с ростом уровня культуры как городского, так и сельского населения возросли требования к юмору — и к формальной его стороне, и к содержанию.

Следует заметить, что традиционные смеховые обряды в последние годы и в сельской местности все меньше функционируют в свадьбе.

Одним из кульминационных моментов свадьбы этого дня является танец невесты с женихом, который иногда сопровождается негативной инновацией: родные, близкие, друзья жениха осыпают невесту деньгами, часто и в крупных купюрах, что несвойственно было даже в недавнем прошлом для основной массы дагестанских народов.

Негативным элементом городской свадьбы, получающим все более широкое распространение, является также организованный сбор денег с гостей, часто это делается незаметно для окружающих, а иной раз и совершенно открыто: кто-нибудь из родственников, облеченный доверием хозяев свадьбы, садится в сторонке перед отдельно поставленным столом с тетрадь, в которую записываются фамилии дарителей и принесенные ими суммы. Следует отметить, что этот негативный обычай тоже является инновацией

последних лет для большинства горожан, которым в традиционном ритуале он был неизвестен.

В бытовом мнении это рассматривается как своего рода трансформация традиционной взаимопомощи во время свадьбы, однако формы и размах этого явления свидетельствуют о том, что оно более подпадает под категорию поборов с гостей.

Свадьба в доме невесты заканчивается с ее увозом к жениху; у жениха также основное торжество завершается вечером этого же дня. На следующий день с утра в доме жениха собираются самые близкие его родственники, друзья. Сюда же приходит, по обычаю, или приглашается ближайшая родня молодой, ее подруги, и после угощения тех и других происходит распределение подарков от имени молодой ее опекушкой между родственниками жениха в соответствии с полученными от них невестой подарками.

В последние годы наблюдается усиление интереса молодого поколения к положительным традициям прошлого, в частности к некоторым ритуальным блюдам традиционной свадьбы. Так, лакцы во многих случаях утром второго дня свадьбы у жениха стали готовить уже почти позабытое обрядовое блюдо — мучную кашу на кураговом соке, заправленную урбечем, которая пользуется большим успехом у гостей этого дня, особенно молодых.

В отдельных случаях лакцы готовят и традиционные конфеты «княнна» путем уваривания сахарного сиропа (по просьбе молодых участников свадебного торжества), которыми традиционно делились посланцы жениха за невестой ее стороной.

В целях установления более коротких отношений между новыми родственниками, родители молодой на третий—четвертый день после окончания свадьбы приглашают ее вместе с родными мужа на угощение.

В традиционной свадьбе часто именно в этот день отправляли приданое молодой в дом ее мужа, а в тех случаях, когда это делалось в предшествующие дни, в этот день родители давали ей также что-нибудь из утвари, посуды.

В современной городской свадьбе невеста приданым также обеспечивается, и оно доставляется в ее новое жилище тогда, когда это удобно для обеих сторон: во время ли свадебного торжества или после его окончания.

В целом, собственно свадебные церемонии завершаются в городе в течение одного—двух дней, преимущественно в субботу — воскресенье.

Специально на материальных компонентах свадьбы мы не останавливаемся, так как нас здесь больше интересует само свадебное торжество; можно только отметить, что количество и ассортимент их подчиняются негласной моде, господствующей в каждый определенный момент в кругу того или иного сообщества людей, объединенных в более широком смысле слова по этническому признаку, а в узком — по признаку принадлежности к выходцам из одного селения.

Вместе с тем нельзя не отметить и определенную унификацию

материальных компонентов свадьбы, которые, за отдельными исключениями, представляют собою стандартный набор предметов, без резко выраженных этнических и социальных особенностей в предъявляемых к ним требованиях, хотя они полностью и не исключаются.

Следует отметить тенденцию к росту материальных компонентов свадьбы (дары, отдаривания, приданое и т. д.), в чем не последнюю роль играют престижно-показные тенденции. С этим часто связывается и многолюдность свадебного торжества. Последнее имеет, однако, несколько не связанных между собой, аспектов. В специальной⁸ и популярной литературе неоднократно причиной многолюдности свадеб называлось стремление устроителей торжества получить возможно больше материальных выгод от этого. Однако, думается, рассмотрение этой проблемы возможно и в иных аспектах.

Известно, что традиционно в условиях дагестанского селения, особенно небольшого по размеру горного села, свадьба была общесельским праздником; многочисленность ее участников была результатом тесных родственных и соседских связей. Поэтому многолюдность городской свадьбы в определенной степени является традицией, принесенной в город из села переселенцами, постоянно пополняющими городское население.

С другой стороны, многолюдность современной городской свадьбы является показателем возросших в наши дни контактов, служебных (сослуживцы, друзья по работе не только брачащихся, но и их родителей обязательно приглашаются на свадебное торжество) и внеслужебных (соседи, друзья семьи). Кроме того, и родственные связи, которые в обычной бытовой практике поддерживаются в городе не столь активно, как в условиях села, достигают своего апогея в случаях исключительных, каковыми являются свадьба, похороны и иные, важные для родственной группы, события. Поскольку все указанные факторы еще, по-видимому, долго будут сохранять свою силу, будет сохраняться и традиция многолюдных свадеб в городах. Поэтому для повышения культуры свадебного торжества и для того, чтобы в число невольных, хотя и пассивных его участников не оказывались бы втянутыми сотни и даже тысячи не имеющих к нему отношения людей, а это неизбежно, когда свадьбы, оснащенные современной звукоусиливающей аппаратурой, проводятся во дворах многоэтажных домов, необходимо соответствующим планирующим организациям предусмотреть в Генеральном плане застройки города выделение в каждом микрорайоне нескольких помещений под банкетные залы. В дни, не занятые под торжества, они могли бы быть использованы для работы спортивных секций и различных кружков художественной самодеятельности для детей и подростков. Неплохо было бы разнообразить свадебный выезд мо-

⁸ См.: Гаджиева С. Ш. Формирование новой обрядности в Дагестане. Махачкала, 1978.

лодых за счет использования в нем, но желанно брачущихся, фаэтона, как это уже делается в некоторых городах нашей страны.

По-видимому, эту услугу населению должен взять на себя Дворец бракосочетаний, как и многие другие, связанные со вступлением в брак.

Остановимся еще на формах проведения таких торжеств, как серебряная и золотая свадьбы. Следует отметить, что эти даты в традиционном быту народов Дагестана не фиксировались и не отмечались, да и сейчас случаи юбилеев на эти события — явление сравнительно редкое для дагестанских народов. Тем не менее эта инновация, хоть и медленно, но входит в быт народов нашей республики и более в городах, чем в сельской местности. Как правило, такие юбилеи отмечают в тесном семейном кругу, иногда с приглашением друзей и сослуживцев. Несомненно, более широкое привлечение внимания общественности к юбилеям такого рода, особенно в тех случаях, когда супруги, честные труженики, прожившие в дружбе и согласии много лет, сумели вырастить и воспитать хороших детей, достойных граждан нашей страны, могло бы иметь большое воспитательное значение для молодых людей, вступающих в брак.

Следует отметить, что время от времени попытки таких юбилеев предпринимаются в городах нашей республики. Так, в 1978 году по инициативе заведующей бюро ЗАГС Ленинского района г. Махачкалы Гайбовой Умуразият Камалудиновны, при поддержке Ленинского райкома КПСС и активной помощи директора клуба им. Поггина было проведено торжество по случаю золотой свадьбы ныне покойного преподавателя ДГУ им. В. И. Ленина Алиева Перафила Магомаевича. В назначенное время юбиляр со своими близкими, друзьями прибыл в Ленинский райотдел ЗАГСа. Отсюда все вместе поехали за женой юбиляра в нескольких машинах и в фаэтоне, запряженном лошаадьми в сопровождении почетного эскорта из четырех всадников в национальной одежде. Когда подъехали к дому юбиляра, оттуда вышла его жена вместе со своими приятельницами. Виновников торжества усадили в фаэтон, остальные гости разместились в машинах и вся процессия поехала к клубу им. Поггина. Здесь у входа юбиляров встретили работники клуба с караваем хлеба, испеченным по специальному заказу хлебобулочным комбинатом, и вручили его им, затем всех присутствовавших рассадил за празднично накрытые столы, где было много сладкого и печеного и на каждом столе стоял самовар. Юбиляров поздравила заведующая бюро ЗАГС и вручила им свидетельство о «золотом» браке, а директор клуба — памятную медаль, изготовленную по специальному заказу на этот случай. Было сказано много теплых слов в адрес юбиляров друзьями и сослуживцами; несколько часов на этом торжестве играл эстрадный оркестр клуба им. Поггина.

Такое торжество по случаю золотой свадьбы — явление единичное, особенно в смысле его оформления (фаэтон, национальные

костюмы). Было еще несколько случаев участия работников ЗАГСа в такого рода юбилеях, но они заключались чаще в посещении ими юбиляров, иногда вместе с зарегистрировавшимися в этот день молодыми парами, вручении цветов и совместном фотографировании с юбилярами и их гостями.

Общественный резонанс подобных торжеств пока невелик, они, если и отмечаются, то обычно делается это в семейном кругу, как уже говорилось выше.

Думается, что торжества, посвященные подобным датам в жизни семей, следовало бы проводить чаще: это служило бы своеобразной пропагандой крепких браков, дружных семей. В этих случаях приемлема и форма встречи поколений, наподобие той, которая была проведена в клубе им. Поггина в 1980 году. Сюда были приглашены семейные пары, прожившие вместе в дружбе и согласии 50 лет, 25 лет, молодые семьи и новобрачные. Здесь господствовала обстановка теплой, дружеской, доверительной беседы между собравшимися, в числе которых, кроме виновников торжества, были знатные люди района, представители общественных организаций.

В данном сообщении мы затронули лишь некоторые аспекты состояния свадебной обрядности в городских условиях, в частности в г. Махачкале. Проблема эта сложна, многоаспектна и пока еще слабо исследована.

Б. М. АЛИМОВА

БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА¹

В Дагестане, как и в других районах нашей страны, новые условия жизни, преобразования в экономике, культуре и быте народов способствовали изменению их образа жизни в целом, в том числе семейно-брачных отношений. Коренные изменения произошли и в свадебной обрядности народов Дагестана. Эти изменения касаются состава, содержания и функций каждого обряда.

В первую очередь необходимо отметить изменение характера брака: брак основывается на взаимной любви молодых людей, общности их стремлений и взглядов, взаимоуважении и оформляется в сельском Совете или в ЗАГСе. Ликвидированы наиболее социально опасные проявления патриархально-феодалного быта, такие как выдача девушек против их воли, обручение детей в раннем возрасте, многоженство. Искоренилась и практика похищения девушек для насильственного вступления в брак. Иногда, правда, встречается брак «уводом», но он обычно основан на договоре между молодыми, на их полном согласии и взаимопонимании. Часто этот брак по привычке и без всякого на то основания называют старым термином «похищение». В прошлом основной причиной похищения девушек было стремление к упрощению свадебных расходов и выплат, невозможность преодоления сословных барьеров или, наконец, несогласие родителей на брак или самой девушки выйти замуж. В наши дни брак «уводом» — исключение, а не правило и совершенно справедливо вызывает отрицательное отношение со стороны населения, особенно старшего поколения.

Можно считать в целом изжившим себя и брак по материальному расчету, хотя материальные ценности все еще играют определенную роль в создании семьи и некоторая часть молодежи проявляет при этом известный практицизм.

В обряде бракосочетания постепенно изживаются религиозные его аспекты. Исчезают или трансформируются многие религиозно-магические обряды, сопровождавшие в прошлом все этапы свадебного цикла.

¹ Статья написана на материалах исследований свадебных обычаев кумыков, даргинцев, табасаранцев, ботлихцев. Однако наши наблюдения приводят к выводам, которые можно распространить на значительно более широкий район республики и на некоторые районы Северного Кавказа.

В девушке всегда ценились и ценятся скромность, сдержанность, гордость, почтительность к старшим, хозяйственные навыки, знание традиционных норм. В настоящее время к этим качествам добавились еще уровень образования и характер профессии. При этом стараются, особенно в районных центрах, подобрать homogенную по образованию и общей культуре пару, хотя и не мало браков социально смешанных.

Изучение материалов отделов ЗАГСов в Ботлихском, Хивском, Табасаранском, Кайтагском и некоторых других районах показывает значительное повышение среднего брачного возраста вступающих в брак, что объясняется стремлением девушек получить образование, приобрести профессию до выхода замуж. Родители, как правило, эти стремления одобряют и поддерживают. Анализ материалов показывает, что самый высокий удельный вес браков, заключенных девушками в возрасте 19-22 года. Значительно повысился и брачный возраст юношей. Повышение брачного возраста позволяет молодежи осознать значимость заключения брака и лучше подготовиться к тем сложным функциям, которые выполняются в семье (в браке).

Наблюдается отмирание и некоторых других обрядов или их элементов в связи с тем, что они утратили свой социальный смысл и значение. На смену им приходят новые обычаи, основанные на принципах полного равенства сторон, взаимной любви и уважения. Сложилась новая, интернациональные традиции и обычаи, которые соответствуют социалистическому образу жизни.

Эти изменения происходят как под влиянием объективных факторов (социально-экономические и культурные преобразования), так и под влиянием субъективных причин (рост образования молодежи, изменения характера и содержания ее труда, рост ее социальной активности, изменение потребностей, интересов) и, наконец, под влиянием целенаправленной идеологической и культурно-воспитательной работы, активной борьбы с вредными пережитками и реакционными традициями прошлого. Некоторые из этих социально-экономических и культурных факторов оказывают прямое воздействие на свадебную обрядность, другие же — косвенное и опосредованное. Происходящие изменения в свадебном ритуале, новое положение женщин и невесты в обществе (занятость на работе, учеба и т. д.) оказали непосредственное влияние на значительное сокращение общей продолжительности свадьбы. Тем не менее, современная сельская свадьба также обставляется многими церемониями и обрядами. Последние в той или иной степени призваны придать заключению брака характер общественного акта, подчеркнуть большое значение брака как для семьи, так и для общества в целом. Неслучайно сейчас в организации свадеб наряду с родственниками, большую роль играют и широкое круги общественности (товарищи по работе, учебе).

В то же время современная свадебная обрядность органически вырастает из многовекового народного творчества, включает в свой состав многие традиции прошлого, обеспечивая тем самым

культурную преемственность. Во время современной свадьбы выполняются все основные свадебные обряды — сватовство, обручение, свадебная церемония, послесвадебные обряды. И это несмотря на то, что современный свадебный обряд детерминирован новыми социально-экономическими условиями жизни и выполняет новые функции. В основе современного брака лежит любовное согласие молодых², т. е. иной характер выбора супруга, иные мотивы заключения брака, хотя форма сватовства и обручения во многом сохраняется традиционной. Это свидетельствует о процессе становления современного свадебного обряда, для которого характерны традиционные формы церемоний, ритуала и новое содержание обряда, отражающее отношение социального равенства женщины и мужчины, старшего и младшего поколений, всех социальных и национальных групп советского общества.

Согласно нашим полевым данным, преобладающее большинство зарегистрированных за последние годы браки у кумыков, табасаранцев, даргинцев, ботлихцев заключено по инициативе молодых и на основе любви.

Совместная учеба в школах, техникумах, в высших учебных заведениях, а также совместная трудовая деятельность помогают молодежи лучше узнать и оценить друг друга, и потому молодежь, как правило, не нуждается в посредниках для выбора спутника жизни.

О свободе выбора косвенно свидетельствует и рост из года в год социально и этнически смешанных браков, не одобряемых старыми традиционными нормами. По материалам республиканского архива ЗАГС, в настоящее время стали обычным явлением браки между представителями рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Не требует специального доказательства, что социально-смешанные браки, с одной стороны, являются результатом развития общественных отношений социализма, а с другой, сами способствуют формированию социально-однородного общества и в силу этого имеют огромное социальное значение.

Одновременно с социально-смешанными браками растет и удельный вес межнациональных браков.

Характерной особенностью смешанных браков последних десятилетий является значительное повышение удельного веса браков, заключенных между дагестанцами и недагестанцами, чему в прошлом препятствовали не только социально-экономические и политические факторы, но и религия. Сейчас среди национально-смешанных браков (типа «дагестанец—недагестанец») больше всего браков дагестанцев с русскими³. Среди других национально-сме-

шанных браков преобладают браки: табасаранец с азербайджанцами, лезгинками; ботлихец — с аварками, русскими, чеченками; даргинец (Кайтагский р-н) — с кумычками и т. д.

Подавляющее большинство межнациональных браков заключалось после относительно длительного (более 2—3—4 лет) знакомства будущих супругов, т. е. после серьезного изучения партнерами друг друга, проверки своих чувств.

Интересно отметить, что в межнациональных браках (дагестанец с дагестанкой) число оформивших брак по шарнату значительно меньше, чем в однонациональных. На наш взгляд, это объясняется тем, что контроль родителей в таких браках ослаблен. Информаторы говорят так: «Родители девушки думают, что брак по шарнату оформлен в доме жениха, а родители жениха — в доме невесты». А сами молодые предпочитают только ЗАГС.

Лишь незначительная часть браков заключается по инициативе и выбору родителей. Но и эти скорее являются актом согласия между родителями и молодежью, а не насильственным навязыванием воли родителей. Такой порядок свидетельствует о полном преодолении неравенства молодого поколения и авторитарных, деспотических отношений в семье и обществе. Обычно решение молодых сначала обсуждается в семейном кругу, затем в кругу самых ближайших родственников. Если же родители не согласны с выбором сына или дочери и считают, что выбор их неудачен, они делают попытку вмешаться, но последнее слово остается за молодыми. После такого обсуждения внешне соблюдается традиционный обряд сватовства. В этом проявляется и дань уважения к традициям, родителям, и стремление к красочному игровому церемониалу, предшествующему свадьбе.

Точно так же, как и в прошлом, за сватовством следует обручение с принятием подарков невесте. Но обручение стало теперь оформляться в более узком кругу друзей и родственников, иногда одновременно со сватовством. Исследователи указывают на «положительную роль такого ритуала, устанавливающего своеобразное испытание серьезности намерений и чувств вступающих в брак»⁴. После официального сватовства и обручения молодые считаются женихом и невестой, что повышает их ответственность друг за друга, «символизирует их решимость вступить в брак, основанный на любви, взаимном уважении и равноправии супругов»⁵. Кроме того, родные обеих сторон в период обручения до свадьбы ближе знакомятся друг с другом и также вступают в определенную систему взаимоотношений.

В отличие от прошлого, как до обручения, так и после него,

² Было бы неверным утверждать, что в прошлом совсем не заключались браки по любви. Юноши и девушки, встречаясь на народных гуляньях и, особенно, на свадьбах, присматривали там своего будущего супруга или супругу.

³ Русские — самая крупная по численности этноэтническая общность Дагестанской АССР (189,5 тыс. человек), украинцы и белорусы — 6,9 тыс. и 1,2 тыс. человек, азербайджанцы — 64,5 тыс. человек, чеченцы — 49,2 тыс. человек, евреи — 14 тыс. человек, таты — 7,4 тыс. человек, горские евреи — 4,7 тыс. чело-

век, армяне — 6,5 тыс. человек, татары — 5,6 тыс. человек, латыши — 1,7 тыс. человек, осетины — 1,3 тыс. человек, грузины — 1,1 тыс. человек, другие национальности — около 7 тыс. человек. См.: *Ибрагимов М.-Р. А.* Некоторые аспекты современной этнической географии Дагестана // *Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане*. Махачкала, 1984. С. 10—13.

⁴ *Угринович Д. М.* Обряды за и против. М., 1975. С. 152.

⁵ Там же.

женinx и невеста могут свободно встречаться дома, на улице и это не вызывает осуждения со стороны населения.

Обычай избегания после сватовства, строго соблюдавшийся в прошлом (кумыки, табасаранцы), подвергся также значительному изменению. Обычно невеста ограничивает себя в общении лишь со старшими родственниками-мужчинами жениха. После обручения невеста всех старших родственников и родственников жениха называет уважительно халу — дядя, бажни — сестра — (таб., например, Магьамматхан халу, Периханум бажни. В данном случае к имени прибавляется родственный термин); агьам — дядя, бажим — тетя, эчнвюм — сестра отца или матери жениха (кум.); халу — дядя по материнской линии, даш, — (ним) — дядя по отцовской линии, дидевах, (хала) — тетя по материнской линии, цичвах, эме (ахт), хала тетя по отцовской линии (хурюгский диалект лезг. яз.); абадай — мамнина сестра, ада узн — отца брат, ададай — отца сестра (урахницы) и т. д. Как видно из приведенного материала, в процессе общения с родственниками жениха невеста употребляет те же термины, что и ее муж (жених). По установившейся традиции считается предпочтительнее обращаться к младшим родственникам соответствующими ласковыми терминами типа брат, сестра, красавица, младшая моя сестра и т. д. Эти традиционные нормы воспринимаются как правила поведения, этикетные нормы, и никто не видит в них проявления ущемления прав молодой жены.

Так же, как и в прошлом, родители и родственники невесты готовят приданое, подарки для родственников жениха. Следует отметить, что приданое по-прежнему продолжает составлять один из важнейших материальных компонентов свадьбы. Анализ его состава свидетельствует о материальном равенстве и благосостоянии всех социальных групп населения. Значение приданого постепенно растет. Это, конечно, говорит о высоком материальном уровне жизни населения. Тем не менее, нужно отметить, что рост приданого как в количественном, так и в качественном отношении происходит чаще за счет обязательства жениха внести определенную сумму денег в пользу семьи невесты и ложится тяжелым бременем на его семью. Что же касается подарков для родственников жениха, то они изменились как качественно, так и количественно — в одних селениях в сторону уменьшения и удешевления (табасаранцы, кайтагские кумыки), в других, наоборот, в сторону увеличения их ценности (кумыки, некоторые даргинцы).

Приглашение гостей в большинстве селлах, особенно в районных центрах (Ботлих, Маджалис, Хуши, Хив, Сергокала и др.), осуществляется при помощи специальных приглашительных билетов. Это нововведение. Как и прежде на свадьбу приглашается все село (в небольших селениях), близкие и дальние родственники, друзья, соседи (в районных центрах). Но главными организаторами свадебного веселья, помимо родственников, выступают друзья жениха и невесты, с которыми они работают, учатся, поддерживают дружеские отношения.

В день свадьбы, иногда после или до свадьбы осуществляется регистрация брака. В последнее время в сельской местности регистрация брака часто стали устраивать в день свадьбы в доме жениха сразу же после приезда невесты. С этой целью в дом жениха приглашается работник ЗАГСа (в райцентре) или секретарь сельского Совета, и он в торжественной обстановке, в присутствии всех участников свадьбы регистрирует брак молодых. В данном случае при регистрации брака присутствует и старшее поколение. У стариков тем самым появляется возможность поздравить молодых, пожелать им счастья, стать как бы соучастниками обряда. Им это очень нравится. Поэтому, когда встает вопрос о том, где и когда регистрировать брак, старшее поколение всегда за то, чтобы регистрация проходила в доме жениха в день свадьбы.

В полдень, обычно в воскресенье, в разукрашенных легковых машинах от жениха едет за невестой специальная процессия. Иногда в этой процессии принимает (сел. Хив, Маджалис, Ботлих, Сергокала и др.) участие и сам жених, что составляет совершенно новое явление в дагестанской сельской свадьбе.

По-прежнему торжественно обставляется переезд невесты в дом жениха. Под звуки музыки (трио зурначей, иногда кларнет, гармонь...) и пенис песен ее сажают в нарядно украшенную машину. Вместе с невестой в машину садятся: жених (если он принимает участие на свадьбе), одна или две подружки невесты и сопровождающая невесту женщина — *швушван баб* (таб.), *элген кьатун* (кайтагские кумыки), *абай кьатын* (сев. кум.), *бахлараль* (ботл.), *накь бурцан* — «руку держащая» или *гьалмагь рурсби* — «подруги» (дарг.).

В большинстве селлах Табасаранского и Хивского районов неотъемлемой частью современного свадебного цикла продолжает оставаться присутствие при переезде невесты рядом с ней мальчика «чублукан» 3—5 лет.

У ворот дома жениха невесту встречают с песнями и музыкой. Ее осыпают сладостями, рисом, орехами, сушеными фруктами, деньгами (даргинцы).

Перед входом в комнату под ноги невесте бросают шелковую материю, дают попробовать мед с маслом. В некоторых селениях Хивского района у входа в комнату невесту встречают с мукой. В одних селениях (сел. Зильдик) невеста берет горсть муки и бросает на притолоку дверей, вторую горсть она бросает на людей. В других (с. Ляхля) на голову невесты посыпают две горсточки муки. В третьих (с. Хив, Варта, Цудик) у порога над головой невесты ломают хлеб. У кумыков по-прежнему у входа в комнату невесте подносят миску с мукой, и она, обмакнув руку в муку, оставляет отпечатки пальцев на притолоке. В прошлом считалось, что мед, мука, шелковая материя, сухофрукты и т. д. обеспечивают любовь и сладкую жизнь новобрачным, дружбу и достаток в семье. В наши дни все эти действия давно утратили свое магическое значение и содержание и символизируют добрые пожелания моло-

дым. Их осуществление, по мнению народа, оживляет и украшает свадьбу.

Как и в прошлом, к свадебному поезду выносят поднос со сладостями (часть кумыков, даргинцев, ботлихцев), иногда флаг из дорогой материи (табасаранцы). Невесте помогает выйти из машины самый старший по возрасту и уважаемый в родственной группе жениха мужчина.

После этого невесту вводят в заранее подготовленную комнату, где она находится в окружении своей свиты и молодых родственников жениха. Постепенно становится традицией сажать новобрачных за общий свадебный стол. В этом отношении особо нужно отметить свадьбы табасаранцев Хивского района, некоторые селения Кайтагского и Сергокалинского, Ботлихского (сел. Ботлих) районов. Этот новый порядок не встречает осуждения со стороны населения, даже стариков.

У всех этих народов сохранился обычай выводить невесту на специальный танец, во время которого все родственники и родственницы жениха одаривают ее деньгами.

По-прежнему на свадьбу все приглашенные приходят с подарками. В отличие от прошлого, кроме индивидуальных, друзья по работе, учебе делают и коллективные подарки.

Почти везде утром второго дня свадьбы совершается обряд приобщения новобрачной к хозяйственной деятельности мужа или акт посещения невестой семейной комнаты.

Последним этапом современного сельского свадебного торжества является акт торжественного вывода новобрачной за водой в окружении подруг и молодых родственников мужа. По дороге к источнику невеста раздает повстречавшимся сладости, девушки исполняют песни, танцы. Этот красивый обряд также знаменует собой приобщение невесты к хозяйственной жизни своей новой семьи.

В современной свадьбе присутствуют национальные обрядовые песни, танцы. Музыкально-развлекательная сторона свадьбы становится изо дня в день богаче как за счет исполнения сочинений профессиональных поэтов и композиторов, так и за счет песен и танцев других народов.

Современное свадебное угощение представлено не только традиционными блюдами, но и всевозможными салатами, кондитерскими изделиями, блюдами других народов.

Следует отметить, что в современных условиях свадебные торжества с участием широкого круга гостей, с музыкой, танцами, песнями проводятся не только в доме жениха, но и невесты. В этом изменении усматривается тот новый престиж, который приобрела невеста своей профессиональной и общественно-политической деятельностью.

Более широкую среду бытования нашли сейчас и приглашения молодых после свадьбы родственниками («визитная неделя»). Теперь молодых приглашают не только родственники, но и друзья, товарищи как жениха, так и невесты.

В целом, как видно из материала, послесвадебный этап свадебного цикла по сравнению с дореволюционным значительно сократился и продолжается не более 2—3 дней.

Остановившись лишь на главных моментах свадебного цикла, мы пытались выяснить, в какой степени и в каком виде традиционные элементы до сих пор сохранились в современной свадьбе.

Следует отметить, что современная сельская свадьба народов Дагестана имеет много вариантов, в зависимости от места проведения, национальности брачных партнеров и т. д. Однако общим и центральным актом для всех вариантов является регистрация брака в ЗАГСе. В самые последние годы в некоторых аулах (сел. Ботлих) стали проводиться безалкогольные свадьбы с участием широких кругов общественности.

Как видно из наших материалов, современная сельская свадьба народов Дагестана, отдельные ее подсистемы и циклы взаимосвязаны, несмотря на то, что многие традиционные обряды изживаются.

Наши материалы свидетельствуют, что, к сожалению, все еще бытуют у некоторой части населения такие вредные обычаи, как авторитарное отношение к женщине, заключение шарнатского брака, случаи отрыва девушек от учебы, обычаи одаривания молодой невестой родственников жениха, раздельное угощение на свадьбе мужчин и женщин, уплата калыма у части населения и др. Правда, влияние этих вредных обычаев прошлого на население в наши дни максимально ослаблено, а отдельные проявления их рассматриваются как пережитки прошлого и осуждаются широкой общественностью. Постепенно меняется отношение к этим отрицательным явлениям, каким является калым, который в основном взимается в форме подарков и денег, дорогие подарки как со стороны невесты родне жениха, так и со стороны жениха невесте, «скрывание невесты», «скрывание жениха». Среди молодежи встретить тех, кто одобряет калым и другие отрицательные явления в свадебном церемониале, практически невозможно, хотя в реальной жизни и калым, и некоторые другие устаревшие обычаи в трансформированной форме часто соблюдаются по инициативе старшего поколения, и выполняются молодыми в угоду им.

Отрицательное отношение со стороны населения вызывает и обычай сбора денег с гостей на свадьбе. Хороший обычай взаимопомощи, скажем откровенно, превращен некоторой частью населения в форму вымогательства. Размер денежных взносов с участников свадебного торжества растет из года в год.

Так же негативно рассматривает население и большие расходы на угощение гостей на свадьбе.

Соблюдение различными группами населения традиционного свадебного ритуала зависит от многих экономических, демографических и социальных факторов — от возраста, пола, образования, профессиональной принадлежности, социальной микросреды, от национальности брачных партнеров, от степени знания традиционного свадебного ритуала и целенаправленной идеологической

и культурно-воспитательной работы среди широких масс населения. Эти же факторы оказывают определенное влияние и на изменение традиционной свадебной обрядности.

Не требует специального доказательства, что свадебный ритуал не испытал прямого воздействия социально-экономических и культурных изменений, поскольку это влияние осуществлялось опосредованно. На свадебный ритуал меньше, чем на остальные обряды, например, родильные, погребальные, повлияла и религия, и потому многие из этих обрядов составляют фонд народной культуры. Слабая связь мусульманской религии с большинством свадебных обрядов определила не только большую сохранность их, но и возможности дальнейшего развития традиционных элементов, насыщение их новым содержанием и, в первую очередь, принципами коллективизма и гуманизма.

Следует отметить, что наибольшее количество традиционных элементов в современной свадьбе наблюдается там, где в семье пожилые родители (дед, бабушка). Здесь представители старшего поколения выступают как хранители этнических традиций. В данном случае этнокультурные традиции передаются от родителей к детям, хотя повсеместно наблюдается и обратная ситуация — от детей к родителям.

Подчеркивая отрицательное отношение к ряду обычаев и обрядов, население не исключает того, что положительные обычаи и обряды традиционной свадебной обрядности следует сохранить. Почти все опрошенные считают, что в современных свадьбах желательно сохранить национальные обрядовые песни, танцы, досвадебный и послесвадебный церемониал (сватовство, обручение, обряды, связанные с вводом невесты в дом жениха, обряды, совершаемые с приобщением невесты в хозяйственную деятельность семьи и т. д.). Они не исключают и шуточные маскарадные представления с участием ряженых (*хлехлоклобалъи* — ботлих., *гямны* — таб., *домбайлар* — кум., *къарчылар* — кайтагские кумыки, *хъарчи* — дарг.); всевозможные соревнования, а также привычные и любимые национальные блюда и национальные костюмы. Кроме того, большинство опрошенных подчеркивает необходимость соблюдения сдержанного отношения между женихом и невестой (не проявлять своего чувства при людях, избегание открытого ухаживания за молодой девушкой), которые ассоциируются в народе с достоинством человека.

Наши материалы свидетельствуют и о том, что, хотя среди населения всех этих народностей широко бытуют традиционные элементы в свадебных обрядах, степень их популярности в различных частях Дагестана различна. Например, в Верхнем (Табасаранский р-он) и Южном (Хивский р-он) Табасаране, в сел. Ботлих, в большинстве даргинских (Дахадаевский р-он) аулах все формы традиционной обрядности сохранились более стойко, чем в Нижнем Табасаране, среди табасаранцев-переселенцев, в некоторых селениях Кайтагского и Сергокалинского районов.

В целом же степень и характер приверженности сельского населения Дагестана к традиционным обрядам мало чем различается. Все они постепенно отказываются от многих тех обрядов, которые не совместимы с советским образом жизни. Однако этот отказ не исключает сохранения ряда пережитков старой свадьбы.

Кроме того, как показывают наши материалы, однородная этническая среда способствует не только сохранности основных традиционных черт свадебной обрядности, но и более древних ее элементов. Обратимся к примерам. В прошлом на свадьбах табасаранцев, кайтагцев (кумыков, даргинцев) и других народов большую роль играли «ханы», «шахи». В качестве «ханов», «шахов» выступали обычно люди остроумные, умеющие поддерживать порядок, хорошо знающие обычаи и права жителей селения и даже вкусы отдельных лиц. «Шахи», «Ханы» выбирали себе помощников. Любой «приказ» «шаха», «хана» подлежал немедленному выполнению. На современных свадьбах жителей некоторых сел Кайтагского, Дахадевского районов, жителей Верхнего Табасарана эти обряды продолжают сохраняться.

В некоторых селах Табасарана продолжает функционировать традиционный персонаж свадьбы «чубликан» (мальчик, сопровождающий невесту). Во всех селениях строго сохраняется обычай «охраны» жениха его друзьями и невесты ее подругами. Соблюдается охрана приданого невесты. Большое значение придается повсюду особой роли ближайшего дружки жениха и подружки невесты и т. д.

Необходимо отметить, что современную свадебную обрядность лишь условно можно назвать национальной: в ее состав входит много обычаев и обрядов, присущих всем или многим другим народам нашей страны. Это взаимопроникновение культур составляет важнейшую специфическую особенность советского образа жизни, всех советских народов.

М. Ш. РИЗАХАНОВА

БРАК И СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЛЕЗГИН

(традиции и инновации)

Анализ проведенных исследований современных форм брака и брачной обрядности у лезгин позволяет нам говорить, что в них, как и во всей системе народного быта, происходит не однозначный, а многогранный процесс.

Большие преобразования в социально-экономической и культурной жизни лезгин, как и всех народов нашей страны, за годы социалистического строительства привели к сформированию новой типологии брачных отношений и свадебных ритуалов, хотя необходимо отметить, что изменения в них не всегда адекватно отражают динамику развития социально-экономической и культурной жизни этноса — брак и свадебная обрядность устойчивее других элементов народного быта сохраняют исторически сложившиеся особенности этнической культуры.

Как отмечал В. И. Ленин, «следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового. Когда новое только что родилось, старое всегда остается, в течение некоторого времени, сильнее его, это всегда бывает так и в природе и в общественной жизни»¹.

Изучение соотношения традиционного и нового, т. е. как известное явление возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и чем оно стало теперь в последние десятилетия, находится в центре внимания советской этнографической науки².

Дело в том, что за годы социалистического строительства многие стороны культуры и быта, в том числе и обряды свадебного

цикла, изжиты, другие трансформировались. Исследование современных обрядов позволяет понять сущность явлений в их современном состоянии и перспективы их дальнейшего развития.

Автор статьи на основании полевых этнографических материалов, данных Дагархива ЗАГС и опубликованных работ по проблеме предпринимает попытку показать соотношение традиций и новаций в формах брака и брачной обрядности на примере их бытования у лезгин.

Исследование брака и брачных обрядов и обычаев лезгин на современном этапе дает нам право утверждать, что в традиционном варианте сохранился почти весь цикл обычаев и обрядов, сопровождающих свадьбу, но в то же время совершенно изменилось их содержание.

Современная свадьба лезгин, как и раньше, состоит из нескольких этапов: 1) выбор брачного партнера; 2) сватовство; 3) свадьба; 4) послесвадебные обряды.

Следует отметить, что из всей системы семейно-брачных отношений лезгин больше всего подверглись изменениям формы заключения брака.

Выбор брачного партнера в наши дни стал частным делом, касающимся прежде всего самих брачащихся. Любовь, общность интересов, взаимопонимание в наше время — главные условия при выборе брачного партнера. Отпали интересы, связанные с утилитарно-экономическими соображениями.

Разумеется, и в наше время ценятся такие качества, как трудолюбие, умение содержать семью и т. д. (мужчины), хороший характер, красота, умение вести хозяйство (женщины). Помимо этого появилось совершенно новое представление о достоинствах жениха и невесты. Так, например, считается престижным, чтобы жених или невеста имели образование, особенно высшее.

Сейчас редко кто при выборе жениха и невесты придает значение родственным связям, что в прошлом объяснялось причинами экономического (боязнь отчуждения имущества, земли, скота и пр.) и социального (междоусобицы, кровная месть и др.) порядка. Даже среди жителей с. Мискинджа Ахтынского района, где в до-революционном прошлом существовала строгая эндогамия (здесь в основном по причинам религиозного порядка), все чаще встречаются случаи нарушения этого запрета. Более того, полевой материал дает нам возможность говорить о складывании новой традиции предпочтительности неродственных браков. Сложилось новое выражение, отражающее отношение к родственным бракам: *мукьвабрукай яргъаз хъухъ* (букв. «от близких подальше») ³.

Левират и сорорат, истоки которых уходят в глубокую древность, объясняющиеся прежде всего нежеланием отчуждения имущества и земли, в наше время встречается крайне редко. Ранее

³ В прошлом у лезгин, как и многих других народов Востока (Турции, Ирана, Средней Азии и др.), излюбленным видом брака был кросскузенный (брак на дочери брата или дочери сестры отца) и ортокузенный (на дочери брата отца или дочери сестры матери).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 20.

² Смирнова Я. С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968; Алимова Б. М. К проблеме традиций и инноваций в кумыкской свадьбе (по материалам экспедиций в кумык. р-ны респ.) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1972; *Её же*. Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX — нач. XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978; Тульцева Н. П. Традиции в современной обрядности узбеков // СЭ. 1977. № 6; Джарылгасинова Р. Ш. Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на прим. сел. населения) // СЭ. 1977. № 6; Булатова А. Г. Современный свадебный обряд переселенцев // Культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984.

сватовство, колыбельное обручение *кьентинал кьацI авун* (букв. «делать надрез на колыбели»), которые объяснялись в прошлом желанием установить или закрепить родственные связи как внутри тухума, так и между двумя семействами, в наше время не встречается и в пережиточной форме.

Исключительно редкие случаи обменных браков (*рекеь гун*), широко распространенные в прошлом и объяснявшиеся в основном экономическими соображениями (в этих случаях стороны не давали калым, ограничиваясь обменом), в наше время совершенно лишены экономической подоплеки.

Заключение брака умыканием (*гуваз кат авун*) запрещено законом и случаи нарушения его крайне редки.

В отличие от прошлого, когда заключение брака с последователем (последовательницей) другой веры воспринималось всем родом как большая постигшая их беда, в наше время смешанные браки с представителями другой национальности становятся обычным явлением.

Так, в 1981 году по районам лезгин заключено браков (по данным Дагархива ЗАГС):

лезгины—лезгинки	—	1991
лезгины—аварки	—	5
лезгины—азербайджанки	—	11
лезгины—даргинки	—	6
лезгины—русские	—	23
лезгины—табасаранки	—	18
лезгины—украинки	—	2
лезгины—татарки	—	1
лезгины—ногайки	—	1
лезгины—агулки	—	23
лезгины—рутулки	—	7
лезгинки—аварцы	—	8
лезгинки—азербайджанцы	—	18
лезгинки—даргинцы	—	8
лезгинки—русские	—	24
лезгинки—кумыки	—	13
лезгинки—лакцы	—	3
лезгинки—табасаранцы	—	18
лезгинки—горские евреи	—	1
лезгинки—грузины	—	1
лезгинки—цахуры	—	1
лезгинки—агулы	—	25
лезгинки—рутуплы	—	8

Следует отметить, что если до 70-х годов основное число смешанных браков относилось к варианту: лезгин—представительница другой нации, то в последние годы намечается явная тенденция возрастания браков между лезгинками и представителями других народов, в том числе и русскими. Наибольшее число последнего варианта приходится на последний отчетный (1981) год. Но, как

мы видим из цифр, несмотря на значительный рост национально-смешанных браков, для лезгин, как и других народов, в основном характерны гомогенные браки, которые, как известно, «...выступают в роли «стабилизатора» национальных традиций, в том числе и свадебных»⁴.

Преобладающим брачным возрастом является; для девушек — 20—22, для юношей — 23—25 лет. Разница в брачном возрасте мужчины и женщины в 10—20 и более лет, имевшая место в прошлом (наш полевой материал изобилует такими фактами), встречается как исключительный случай.

Церемония сватовства в наше время носит чисто формальный характер, т. к. молодые люди заранее договариваются о заключении брака (сами непосредственно или через друзей и подруг). Юноша сообщает о своем выборе родителям (сам или через друзей). Отец и мать идут на предварительные переговоры. При этом они обязательно берут с собой какие-нибудь сладости. Прежде чем дать согласие родственникам жениха, родители невесты совещаются с близкими родственниками. «Лезгинская традиция совещаться перед свадьбой со всеми родственниками, — пишет С. С. Агаширинова, — является очень древней. Она сохранила следы того времени, когда заключение брака являлось делом всей родовой общины, а не отдельной семьи. Впоследствии, с постепенным разложением родовой организации, вопрос о женитьбе юноши или выдаче замуж девушки перешел в ведение отдельной семьи, а прежние порядки приобрели форму народных обычаев и сохранились до наших дней»⁵.

Посоветовавшись с родственниками, родители девушки через кого-нибудь из своих родственников сообщает родителям юноши о своем решении. При положительном решении вопроса родители юноши посылают (уже гласно) 4—5 сватов из числа ближайших родственников (тетя, дядя, сестра и др.). Сваты берут с собой *гъвечли лишан* (малый «лишан» — обязательно белый платок, кольцо, сладости). Каждый из родственников, участвующих в церемонии *лишан вигьин* — обручения, дарит от себя какой-нибудь ценный подарок — кольцо, платье, туфли и пр. Стороны договариваются о дне свадьбы, о доле расходов на свадебные торжества (которые, надо отметить, имеют явную тенденцию к росту). Необходимо отметить, что, хотя социальные условия выплаты калыма у нас давно изменились, обычай этот сохранился. Мало того, его размеры интенсивно растут, что обусловлено, на наш взгляд, не преодоленной до сих пор престижностью обычая. Выплата калыма становится традицией и у тех народов, у которых он раньше не существовал (например, у аварцев-переселенцев и горожан). Устроители свадеб объясняют это тем, что калым идет на приобретение обстановки и утвари для дома вновь создаваемой семьи

⁴ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980. С. 87.

⁵ Агаширинова С. С. Свадебные обряды лезгин XIX—нач. XX в. // Учен. зап. КИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1964. Т. XII. Сер. ист. С. 142—143.

тем не менее он тяжким бременем ложится на плечи семей брачующихся. Чтобы женить сына или выдать замуж дочь, некоторым семьям приходится делать иногда долги, что нередко неблагоприятно сказывается на благополучии и вповь создаваемой семьи, которая, разумеется, тоже участвует в их выплате.

Следует отметить и возрастание количества свадебных подарков невесте. В дореволюционном прошлом невесте дарили один комплект одежды, а в бедных семьях, как свидетельствуют наши информаторы, часто на невесту одевали чужой наряд, который по окончании свадебных торжеств возвращался владельцу. В наши дни подарки невесте составляют несколько комплектов одежды по сезонам года) зимняя одежда — пальто, теплый костюм, кофты, сапожки, платки и др., осенне-весенняя — плащ, туфли, косынки и др., летняя — шелковые платья, босоножки и др.).

В период, предшествующий свадьбе, встречи жениха и невесты не одобряются, хотя избегания в строгом смысле этого обычая не существует. Более того, как нам рассказывали информаторы из селений Сулейман-Стальского и Курахского районов, бывают случаи, когда жених и невеста встречаются тайком, идут вместе в кино, а иногда жених даже приходит в дом невесты, что раньше совершенно не допускалось адатом.

Засватанная девушка ведет себя сдержанно в обществе и, особенно, при родственниках жениха. Это объясняется как отголосками сохранившихся традиций избегания, так и естественным чувством застенчивости, испытываемым вступающими в брак.

В отличие от прошлого, когда между сватовством и свадьбой проходило иногда несколько лет, чаще всего по причинам материального порядка (невозможность выплатить калым, отсутствие средств для организации свадебного угощения и подарков невесте), в наши дни свадьбу проводят через 3—6 месяцев после обручения.

Перед началом свадьбы собираются все родственники жениха и распределяют обязанности (повар, тамада и т. д.). Несмотря на существующие в прошлом представления о счастливых и несчастливых днях, свадьбу, как правило, начинают в выходные дни, но при этом по традиции стараются, чтобы она по возможности приходилась на дни, близкие к середине месяца в полнолуние — «чтобы жизнь вновь создаваемой семьи была полной и счастливой»).

Организация свадебного угощения в доме невесты входит в обязанность стороны жениха. Для этого ко дню свадьбы в дом невесты доставляются различные продукты (мясо, мука, масло, сахар, чай, сладости и пр.). Намечается тенденция приравнивания свадебных торжеств в доме невесты к торжествам в доме жениха. В прошлом все торжества в доме невесты сводились в основном к проводам невесты в дом жениха (девичник, приготовление приданого, прощание родственников с девушкой и др.). Теперь для девушки организовывается (особенно в городе) застолье (часто с алкогольными напитками, тостами и пр.). В застолье участвуют

родители и братья девушки, что в прошлом не допускалось нормами адата.

В дни свадьбы жених и невеста по обычаю не должны видеться. Но среди лезгин-горожан этого обычая не всегда придерживаются, особенно при национально-смешанных браках (в основном лезгино-русский вариант). Несколько ослаб обычай прятания жениха, известный в прошлом почти всем народам Дагестана и являвшийся следствием «...первобытного страха перед «критическими» моментами в жизни человека, когда недоброжелательные духи особенно опасны и только бегство, прятание, перемена внешнего облика да могущественные филактерии могут спасти человека от гибели»⁶. По мнению С. С. Агашириновой, этот обычай «...помимо первобытного страха перед «критическими» моментами... таит в себе отголоски первобытного умыкания, ибо у многих кавказских народов прячут не жениха, а невесту»⁷.

В пятницу два человека из числа близких родственников жениха (сестра, двоюродный брат и др.) оповещают сельчан (горожане в этих случаях получают приглашительные билеты за несколько дней до начала свадьбы) о начале свадебных торжеств. В дом девушки приглашает одна из ближайших родственниц невесты. Традиция одаривания глшатаев небольшими подарками (орехи, сладости, яйца и пр.) в некоторых селениях лезгин (Усухчай, Кара-Кюре и др.) уже не встречается главным образом по инициативе молодежи, часто отказывающейся от подношений. Но в селениях Сулейман-Стальского, Курахского и Магарамкентского районов, как нам удалось выяснить, обычай этот сохраняется.

В первый день свадьбы в доме жениха и невесты собираются все родственники, друзья, соседи. Женщины пекут хлеб, готовят традиционную *шурпа* — мясной суп, голубцы, плов и пр., а у невесты помимо этого и халву — ритуальное блюдо, которое невеста в двух подносах — *ленгера* вместе с другими подарками родственникам жениха (поски, платки и пр.) берет в дом жениха.

Началом свадьбы считается приход музыкантов — традиционных зурначей и барабанщика или кларнетистов (участие последних в свадебных торжествах получает широкое распространение в Сулейман-Стальском, Курахском, Магарамкентском районах). Одна из близких родственниц жениха выходит навстречу музыкантам с хучи — подносом с тремя традиционными хлебами, тремя парами узорных носков, сладостями. Весь день в доме жениха не прекращается веселье, танцы. Танцуют, как и прежде, парами. Следует отметить, что в традиционные танцы лезгин младшего поколения, побывавшие в городе, внесли элементы современных европейских танцев (шейк, твист и пр.). Внесение в традиционную плавную лезгинку резких па европейских танцев — неудачная попытка модернизации, производящая эстетически отрицательное

⁶ Касаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии СССР. 1929. Т. XIII: С. 169.

⁷ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 144.

впечатление. К этому новшеству лезгин, особенно старшего поколения, относятся крайне неодобрительно.

Давно исчез известный и многим народам Дагестана и Кавказа обычай переселения невесты в период свадьбы в дом дяди по матери. Невеста остается в своем доме, но старается при этом не попадаться на глаза приходящим на свадьбу гостям.

За несколько дней до свадьбы или в день свадьбы проводится регистрация брака — в сельском Совете или городском отделе ЗАГСа. В городах Дагестана и некоторых районных центрах (Ахты Ахтынского района, Курах Курахского р-на, Касумкент Сулейман-Стальского района и др.) регистрация брака проводится торжественно. Жених и невеста идут в ЗАГС в сопровождении друзей и подруг. Складывается традиция возложения цветов к памятнику В. И. Ленина и советским воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Этим новым обычаем, сложившимся в свадебном обрядовом цикле лезгин, как и других народов нашей страны, подчеркивается, говоря словами И. И. Фурсина, «...общественная значимость, казалось бы, сугубо интимного события. Приближаясь к революционной символике, молодые супруги повышают свое чувство ответственности за прочность будущей семьи. Они связывают свои личные помыслы о счастье с чувством долга перед социалистическим Отечеством, дорогим и священным для каждого человека»⁸. Наряду с регистрацией брака в ЗАГСе совершается и *магьар* — шарпатский брак.

Отпали различные поверья, связанные с верой во вредоносные свойства некоторых действий, совершение которых в момент заключения брака оказывает неблагоприятное влияние на судьбу вновь создаваемой семьи (запирание замков, завязывание узлов, вкладывание шашки в пожны и пр. в целях «порчи» жениха).

В полдень группа женщин в 10—15 человек из числа родственниц жениха относит в дом невесты *члехи лишан* (букв. «большое обручение»), который, как правило, составляет одежду невесты (платки, платья, обувь, золотые украшения). Родственники невесты одаривают участниц церемонии небольшими подарками (носки, платки, ткани на платья и пр.).

В некоторых районах Ахтынского района (Усухчай, Кара-Кюре и др.) по традиции ночью первого дня свадьбы в доме невесты проводится *йиф члчл авун* (букв. «не спать ночью») — своеобразный девичник, назначение которого — прощание подруг с невестой. Вечером из дома жениха прибывает процессия женщин в 10—15 человек с *хур* — сваренной целиком овечьей грудкой, 30 кусками мяса, 12 круглыми хлебами, подносом плова, что должно, как нам кажется, олицетворять пожелание невесте богатой, плодотворной жизни и в то же время является показателем материального благосостояния семьи жениха. Новым в обряде является то, что процессию сопровождают музыканты-мужчины,

что в прошлом совершенно не допускалось адатом. Угощение раздается в комнате невесты всем присутствующим женщинам (мужчины в этой трапезе участия не принимают). При этом девушки в шутку толкаются, шумят, т. к. все хотят получить свою долю *хур*, ибо считается, что съевшая его приобретает к подобному же счастью, т. е. может рассчитывать на удачное замужество. После окончания трапезы сторона жениха уходит. Подруги девушки всю ночь поют, танцуют, после полуночи идут к дому жениха и его дружка, часто переодевшись в мужскую одежду, и поют под их окнами песни порой полуэротического содержания.

На второй день свадьбы с полудня все сельчане идут поздравлять родных брачущихся. При этом обязательно несут с собой подарки, которые не имеют ничего общего со скромными подношениями на свадьбах лезгин в прошлом. Традиционные свадебные подарки брачущимся: жениху — *хунча* — поднос с традиционным хлебом, чашками с медом и маслом, платком или материалом на платье, а в дореволюционном прошлом — только мукой и зерном, что «являлось материальной поддержкой семьям прокормить в течение 3-х дней приглашенных на свадьбу людей»⁹, невесте — суфра — скатерть или кусок ткани, в которую заворачивают подарки невесте (нофельное белье, полотенце, вязаные узорные носки, халву, вареную курицу, а также яйца, которые должны были олицетворять пожелание невесте большого потомства), в последние годы у лезгин, как и многих других народов Кавказа, все чаще заменяют подарки деньгами — от 10 до 50 и более рублей, в зависимости от степени родства и материальных возможностей дарителей. Коллективы, в которых работают брачущиеся, обычно дарят ценные подарки-вещи, необходимые для обстановки дома вновь создаваемой семьи (сервант, холодильник, ковер и пр.). Близкие родственники (дядя, замужняя сестра, тетя и др.) берут на себя значительную часть расходов на свадьбу. Помимо денежной помощи и ценных подарков, они приводят скот (обычно мелкий), завязав ему на шею шелковый платок. В селениях Сулейман-Стальского и Курахского районов этот вид подношения приносят в виде биргенд — свежей или зажаренной целиком в тандыре тушки мелкого рогатого скота. Следует отметить, что тенденция увеличения расходов на свадьбу ощутимо сказывается на бюджете семей, если учесть, что у лезгин считается предосудительным, если ктонибудь из сельчан уклоняется от участия в свадьбе¹⁰.

Вручение денег с записью их количества и фамилиями дарителей носит ритуализированный характер и становится новой традицией в городе, где свадебные торжества проводятся в основном

⁸ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 143.

¹⁰ Этот обычай имеет и свои положительные стороны, способствующие еще большему сплочению наших народов и миграции культур: на низменности в тех селениях, где живут переселенцы разных горных аулов (Советское, Новый Ганцах, Ала-Мане, Новый Филя и др.), иногда и разных этнических групп (Мамедкала — аварцы, лезгин, кумыки, даргинцы, русские и др.), все население считает своим долгом принять участие во всех свадьбах села.

⁹ Фурсин И. И. Заметки о природе обрядовой символики // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981. С. 63.

в ресторане или Доме быта. Отрадно отметить, что в подавляющем большинстве районов Горного Дагестана обычая делать подношения не было в прошлом и он не стал традицией в наше время. Конечно, против одаривания новобрачных вряд ли можно возражать, но «...форма одаривания должна быть продуманна, чтобы ни дарящие, ни новобрачные не испытывали при этом какой-либо неловкости»¹¹.

Все гости принимают участие в коллективной трапезе. В отличие от прошлого все они, как в городе, так и сельской местности, сидят за столами и имеют отдельную посуду (раньше, как известно, гости сидели на коврах за скатертью и часто ели из одного *хейре* (букв. «посуда, применяемая при счастливых событиях» — большой деревянной посуды). Стойко сохраняется (в сельской местности) отдельная трапеза мужчин и женщин. Дети могут сидеть за столом с матерями или отдельно. В городе этот принцип нарушается, особенно если свадьбу проводят в ресторане или Доме быта, что, как мы уже отметили, широко практикуется в последние годы.

Весь день, до 3-х часов дня, в доме жениха продолжаются веселье, танцы. После 3-х часов процессия в составе всех родственников, друзей, соседей или просто односельчан отправляется за невестой. Следует отметить, что за невестой отправляются исключительно на машинах, даже если расстояние между домами брачующихся небольшое. В этих случаях машины обычно проезжают несколько раз по улицам села. Интересно отметить, что жених иногда едет за невестой и даже сидит с ней рядом в машине на обратном пути, что вплоть до 70-х годов считалось нарушением брачной церемонии.

При приближении к дому невесты песни, танцы (танцуют прямо в машинах) усиливаются. Во дворе дома невесты все прибывшие мужчины приглашают на танец женщины стороны невесты и, наоборот, женщины стороны невесты танцуют с женщинами стороны жениха. Следует отметить, что у лезгин исчезает один из самых ярких, эмоциональных моментов свадебного цикла — песенные состязания между двумя партиями со стороны жениха и невесты. В этих песнях, представляющих яркие образцы народной поэзии лезгин, применялись приемы поэтических сравнений: сторона жениха сравнивала жениха и невесту с соколом, голубкой, луной и т. д., хвалила свой род и с тонким беззлобным юмором высмеивала отдельных представителей стороны невесты, при этом обычной мишенью служила *енге* — подруга невесты. Сторона невесты не оставалась в долгу. Исчезновением этого свадебного обычая информаторы объясняют тем, что раньше лезгинки всех возрастов во время коллективных работ (обычно как взаимопомощь меж при вязании чулок, ткани ковра, уборке урожая

и т. д.) изоцировались друг перед другом в умении сочинять стихи-эпиграммы на односельчан — хвалебные в адрес своих родных и близких и язвительные в адрес представителей других тухумов. Примерно с 50-х годов этот обычай подвергся трансформации: стали петь песни о партии, о Ленине, о счастливой советской жизни. Это — прямое следствие глубоких социально-экономических изменений в республике.

Примерно через час музыканты играют *свас акъуддай мукьал* — мотив вывода невесты. Выносят ее приданое. Интересно, что у лезгин, как и у всех народов Дагестана, намечается тенденция увеличения приданого невесты, что связано с возрастанием материальных возможностей народа. Если раньше лезгинская невеста приносила в дом мужа в качестве приданого вязаные носки *куб-лубтар*, пореметные сумки *хуржинар*, подстилки под кувшины *херцилаг*, вязаные веревки для пошения тяжестей на спине *каши*, вязаные мешки *чувал*, постельные принадлежности и лишь изредко в некоторых селениях (Усухчай, Мискинджа, Кара-Кюре и др.) встречались случаи выделения земельного участка, то приданое современной невесты включает весь комплекс интерьера квартиры — шифоньер, сервант, ковры, холодильник, стиральная машина, кровати и пр.

Возвращаясь к церемонии вывода невесты, отметим, что у лезгин и в наше время по традиции обязательно выполняется обряд *рухсат*, т. е. специальное разрешение, точнее, благословение отца, матери, братьев и дяди невесты на уход из родительского дома. При этом они подходят к девушке, и, обняв ее за плечи, говорят: *чан руш (вах, хтул), ваз рухсат я, вун бахтлу хьуй. Вун элкъвена тахтурай!*» (букв. «душенька дочь, сестра, племянница), благословляю тебя. Будь счастлива! Да не вернешься ты обратно!» После этого близкие подруги девушки одевают ее в свадебный наряд, принесенный из дома жениха. Здесь следует отметить, что в свадебном наряде невесты произошли значительные изменения. Традиционный свадебный наряд невесты состоял из рубахи, валчага (бешмета), украшенного тесьмой, позументом, серебряными украшениями и пр. Обязательной принадлежностью свадебного наряда невесты был серебряный пояс. В свадебный наряд входили также серьги, браслеты, кольца и т. д. На ноги одевали кожаные башмаки, на голову — *чухту*, также богато украшенный, на него — платок, затем другой платок, которым полностью закрывали лицо невесты. Современный наряд невесты состоит из белого платья городского покроя, белых туфель, белого платка или прозрачного шарфа. Очень редко лицо невесты закрывают *дубъгюром* — красным платком, применение которого в прошлом объяснялось «...прежде всего суеверием, желанием скрыть невесту от губительных влияний «глаза» и «злых духов» и от взоров присутствующих. Огненный (красный) цвет *дубъгюра* означал символ домашнего очага и невинности девушки»¹². Так, в с. Новый Гапцах Магарам

¹¹ Лобачева Н. П. Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981. С. 50—51.

¹² Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 148.

кештского района за пять лет (1980—1985), как нам удалось выяснить, только лица трех невест были, по постоянно их родственников, закрыты дублюром. В с. Ахты, Кака, Зрых, Джаба и др. Ахтынского района лица невесты чаще всего закрывают белым шелковым платком. Смысл этого обычая в наше время — шадящий: он объясняется прежде всего естественным чувством застенчивости, которую испытывает вступающая в брак под устремленными на нее взглядами окружающих. В городах и во многих переселенческих селениях лезгин (Советском, Новом Гапцахе, Новой Филя и др.) невеста одевается в длинное белое платье, фату и белые туфли. В свадебный наряд невесты, а в городах иногда и жениха, вошли обручальные кольца, обычай ношения которых сложился в предшествующие исторические эпохи в странах Европы как элемент церковного обряда венчания, но сегодня переосмысливается с новых идейных позиций: ношение кольца символизирует нерушимость брачного союза.

Дядя по матери и *енге* — женщина, сопровождающая невесту, выводят невесту под руки и усаживают в машину. Следует отметить, что вместе с близкой родственницей невесты (жена брата, тетья и др.), которая должна была быть обязательно замужней и играла важную роль в церемониале ввода девушки в новый дом («просвещала» ее о первой брачной ночи, ограждала от нескромных взглядов и от возможных действий, связанных с вредоносной магией — избегание бездетной женщины из страха перед *чилла* — роком бездетности, а в с. Мискинджа, где невесту в прошлом сажали на коня, держали стремя, чтобы недоброжелатели не могли бросить через них камень, что также могло привести к *чилла* и т. д.), в наше время в качестве *енге* иногда идут две ее близкие и не всегда замужние подруги. *Енге* по традиции держат зажженную лампу и зеркало, которые в прошлом считались оберегами невесты от враждебных сил, от «сглаза» и т. п. и олицетворяли чистую и яркую жизнь повобрачных. *Енге* зорко следят за тем, чтобы в пути не потухла лампа и не разбилось зеркало, хотя мало кто придает значение существовавшим в прошлом поверьям о том, что угасание лампы или разбитие зеркала предвещало несчастливую жизнь повобрачным.

В пути свадебный поезд несколько раз останавливают жители села, протягивая через дорогу веревку или берясь за руки — *рехъ атлун*, обычай издревле известный многим народам Кавказа и являющийся, как предполагает З. И. Хасбулатова, «...пережитком... патриархально-родовых традиций, служивших отголоском того брака, при котором сородичи стремились получить свою долю в купле-продаже невесты»¹³.

Отдав откуп (сладости, вареную курицу, водку, иногда — деньги), процессия двигается дальше. При приближении к дому жениха песни, танцы, крики усиливаются. Когда невесту выводят

из машины, одна из родственниц жениха осыпает ее орехами, конфетами, мелкими монетами, рисом, а иногда по традиции и пшеницей, что олицетворяло в прошлом пожелание повобрачной богатой, обеспеченной жизни. Затем начинается общий танец. Танцуют все родственники жениха, окружив невесту, которая также должна делать несколько кругов танца. При этом родственники вкладывают в руки невесты деньги, которых иногда так много, что *енге* приходится забирать их у нее несколько раз.

В свадебном ритуале лезгин в наше время обязательны некоторые действия, издревле считающиеся почти у всех народов Кавказа символом мира и согласия между повобрачной и ее свекровью¹⁴. Так, когда невесту подводят к порогу дома жениха, свекровь дает ей ложку меда, «...молчаливо высказывая этим желание жить в сладостном общении»¹⁵. Во многих селениях лезгин Ахтынского, Магарамкентского, Сулейман-Стальского районов под ноги невесты бросают тарелку, которую она должна разбивать, что должно также олицетворять пожелание ей счастья и изобилия.

Для лезгин, как и всех народов Востока, издревле характерно стремление иметь большое потомство, истоки которого восходят к родоплеменным связям, при которых большое значение имели кровно-родственные связи, и обычай сажания на колени невесты ребенка мужского пола, имеющий место и в наши дни, олицетворяет пожелание повобрачной иметь большое потомство. В с. Мискинджа вплоть до 50-х годов жених и его дружки, став на крышу дома, бросали в подъезжавшую невесту сырые яйца, в чем также можно проследить мотив, связанный с магией плодородия. Хотя рождение дочери в наши дни встречается так же радостно, как и рождение сына, у некоторых лезгин, в частности микрахцев, все еще невесте выражают пожелание (хотя мы должны отметить, что делается это в наше время в виде шутки):

А тахъ, тахъ хьуй	Поздравляю с венцом!
Тахъ бархъа хьуй.	Пусть у тебя будет
Ирид хва хьуй	Семь сыновей
Хвад хьтин руш хьуй	И одна дочь, как слива,
Тараз аькахрай	И та пусть залезет на дерево
Тарай аватрай.	и упадет с него.

Танцы, веселье в доме жениха продолжаются до глубокой ночи. К невесте молодожен старается зайти тайком, глубокой ночью, когда все расходятся, и выходит рано утром. Представители младшего поколения лезгин все чаще выступают против унизжающих достоинство женщины обычаев, таких как присутствие дружков жениха за дверью комнаты повобрачных для удостоверения ее невинности и демонстрации брачной постели (с той же целью). Невинность девушки у лезгин, как и всех горцев Кавказа,

¹³ Хасбулатова З. И. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX—нач. XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов: Сб. науч. тр. ЧИИИСФ Грозный, 1982. С. 29.

¹⁴ Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. С. 251.

¹⁵ Там же.

является одним из главных условий для счастливой семейной жизни. Девушка, преступившая закон целомудрия до брака, строго осуждается и поныне.

На другой день, с утра, в комнате повобрачной собираются женщины, которые поздравляют новобрачную и родных молодожена с новой семьей. Для них готовят специальную ритуальную еду хашил (мучную кашу с маслом и сахаром или медом). Стойко сохраняется обычай, согласно которому участницы трапезы дарят новобрачной деньги (в прошлом — предметы домашнего обихода — посуду, постельные принадлежности и пр.) на приобретение необходимых для создавшейся семьи предметов интерьера, в чем ярко проявляются отголоски родовой взаимопомощи.

И теперь молодожен придерживается этикета, предписывающего первые несколько дней не афишировать посещение молодой жены. Но встречаются случаи, особенно в семьях интеллигенции, когда молодожен отказывается от обычая посещать жену глубокой ночью, покидать свой дом на весь день и прятаться у друзей.

В первый же день после окончания свадебных торжеств совершается обряд *таваяр*, *чиниз акъудун*, т. е. снятие запрета избегания с новобрачных. Здесь же отметим, что обряд этот раньше совершался через неделю после свадьбы. На этот ритуал приходят только родственники жениха. Мужчины при этом сидят в комнате новобрачного, а женщины — новобрачной. Хозяйка готовит угощение. С этого времени молодожен может оставаться в своем доме уже гласно.

Во многих селениях лезгин, особенно переселенческих, уже не исполняется традиционный обряд включения новобрачной в хозяйственную жизнь семьи, заключающийся в том, что через неделю новобрачная в окружении подруг идет к роднику. Одна из женщин раздает всем встречающимся по пути следования и на месте (у родника) сладости, жареную курицу, мясо и пр. Одна из женщин (счастливая в замужестве и имеющая много детей мужского пола) наполняет кувшин и передает его новобрачной со словами: *Ваз циз къван бахт хъуй. Вун квар хъиз ацлурай* («Пусть у тебя будет столько счастья, сколько у воды. Будь полной, как этот кувшин» — имея в виду пожелание иметь потомство).

Частичное исчезновение этого и подобного ему обрядов связано прежде всего со стиранием символизма в психологии людей, с появлением новых, созвучных времени обрядов. Кроме того, на наш взгляд, здесь немаловажную роль играет и тот факт, что в некоторые селения, особенно переселенческие, вода подведена трубопроводами непосредственно к домам, что привело к падению роли естественных родников, которые в понятии народа связаны с представлением об источниках изобилия, символах плодородия.

Последний из обрядов свадебного цикла *ацлунарал атун* («возвращение домой»), известный многим народам Дагестана и Кавказа, с некоторыми локальными особенностями, совершается в наше время через 3—4 месяца, иногда и раньше (если молодожены

должны уехать за пределы своего села — на работу, учебу). Посещение дома родителей без совершения этого обряда и теперь вызывает серьезное осуждение сельчан. Молодожены идут к родителям молодой женщины с подарками членам семьи и родственникам. У лезгин селений Сулейман-Стальского района принято принести, помимо этого, и тушку мелкого рогатого скота. В свою очередь, родители и родственники одаривают молодых (костюм, золотые часы и пр. — мужу, платье, платок, пальто и др. — жене). Все виды подарков молодоженам в последние годы чаще всего заменяют деньги (от 200 до 300 и более рублей).

Рассмотрев формы брака и брачной обрядности лезгин на современном этапе, отметим, что большие преобразования, происшедшие за годы социалистического строительства в общественной и культурной жизни народа, сказались и на свадебных традициях и обрядах, хотя они не всегда отражают уровень социально-экономической и культурной жизни этноса.

От некоторых обычаев и обрядов, несовместимых с нашей идеологией, нравственными нормами (умыкание, кузенные браки, эндогамия и др.) лезгин, как и все народы Дагестана, давно отказались, но те традиции, которые носят позитивный характер (массовый, общественный характер свадьбы, ее особая торжественность, что «...способствует повышению ответственности молодых и их близких за новую семью»¹⁶), имеют тенденцию закрепления и дальнейшего развития.

Ослабление роли религии в сознании людей привело и к постепенной трансформации религиозно-культурных моментов из свадебной обрядности лезгин.

Некоторые обычаи, не утратившие известной функциональной нагрузки, люди воспринимают как проявление внимания, вежливости по отношению к старшим (скромность, сдержанность брачующихся при людях и др.).

Следует отметить, что упрощение, модернизация или вовсе отказ от различных традиционных обрядов не только в различных селениях лезгин, но и в разных семьях, происходит неодинаково. Так, во многих селениях лезгин отказались от полного закрывания лица невесты *дубьгюром* (Усухчай, Кара-Кюре, Советское, Новый Куруш, Новая Фляя, Новый Гапцах и др.), а в других обычай этот соблюдается во многих семьях. Обряд закрывания лица не соблюдается и при национально-смешанных браках (в основном лезгино-русский вариант).

Необходимо отметить еще одну существенную сторону в современной свадебной обрядности лезгин: если в прошлом все детали свадебного обрядового цикла были обязательны и требовалось их неукоснительное соблюдение, то теперь нарушение или изменение того или иного обычая стало обычным явлением и зависит от же-

¹⁶ Абдуллаев М. А. Об извращении антикоммунистами общественного и семейного быта горцев Дагестана // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 115.

лапня семей брачущихся (обряд прятания жениха, раздачи грудинки и др. соблюдают не всегда).

Таким образом, в формах брака и брачной обрядности лезгин в наше время сосуществуют старые и новые обряды. Дальнейший рост образовательного и культурного уровня народа, усиление межнациональных контактов, ведущих к интеграции культур, с одной стороны, и рост национального самосознания — с другой, приведут к отходу от тех форм традиционных обычаев и обрядов, которые несовместимы с социалистическим образом жизни, и сохранению и утилизации тех народных обрядовых форм, которые несут в себе позитивные нравственные и социальные ценности и, в конечном счете, складывают новую типологию брачных отношений и свадебных ритуалов, в которых сосуществуют, взаимодействуют национальное и интернациональное, общее и особенное.

М. Ю. КУРБАНОВ

СОВРЕМЕННЫЕ СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ДАРГИНЦЕВ

Настоящая статья написана на полевых материалах, собранных во время экспедиции 1985 г. в составе дагестанского отряда Института этнографии АН СССР (начальник отряда Г. А. Сергеева), а также индивидуальных полевых выездов в Акушинский, Дахадаевский, Каптагский, Каякентский, Левашинский, Ленинский и Сергокалинский районы.

Традиционные свадебные обряды даргинцев отчасти освещены в монографиях и статьях С. Ш. Гаджиевой, Б. Н. Алиева, А. Г. Булатовой, Б. М. Алимовой, Г. А. Сергеевой, Р. М. Магомедова, Б. К. Далгата и др. Однако современная семенная, в том числе и свадебная, обрядность не стала еще темой специальных исследований этнографов.

Наиболее торжественно отмечающимся в семье у даргинцев обрядом является свадьба. Прежде чем подробно остановиться на этом обряде, следует отметить, что современный свадебный ритуал по традиции включает в себя три основных момента: 1) стговор (*гъай баркъни, сукни, хъули букъни*), 2) обручение (*ураркъни, ударкъни*) и 3) собственно свадебное торжество (*мехъ*).

В настоящее время у даргинцев, как и у других народов Дагестана, бытует свадьба двух типов¹.

Первый и наиболее распространенный у даргинцев тип свадьбы носит в основном традиционный характер с некоторыми нововведениями. Именно такого свадебного обряда придерживаются высокогорные селения Дахадаевского, Акушинского районов и некоторые селения предгорья (Губден, Гурбуки, Джанга Ленинского района).

Второй тип свадьбы, получающий теперь все большее распространение, носит в значительной мере новые современные черты с частичным соблюдением традиционных обрядов. Такой тип свадьбы характерен главным образом для предгорных районов (Сергокалинский, Каптагский, Каякентский).

Как мы уже отмечали, современный свадебный обряд у даргинцев начинается со стговора. Несмотря на то, что в большинстве случаев молодые люди сами знакомятся и договариваются между

¹ Два типа свадьбы в Дагестане выделяет С. Ш. Гаджиева. См.: *Гаджиева С. Ш.* Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала, 1979. С. 36—39.

собой о браке, сговор, как и последующее обручение, считается непременным обрядом. Миссии родителей и близких родственников в выборе брачного партнера играет важную роль. При этом даргинцы, как и все другие народы Дагестана, большое значение придавали и придают личным качествам невесты и ее родителей. Даргинцы говорят: *Абаки хлерибли, рурси рарка* — «Смотря на маму, найди и дочку», или же *Рурсира абаки мещуци рирар* — «Дочь тоже не отличается от матери».

В число сватов (*сукникьяри*) входят, как правило, самые близкие родственники юности: мать, дядя по материнской линии, тетя и др. В последнее время возник новый момент — все чаще со сватами идут отец, который раньше никогда не участвовал в сговоре, старшая сестра и брат, которые раньше редко участвовали в сговоре.

Сейчас, как и в прошлом, при первом посещении сваты не получают положительного ответа, несмотря на то что родители девушки не прочь выдать ее замуж за данного парня. Однако этикет требует не высказать сразу своего согласия, чтобы, как говорят в народе, «не приизвить авторитет семьи и своих дочерей». В некоторых семьях родители, не считаясь с мнением своих дочерей, сразу дают сватам отрицательный ответ. В настоящее время не соблюдается обычай в случае отказа со стороны родителей девушки не накрывать сватам жениха стол или не дотрагиваться сватам до угощения, бытовавший у многих народов Дагестана, Кавказа, Средней Азии² и др.

Так же, как и раньше, за сватовством следует обручение (*ураркьни*) с приношением подарков невесте. Но обручение стало теперь оформляться, как правило, одновременно со сватовством. Наш информатор Алисултанова А. сообщает (1956 г. рождения из с. Ашты Дахадаевского района): «Когда обручали невесту брата, на сватовство ходили отец, мать и я. Мы понесли с собой отрез ткани, платок и кольцо».

В некоторых селах (например, Шири, Сутбук Дахадаевского района) в качестве подарков несут и серебряные монеты. Число серебряных монет варьирует в пределах от 8 до 16. В селах Урари, Гулати, Кубачи Дахадаевского района; Хаджалмахи, Левашни Левашинского района; Губден, Гурбуки Ленинского района; Герга Каякентского района преподносят также и золотые украшения. До настоящего времени одним из главных подарков невесте в селении Губден является «губденский платок»³. Повсеместно во время обручения сваты одаривают невесту деньгами (от 50 до

100—300 и даже 1000 рублей). Если до 1970-х годов подарки получала мать девушки, то сейчас получает сама невеста. В свою очередь, сваты получают от родителей невесты подарки: женщины — платок или отрез ткани; мужчины — рубашки, посовые платки. Преподнесенные стороной жениха вещи носят название *мас кабихъни* («задаток»), а вся церемония обручения *сукни, хъули букъни* («пошли в дом») или *ураркьни* («обручили»).

Заслуживает быть отмеченным, что до 1970-х годов в селах Сутбук, Шири, Дзилибки, Ураги Дахадаевского района и в селении Урпакки в настоящее время официальное обручение *рагъахъни* («чтобы знали») происходит во время свадьбы односельчан: один из родственников жениха вызывает будущую невесту на танец и одаривает ее деньгами, а затем и все односельчане следуют его примеру.

После обручения засватанные становятся уже официально женихом и невестой. С этого момента в селении Мюрего, в селении Губден называют невесту *гелин*, кубачинцы и антинцы зовут ее *цликэй*. Причем невестки в этих селах именуются так до самой старости. Остальные даргинцы называют невесту *галимгъ* (буквально «подруга») только в предсвадебный период.

После официального обручения (*ураркьни*) молодые люди могут встречаться и появляться вместе в общественных местах, хотя в условиях села это редкое явление. Но некоторая часть старшего поколения до сих пор осуждает такие встречи жениха и невесты, считая это признаком нескромности и неуважения к общественной морали. Но такое отношение наблюдается не везде; например, в селениях Санчи и Маджалис Кайтагского района жених и невеста могут встречаться в доме невесты, у подруги или у родственников.

После обручения до самой свадьбы родители жениха неоднократно делают невесте подарки в дни традиционных народных праздников. В последнее время после обручения семьи жениха и невесты вместе празднуют Новый год и 8 Марта.

В настоящее время срок от обручения до свадьбы бывает не велик, в среднем от 1 до 8 месяцев, так как исчезли причины, по которым в прошлом этот срок иногда растягивался на годы. Характеризуя сватовство в прошлом у даргинцев сел. Урахи, Б. К. Далгат называет его «самым сложным потому, что продолжается иногда 15—20 лет, если начало его было в детстве»⁴.

Традиция сватовства и обручения сохраняется в наше время почти у всех народов Кавказа, Средней Азии и, на наш взгляд, преследует цель избежать «скороспелого брака».

Свадьбы сейчас могут справляться в любое время года, тогда

² Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Рук. фонд ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28. Л. 21; Булатова А. Г. Свадьба лакцев в XIX—XX в. Махачкала, 1968. С. 7; Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи у кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX—нач. XX вв.). Махачкала, 1977. С. 36; Кисляков И. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л.: Наука, 1969. С. 99 и 115.

³ По сведениям информаторов, «губденский платок» до революции приобретали, как правило, на Украине. Изредка это делают и сейчас.

⁴ Далгат Б. К. Материалы по обычному праву даргинцев. Л. 95. В некоторых селениях Сергокалинского района (Вапашни Махи, Урахи), Акушинского района (Тебек, Касагу, Гулати), Дахадаевского района (Гунакарни, Купкри, Шири), Левашинского района (Ташкапур) и др. по договоренности родители женихом и невестой объявляли (в сел. Шири и до сих пор объявляют) с 2—5-летнего возраста.

как прежде свадебный сезон находился в большой зависимости от хозяйственной жизни населения. И сейчас это имеет определенное значение и потому, что основным сезоном свадеб остается период с июля по сентябрь, когда сельскохозяйственные работы закончены, урожай собран, а скот наиболее откормлен.

Незадолго до свадьбы для ее проведения родители жениха и невесты намечают *иркьяни* (с. Ураги, Шири, Дзилибки), *балликьянаби* (с. Сутбук), *имчек* (с. Губден, Гурбуки), *варкьяни* в Сергокалинском районе, что означает «обслуживающие»: из близких родственников — по 2 человека (1 мужчина и 1 женщина), как бы заменяющие во время свадьбы отца и мать жениха и невесты.

В крупных селах, таких как Кубачи, Урари, Уркарах, Харбук Дахадаевского района, Маджаллис Кайтагского района, Герга, Первомайск Каякентского района, Сергокала Сергокалинского района, Акуша, Усиша Акушинского района и др., на свадьбу, как правило, приглашаются родственники, друзья и соседи, а в сравнительно небольших селах в свадьбе принимают участие обычно все однопосельчане. В дальние села или город рассылаются приглашительные билеты. Это повсюду заимствовано из современных городских обычаев. Но чаще даргинцы, как и другие горские народности Дагестана, направляют в другие селения специальных гонцов со списком приглашенных на торжество.

До 1970-х годов бытовал обычай, по которому на свадьбу женщины приглашала женщина-*иркьяни*, а мужчины — мужчина-*иркьяни*. В настоящее время все приглашаются женщиной-*иркьяни*.

При проведении свадьбы большое внимание уделяется выбору места для застолья, танцев, подбору музыкантов и т. д. Основными музыкальными инструментами на свадьбе остаются *дам* (барaban), *дяд* (зурна). В последнее время в предгорных селах — Маджаллис, Герга, Новое Викри; горных — Акуша, Левашин, Хаджалмахи на свадьбу приглашаются музыканты, владеющие, помимо вышеупомянутых инструментов, также гитарой, кларнетом и другими духовыми музыкальными инструментами.

В большинстве районов на свадьбе исполняются традиционные народные песни и танцы, в селах предгорья наряду с даргинскими танцами — кумыкские и азербайджанские. Особой популярностью пользуется также азербайджанская музыка.

Свадьба сейчас обычно длится два дня — субботу и воскресенье, тогда как в прошлом, например в с. Шири, шла даже пять дней. В некоторых селах Дахадаевского (Кубачи, Шири, Дзилибки, Урари), Акушинского (Акуша, Бутри, Усиша), Каякентского (Герга, Новое Викри) районов свадебные торжества начинаются в пятницу вечером. В это время у даргинцев традиционно принято печь в доме невесты чуду с творожной начинкой. Здесь же пекут и пирог (*цликурла чуду*), который требует молодежь при выходе невесты из дома родителей.

Поздно ночью, часов в 11–12, родственники жениха приходят

в дом невесты. Они приносят подарки невесте (*исла*), в которые входят 10–15 (в с. Ашты — 25) дорогих отрезков, золотое кольцо, серебряный браслет, часы, несколько шерстяных платков, 2 барана, 1 мешок муки, 2 мешка зерна, несколько килограммов сахара, различные предметы одежды.

Непосредственное свадебное торжество начинается одновременно в обоих домах, обычно в субботу (с утра — в селах Сергокалинского, Кайтагского, Левашинского районов; после обеда, часа в 3 дня, — в селах Дахадаевского, Акушинского районов). Этот день в с. Ураги называют *ниргъла бархли* («день супа») или *цликурла ниргъ* («суп невесты»), потому что всех сельчан в начале свадьбы приглашают на суп в отцовский дом невесты. В с. Анты этот день носит название *бегана кетиб цликар* («невесту посадили на солнце»). В этот день все родственники невесты в больших селах, все сельчане в маленьких дарят подарки невесте: подушку, духи, тарелки, сервиз, отрезки, деньги, платки.

До 1960-х годов в день свадьбы в селах Хаджалмахи, Цудахар, Ураги, Урахи и др. отец и братья невесты покидали дом или не принимали участия в свадебном торжестве. Наш информатор Газимагомедов М. З. (1951 г. рождения из сел. Хаджалмахи Левашинского района) сообщил: «Когда выдавали сестру замуж лет 10 назад, я уехал в Махачкалу». В настоящее время отец и братья участвуют в свадебном торжестве дочери или сестры.

Наиболее важным моментом первого дня свадьбы является регистрация брака, которая проходит в отделе загса или сельсовета. Молодые приходят туда в сопровождении друзей, а родители, пожилые родственники и старики при этом не присутствуют. Но встречаются случаи, когда гражданское оформление брака производится уже в послесвадебный период, иногда после рождения первого ребенка.

Судя по полевому материалу, безрелигиозное оформление брака у даргинцев — исключительно редкое явление. Обычно религиозный обряд бракосочетания (*магъар*) происходит в 1-й день свадьбы, в доме невесты, с участием отца жениха и отца невесты и двух свидетелей.

Магъар совершается при закрытых дверях, без посторонних людей, как говорят в народе, чтобы не было «порчи». По народным поверьям, во время бракосочетания нельзя завязывать узелки, открывать и закрывать замок, вынимать и вкладывать кинжал в ножны и т. д. Считается, что этим могут повредить жениху, т. к. произойдет *вилгья* («завяжут» его). Именно поэтому оформление «кебина» производится тайно. Обряд заканчивается чтением 112-й суры *кьулгьн* из корана.

Во многих районах, особенно Кайтагском, Сергокалинском, Каякентском, административные органы и общественность проводят среди населения определенную работу, стремясь пресечь случаи празднования свадеб без предварительной регистрации брака.

Центральным актом свадебного торжества является перевод

невесты из отцовского дома в дом жениха. Следует заметить, что в некоторых селениях Дахадаевского района (Ураги, Шири, Кубачи, Урари, Дзалибки, Ашты, Кунни, Харбук) до настоящего времени практикуется традиционный вечерний или даже ночной перевод невесты в дом жениха.

В день привода невесты из ее дома к жениху посылают *рурсила мас*, т. е. приданое. В настоящее время в состав приданого входят: постельные принадлежности, ковры, паласы, медные тазы, мебель, сундук, стеклянная посуда, одежда и обязательно биконический сосуд *мурчал*⁵, *кьунари*⁶ для воды. Prestижно иметь в составе приданого и традиционное платье туникообразного покроя (*арцла хлева*), украшенное спереди и по рукавам серебром (монеты, подвески). В связи с повышением материального благосостояния в последние десятилетия общая стоимость приданого значительно увеличилась по сравнению с предшествующим временем. Приданое невесты размещают в доме жениха, в комнате, отведенной для молодых.

По традиции жених за невестой не едет, за исключением даргинцев селений Санчи, Маджалис Каптагского района и Акуша Акушинского района.

В день перевода невесты в дом жениха за ней направляется специальная делегация в составе от 5 до 9 человек. Перед домом невесты они устраивают танцы. Затем родители невесты угощают их.

Когда невесту выводят из дома, мать осыпает ее конфетами, орехами и десятиконечными монетами. При выводе невесты музыканты играют специальную хьатардихьанти, т. е. «дорожную» мелодию.

Представители жениха стараются захватить с собой все, что увидят во дворе невесты. Сохраняется также обычай преграждения пути свадебному поезду, и только после получения выкупа освобождают дорогу.

По пути от дома невесты до дома жениха с крыш домов на машину, в которой едет невеста, по старинному обычаю насыпают муку, чтобы в жизни она не знала в этом нужды. Молодые ребята несколько раз преграждали путь невесте. В с. Ураги существуют места, где родные невесты обязательно должны принести чуду с творожной начинкой, эти пироги носят названия тех мест (*хур-оела чуду*, т. е. чуду для кладбища, *миздигла чуду*, т. е. чуду для мечети, *кумагыла чуду*, т. е. чуду для гудекана).

Невесту в дом жениха вводили с музыкой и песнями, в некоторых селениях этот обычай бытует и сейчас. Так, например, даргинская свадебная песня поется от имени подруг:

Пушила цИкуруила
Шикалацал цIакь бакIаб,
Шкуруила субила
Ханнацад хабар дерхаб

Пушила цИкуруила
Тулби — цIугIян цIуб арцIа
Шкуруила субила
Вайла ярагь мургыла.

Да будет у нашей невесты
Силы, как у блохи⁷,
Да слава пройдет о женихе.
Как о славном хане.

У нашей невесты
Руки в серебре,
У жениха невесты
Спаряжение из золота.

(Подстрочный перевод наш)

Когда невеста вступает в дом жениха, ее снова осыпают разными сладостями, фруктами, мелкими деньгами. Этот широко распространенный у многих народов обычай, символизирующий пожелания счастья и богатства новобрачной, называется у даргинцев *гьакьира* (букв. «бросанте»). После этого мать жениха подает ей и всем сопровождающим ложку меда со словами в адрес невесты: «Пусть тебе в нашем доме будет всю жизнь так же сладко, как сладок мед, и желание трудиться будет у тебя такое же, как летом у пчел».

Жених присутствует среди встречающих у даргинцев Каптагского, Акушинского, Сергокалинского районов, в других районах этого обряда не наблюдается.

Постель для новобрачных готовит женщина со стороны невесты *иркьяни*. В настоящее время даргинцами совершенно изжиты такие унижающие достоинство новобрачных обычаи, как демонстрация брачной постели для доказательства девственности невесты (который существовал в Каптагском, Ленинском, Сергокалинском, Акушинском районах). Если невеста оказывалась недевственной, жених оповещал об этом выстрелом (с. В. Мулебки Сергокалинского района, с. Цудахар Левашинского района).

Среди обычаев и обрядов характеризуемого этапа свадьбы до 1960-х годов особое место занимали те, которые были направлены якобы на обеспечение господства мужа над женой. Так, в сел. Баршамай, Урахи, Мулебки и др. жених стоял за зверью, чтобы, как только невеста переступит порог свадебной комнаты, ударить ее по голове. Указывая на бытование этого обычая у даргинцев, Б. К. Далгат отмечал, что жених трижды ударял невесту по спи-

⁵ Биконический сосуд называют *мурчал* даргинцы Дахадаевского района.
⁶ Название *кьунари* распространено у даргинцев Сергокалинского, Левашинского районов.

⁷ По представлениям горцев, блоха очень сильное существо.

не «в знак своей власти над ней с этого момента»⁸. Наши информаторы из с. Баршамай указывали на существование этого обычая и в наши дни: «Жених, наступая на ногу невесты, трижды опускает руку на голову невесты в знак своей власти над ней. Существует предание: кто в брачную ночь первым заговорит, тот умрет раньше, поэтому жених выворачивал руку невесты, чтобы она первой заговорила» (Кукумува Д. Т., 1936 г. рождения). До 1950-х годов особое место у даргинцев при встрече у брачного ложа занимал обряд состязания жениха и невесты, их единоборство, и сейчас этот обряд существует в с. Пахки Акушинского района. В народе и теперь шутя спрашивают жениха и невесту «Кто победил?»⁹

В некоторых селах Кайтатского района (например, в с. Баршамай) жених после брачной ночи невесте подрезал челку. Как утверждают наши информаторы, пошение челки — признак замужней женщины. В с. Мулебки Сергокалинского района, наоборот, до замужества девушки носили челку, а после замужества волос не подрезали.

На второй день свадьба возобновляется приблизительно в 9—10 часов утра. Рано утром невесту посещают близкие родственники невесты и жениха и одаривают ее деньгами. Собирают все друзья, родственники и односельчане. Невеста одаривает их посовыми платками, рубашками, отрезами тканей и т. д. Однако практика раздачи подарков не вызывает одобрения у основной массы населения, признающей эту традицию в современных условиях изжившей себя и вредной, видимо потому, что такая раздача приносит материальный ущерб молодой семье.

По традиции в большинстве сел родственницы и жены сидящих за столом мужей приносят им подносы с различными кушаньями, в числе которых обязательно присутствует: спиртное, яйца, куры, рис, мука, пироги, сельмень и т. д. Распределителем всего свадебного стола является тамада (*шах*). Тамада подбирает в помощь себе заместителя (*тилмадж*, *ташкьяна*), исполнителей (*кIал-тIачи*, *захIматуни*). Так, например, в селах Ураги, Ширн Дахадаевского района тамада объявляет, кто кому принес поднос с угощением, что встречают громкими возгласами «гьур» или «урра».

Кульминационным моментом второго дня свадьбы является танец новобрачных. Во время этого танца присутствующие мужчины и женщины дают новобрачной деньги. Как показывают полевые материалы, танец новобрачных существует в настоящее время только в отдельных селах Сергокалинского района.

Как символическое приобщение новобрачной к домашнему труду в новой семье сохраняется прекрасный обычай вывода ее за водой (*шики аркни*, т. е. вести за водой) к источнику с раздачей по

⁸ Далгат Б. К. Указ. соч. С. 98.

⁹ Подобный обычай существовал и у других народов Дагестана. См.: Гаджиева С. Ш. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX — начале XX вв // Учен. зап. КИУЛ. Т. 6. Махачкала, 1959. С. 266.

дороге встречным ее подругами пирогов, сладостей. Особенно торжественно, с музыкой и танцами этот обряд проходит в сел. Кубачи и Ширн Дахадаевского района.

По истечении определенного времени молодая отправляется в гости в дом своего отца. Этот обычай известен под названием «возвращения домой» — *хъули раКни* («домой вернулась») и генетически связывается с эпохой перехода от матриархата к патриархату, в частности от парного брака к многоамии, от матрилокального поселения к патрилокальному¹⁰ и символизирует сохранение связей невесты со своим родом. Непосредственно к этим актам примыкает обычай поочередного приглашения молодых близкими родственниками мужа и жены и одаривания их подарками.

В настоящее время у даргинцев встречаются и комсомольские свадьбы, в организации которых активно участвует комсомольская организация и общественность села, учреждения или организации, где работали молодые. Как правило, на комсомольских свадьбах традиционные обычаи и обряды не соблюдаются. Однако комсомольские свадьбы сегодня не стали широко распространенным явлением у даргинцев.

На наш взгляд, главной причиной сохранения у даргинцев, как и у других народов Дагестана традиционного свадебного церемониала является его торжественность, красочность и поэтичность, конечно, при условии исключения из этого церемониала всех негативных изживших уже себя обычаев и обрядов.

Наши полевые материалы позволяют сделать вывод, что новая свадебная обрядность у даргинцев находится на этапе становления. К сожалению, кое-где сохраняются еще сильные пережитки старых консервативных обычаев. Так, в сел. Губден большинство свадеб проходит без музыки, веселья, ограничивается чтением «мавланда», т. е. чтением корана, и визитами всех родственников в дом жениха и невесты и т. д. В ряде случаев наряду с положительными элементами (регистрация брака в ЗАГСе, сокращение предсвадебного периода и самой свадьбы) проникают в качестве инноваций и отдельные негативные явления. Нередко сторона невесты требует от жениха дорогие украшения и ценные подарки, большое приданое невесты (*пурсила мас*), устраивают престижно-показные свадьбы и т. д. Свадьба иногда превращается в источник паживы, что противоречит старинным обычаям и традициям народа.

В современной свадьбе у даргинцев отчетливо прослеживается влияние длительных этнокультурных контактов даргинцев с другими народами Дагестана (музыка, предсвадебное скрывание, обряд осыпания невесты сладостями и приносами, межэтнические браки и т. д.).

Выскажем некоторые свои предположения, направленные на улучшение организации современной даргинской свадьбы.

¹⁰ Косвен М. О. Обычай возвращения домой // КСИЭ. 1. 1946. С. 31.

1. Особое внимание следует уделять распространению в селениях торжественной регистрации брака.

2. В целях уменьшения возросших материальных затрат, связанных со свадьбой, целесообразно сократить время проведения свадьбы до одного дня, а также размеры и стоимость приданого невесты и число преподносимых ей стороной жениха подарков.

3. Число гостей, приглашенных на свадьбу, ограничить кругом близких родственников, друзей и соседей.

4. Следует бороться с традиционным обычаем направлять вместо себя на свадьбу детей школьного возраста, которым приходится принимать участие в свадебном торжестве наравне со взрослыми.

5. Общественным и партийным органам строго контролировать и требовать от организаторов свадьбы (как это в настоящее время делается в Сергокалинском районе) ограничения спиртного, пропагандировать безалкогольные свадьбы.

А. М. АБДУРАХМАНОВ

РИТУАЛЫ ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ СВАДЬБЫ САЛАТАВСКИХ АВАРЦЕВ

Вопросы культуры и быта салатавских аварцев¹ вызывают значительный интерес у исследователей в связи с представленностью в этом регионе разноэтнической культуры сопредельных народов (кумыков, лакцев, чеченцев), а также наличием системы интенсивной связи между плоскостным и горным Дагестаном. Надо отметить и влияние процессов внутритерриториальных перемещений — хинци, гунийцы, дылымцы, алмакцы, чеченцы и др., а также переселения горских разнодиалектных носителей аварского языка на плоскость, часть которых еще с XVI—XVII веков оседала в Салатавии. Кроме того, следует учесть, что маршруты весенне-осенних перегонов скота со всего Центрального и Западного Дагестана сходятся и пролегают через сердце салатавской территории. Все это в совокупности и определило общность и специфику традиций культурно-бытового уклада жизни населения. В частности, многовековое межэтническое и межтерриториальное взаимодействие в данном регионе наложило отпечаток на сложение и формирование единой синтезированной традиции свадебных обрядов, соединившей в себе особенности и специфику многих представленных здесь этнических групп, на выработку своеобразных обычаев проведения свадьбы. В результате этнический плюрализм салатавского социума, сконцентрировавший множество обрядовых традиций, исторически сформировал в себе некую эстетическую систему, ориентированную на территориальную локализацию разнохарактерных традиций в свадебных обрядах и в сопровождающем их песенном фольклоре.

Приведенные объективно сложившиеся социально-культурные условия целенаправленно подсказывают задачу статьи: осветить микрорегиональные и этноспецифические особенности ритуалов свадебного обряда салатавских аварцев. Постановка проблемы связана, кроме всего, с неисследованностью² традиционных и со-

¹ Салатавия — старинное название местности, объединяющей приблизительно территорию населенных пунктов, расположенных вдоль склонов Салатавского хребта.

² Некоторые общие вопросы, касающиеся семьи и брака, а также свадьбы этой группы аварцев затронуты в исследованиях С. Ш. Гаджиевой (См.: Гаджиева С. Ш. Брак и семья у народов Дагестана в XIX—нач. XX вв. М.: Наука, 1985).

временных форм отправления свадебных ритуалов салатавских аварцев, как и других трансформационных процессов и специфических особенностей, характеризующих самобытность этого интересного в историко-этнографическом отношении района.

Мы располагаем полевыми материалами³, записанными в разное время почти во всех аулах Казбековского района, отражающими традиционные и современные формы свадебного обряда. Следует отметить, что в основных чертах порядок и организация проведения свадьбы салатавских аварцев в целом идентичны формам других народов, однако многие моменты специфичны, особенно, что связано в основном, как уже отмечалось, с этноэтническими традициями и взаимодействиями.

Началом брачного союза, как и у других народов, у салатавцев выступает выбор невесты — пожалуй, самый ответственный и подвижный элемент брачных отношений, подвергшийся интенсивной трансформации и выработавший множество форм своего осуществления: *хурджуи битли* (посылание хурджуна), *кинидахъ цар чвай* (колыбельный сговор), *цар чвай* (назвать имя), *глад жо рехи* (бросание вещей), *глад рехи* (букв. «бросание на девушку»), *яс хъали* (умыкание), *хадуй ин* (убег) и т. д. Большинство этих форм к настоящему времени утратило многие существенные черты и ритуальные функции, подвергалось кардинальным изменениям, некоторые исчезают, так как каждые последующие поколения создают свои новые формы взаимоотношений.

Выбор невесты раньше проходил в доме родителей юности, вначале согласовывался только между ближайшими родственниками в присутствии будущего жениха. В наших материалах, за редким исключением, не зафиксированы факты, когда судьбу молодых родители решали против их воли. Помимо социального происхождения и тухумной принадлежности, что не всегда выступало определяющим фактором, при выборе невесты преимущественно учитывались сложившиеся в данной среде критерии оценки трудовых и моральных качеств девушки, не менее важным являлся также авторитет ее родителей среди аульчан, особенно в нравственном аспекте.

Выбор невесты выступал начальным этапом, который определял дальнейший ход всего комплекса свадебного обряда. Доведение до родителей девушки намерения и желания взять ее в жены само по себе требовало большой деликатности, такта и соблюде-

ния горской этики, так как одна из сторон могла быть оскорбленной, что в конечном счете затрагивало честь тухума и достоинство родителей и молодых. Поэтому «обнародование» таких намерений выработало множество форм и приемов, традиционно легших в основу свадебного обряда.

Одна из древнейших форм выбора невесты — *хурджуи битли* (посылание хурджуна) в дом девушки. Родители, у которых росла дочь на выданье (12—14 лет), у порога своего дома в стену забивали *шудалаг* (деревянный кол). Родители юности, задумавшие с ними породниться, прежде чем вести переговоры, ночью приносили хурджуи, в котором находилось специально приготовленное блюдо, и вешали его на кол у порога. Потом они заходили в дом, допоздна говорили, тщательно скрывая при этом цель своего визита. После ухода гостей мать посылала дочь посмотреть, нет ли на коле хурджуна. Примечательно, что последняя, догадываясь о причине визита гостей, могла выразить свое несогласие, прикидываясь больной или усталой. В таких случаях мать сама снимала с кола хурджуи с блюдом, заменяла в нем еду и возвращала родителям юности. При несогласии хурджуи оставляли на месте, родители девушки делали вид, что они вовсе не заметили его. По сообщениям информаторов, это держалось в строжайшей тайне от посторонних лиц, даже близких родственников, что способствовало сохранению достоинства юности, прежних взаимоотношений между родителями. Если хурджуи возвращали с новым блюдом, открывалась дорога для посылания сватов.

Другая форма выбора невесты, исторически изжившая себя, — *кинидахъ цар чвай* (сговор у люльки, колыбельный сговор) входит к обычаю кровной мести. Она заключалась в том, что существовала, как правило, только между ранее враждовавшими, но впоследствии примирившимися тухумами как знак укрепления дружбы, и при примирении являлась одним из факторов дальнейшей гарантии надежности и уверенности в достигнутом мире. В Алмаке, например, по информации Исакова Ч., на практике «колыбельный сговор» проходил так: если в тухуме, по вине которого возникла вражда, родилась дочь, а в пострадавшем — родился или уже имеется мальчик, то в день парения и укладывания дочери в люльку ее отец в дом родителей мальчика приводил новорожденного или годовалого ягненка, при свидетелях делал их родовую метку на ушах, а кровью ставил точки (чаще кружочки) на щеках мальчика, что обозначало согласие выдать дочь за него. Словесного сговора как такового не зафиксировано. Через определенный отрезок времени, приурочив ритуал к какому-нибудь религиозному празднику, родители мальчика сами или через родственника отводили родителям девочки барана, а те резали его и раздавали как *бикьи-садакъа* (жертвоприношение). Обычай требовал неукоснительной верности сговору со стороны родителей девочки, в то время как сторона мальчика имела единственную возможность добровольного одностороннего решения вопроса: колыбельный сговор ими мог быть нарушен

³ В статье использованы материалы, собранные и записанные при активном участии секретаря Казбековского РК КПСС Х. Яндаевой в 1967—1972, 1983—1985 гг. в селениях Алмак, Буртунай, Калининаул, Ленишаул, Дылым, Гуни, Хубар, Пичха, Гертма, Зубутли, Гостала, Миатли от информаторов И. Джантемирова, Ч. Исакова, А. Аидовой, А. Мухоевой, М. Мансурова, А. Зайидовой, С. Сагитаева, А. Атаевой, Р. Абдумуслимовой, Н. Исаева, С. Сабиева, Х. Сабиевой, А. Сатубаевой, М.-П. Исакова, М. Мусаева, М. Салманова, М. Исламова, которым мы выражаем признательность.

только в период кормления детей молоком матери, если обе матери (сначала мать мальчика) кормили детей друг друга грудью, после чего дети считались братом и сестрой.

Обычай «колебильный сговор» требовал также с 8—9-летнего возраста постоянно напоминать детям о том, что они будут мужем и женой. При этом открыто не говорили о сговоре, тем более запрещалось говорить о существовавшей прежде кровной вражде. До самого сватовства каждая сторона оказывала другой постоянные взаимные услуги и внимание с расчетом будущей совместной жизни молодых. Колебильные сговоры случались также на почве кулачества, верности в мужской дружбе, отплаты чрезмерной материальной и моральной услуги и т. д. Такие «сговоры» в подавляющем большинстве своем носили чисто житейский характер, могли быть нарушены без особого ущерба моральной ответственности с обеих сторон.

Самой же распространенной формой выбора невесты в аулах Салатави был и остается ритуал *цлар чвай* (назвать имя) и следовавший за ним *тладе жо рехи* (бросание вещей). На посторонней свадьбе девушке, предполагаемой невесте, родственники юноши оказывали знаки внимания, подчеркивающие свое особое к ней отношение. Близкий родственник юноши приглашал ее на танец, во время которого он и остальные родственники одаривали ее деньгами. В свою очередь, девушка могла выразить согласие открыто, пригласив другого близкого родственника юноши, при этом «кидание» денег на нее не прекращалось, наоборот, число лиц, одаривающих деньгами будущую невесту, увеличивалось. Так родителям девушки давали понять о намерениях породниться с ними. Однако ритуал не связывал родителей обеих сторон какими-либо обязательствами.

Через некоторое время после *цлар чвай*, если родители девушки определенным образом не дали знать о своем несогласии на брак, одна из родственниц юноши (сестра отца, к примеру) от имени его родителей одевала на будущую невесту платок (*гор-менду*). При согласии родителей и девушки она буквально со следующим дня демонстрировала платок, сходяв несколько раз в день за водой к роднику: важно было, чтобы все в ауле знали, что на нее «накинули вещь». Однако и этот ритуал не играл существенной роли в решении вопроса: за родителями девушки оставалось право отказа, а у стороны юноши изменить свои планы. Ни та, ни другая сторона правящей или материальной ответственности за нарушение негласного сговора не несла, в равной степени это не отражалось и на достоинстве девушки или юноши. Но при этом ритуал «накинуть вещь» играл существенную роль тем, что до окончательного решения вопроса перекрывались пути тайного или гласного сговора с другой семьей. А оказанные же девушке со стороны родителей юноши знаки внимания расценивались в соответствии с горской этнической традицией как ответная услуга за прежние «намусы». Однако известны случаи, когда «накинутую вещь» возвращали назад, если взаимоотноше-

ния родителей по тем или другим причинам расстраивались. Шитерес представляет то, что в этот период, до самого сватовства, какие-либо пересуды в ауле относительно девушки или юноши считались неприличными и преследовались, в силу чего мужчины с обеих сторон находились в постоянной готовности заступиться за честь девушки.

Выбор невесты посредством *ясалда тлад рехи* (букв. «бросание на девушку») — обычай, существовавший раньше и редко проявляющийся в разных модификациях сегодня. Юноша хватал девушку за руку или снимал с нее и уносил с собой платок, какое-либо украшение — браслет, кольцо и т. п. Во избежание последствий родители юноши в срочном порядке посылали сватов, а юношу прятали. В большинстве случаев девушку отдавали за него, даже заставляли жениться. Если же примирение не могло состояться по причине отказа родителей девушки, то вмешивался джамаат, виновного заставляли уплатить штраф от 2 до 50 рублей (с Алмак) за нанесенное оскорбление, вещи возвращали. При этом честь девушки сохранялась, никто не упрекал ее, и она могла свободно выйти замуж за другого. Позором считалось, если юноша при «бросании на девушку» подвергал ее другим действиям: дотрагивался до груди, обнимал, срывал одежду, хватал за косы — это квалифицировалось как обесчещение, если обидчик отказывался жениться. В таких случаях джамаат не брал на себя функции примирителя, полностью возложив оберегание чести девушки и тухума на усмотрение ее родственников.

Особенность выбора невесты способом *яс хъами* (умыкание) в том, что если мужчина крал девушку, то он ее прятал до завершения переговоров, которые почти всегда кончались примирением и женитьбой. Надо отметить, что очень редки случаи вступления их в брак, если не достигнута договоренность между родителями.

Раньше редко, а в наши дни довольно часто проявляется и такая форма, как *яс хадуй ин* (убег девушки). Она определялась разными причинами, по обоюдной договоренности юноши и девушки, в частности в результате скрытого сожительства молодых до брака.

Следует отметить, что *ясалда тлад рехи*, *яс хъами*, *яс хадуй ин* во все времена считались позорными и порвергались общественному порицанию (раньше в большей, теперь в меньшей степени), оказывали определенное влияние на дальнейшую судьбу молодой семьи.

Следующим за выбором невесты регулирующим и решающим моментом семейно-брачных отношений выступало сватовство (*яс аби, рагли бахъи*). В современных условиях оно в некоторой степени превратилось в формальный акт, соблюдающийся по традиции, в силу изменившегося правящего уклада и широких возможностей молодых самостоятельно решать вопросы о браке:

сейчас мало кто из родителей решается на сватовство без предварительной согласованности юноши и девушки между собой.

Традиционно на сватовство со стороны родителей юноши посылали двух авторитетных мужчин, а позднее — еще и женщину — родственницу. В советское время сложилась не особенно соблюдающаяся традиция в качестве одного из сватов посылать лицо, занимающее официальную должность (директор школы, председатель колхоза, сельсовета). Предварительно всех приглашали в дом родителей юноши, откуда вечером отправлялись на сватовство. Перед выходом сватов из дома мать юноши или старшая в тухуме женщина, у которой много детей, обрызгивала водой улицу от порога дома в ту сторону, куда направлялись сваты, сопровождая ритуал словами:

Баглар меседил раки пана гьабизе,
Раглар беглерьаги, калам битлагн 4.

Акту сватовства раньше придавалось большое значение. Например, в некоторых аулах (Зубутли, Гертма) всех жителей, кроме близких родственников сватаемой девушки, извещали о предстоящем сватовстве и приглашали в дом отца юноши. Аульчане собирались за обильным угощением, ждали результата — сигнала выстрела, производимого старшим при возвращении сватов. После выстрела все присутствующие поздравляли, в первую очередь отца и мать юноши, с благополучным сватовством. Поздравляли и сына, который должен был находиться поблизости, с тем, что он стал *бахларав* (женых). Жители расходились, а близкие родственники вместе со сватами до глубокой ночи обсуждали, как вели себя родители девушки, что и как говорили на сватовстве, как «вытащили» слово и т. д. Посыльных одаривали подарками (платки и кисеты с вышивками, отрезки ткани и т. д.). Главному свату иногда дарили книжку или подкинжалный нож с ремнем, уздечку или панаху. Жениха всю эту ночь и следующие дни «мучили» друзья, снимали с него панаху, прятали, возвращали за выкуп (вино, баран, петух и т. д.).

Сваты шли в дом деда (отца, брата отца невесты, если таковых нет, — к старшему брату девушки). Остальные мужчины, от которых зависело решение вопроса, собирались там же. Другие мужчины, близкие родственники девушки, уединялись и не показывались в обществе. Обычно, по традиции, сваты шли только к мужчинам по отцовской линии девушки. Когда таковых не оказывалось, они обращались к бабушкам или матери девушки, их решение становилось окончательным. К женщинам сваты относились с почтением: с ними говорили без обычных в таких случаях шуток и иносказаний, без предварительных вступительных разгово-

воров, начинали прямо с цели визита, проявляя этим уважение и сожаление отсутствием в роду мужчины.

Сватов родители юноши никакими подарками или угощениями для стороны невесты не снабжали, равно как и сторона девушки. Их встречали, как обычно встречают гостей, сажали на больших пуховых подушках, которые бросали прямо на голый глиняный пол (признак уважения). Угощение откладывали до начала конкретного разговора о цели визита, пока глава семьи не скажет жене *«Ца бакся!»* (Разожги огонь!) — выражение, которое имело символическое значение: во-первых, угощение горячей пищей обозначало расположенность родителей выдать дочь, во-вторых — разрешение гостям приступить к прямому разговору о сватовстве без иносказательных вступлений. Отказ тоже был завуалирован: угощение давалось в холодном виде, к нему сваты не дотрагивались, но чтобы оказать уважение к очагу, клали в рот ломоть хлеба, потом поспешно уходили. Уходя, гости называли какой-нибудь день недели, когда они намерены еще раз прийти: давалось время для обдумывания и согласования. При необходимости сваты ходили до трех раз.

В собранных полевых материалах зафиксированы иносказательные разговоры, которые раньше сваты вели вокруг сватовства. Они долго не касались главного вопроса, говорили о житье-бытье, о всяких случаях и событиях в ауле, о животных и т. д. В Ницхе, например, кто-либо из сватов начинал философствовать о жизни: «Как быстро время течет... Как вчера помнится и видится, когда родились наши дети, а сегодня — вон какие они стали. Ваша дочь уже выросла на выданье. Жаль, что бабушка (или другой близкий человек — А. А.) умерла, не дождавшись этого дня, увидела бы наших детей. Как бы она сейчас радовалась вместе с нами!» В Гертме двусмысленные разговоры о сватовстве могли начинаться прямо с приветствия: *«Нужгойши дегел, нужгийши глде журазе бокьилеб?»* (Вас самих себе хватит, или вы хотите, чтобы и мы к вам прибавились?) Или: *«Тьадибго сордо буго нисер баци рукъобе бацлунарго, нисер глаларалда цадахъ глаци ккечодаян раккун руклана. Гьабизе жо тлаглун буго, рукъобехун бисинабизеглаци клоаро»* (Уже третья ночь, как наш бычок не приходит домой, хотели узнать, не прикнул ли он к вашей телке. Прямо беда у нас с ним, не можем дома удержать). Или: *«Нисер цохлого цо хугтараб баци бугоан, нисеца глалар бичани, багьа-кьадаралъе раглинги данде ккани, босилаанилин рацлун руклана»* (У нас из живности один единственный бычок остался, хотели узнать не продадите ли вы телку свою, если сойдемся в цене, мы купим бы ее). Или: *«Нисер гьобо буго льимги гьечлого члун хуглун, ниседа гьабизе клолеб кумекго гьечодаян рацлун руклана»* (У нас мельница стоит из-за отсутствия воды, вот пришли, хотели узнать, можете ли вы помочь нам чем-нибудь) и т. д. Подобные двусмысленные разговоры, варианты которых многочисленны, завершались тем, что старший рода давал «команду» жене: «Разожги огонь!». Все эти моменты были

4 Букв. перевод: «От острых слов и красноречия пусть растает сердце красного «золотца». Здесь и далее подстрочный перевод наш.

четко аргументированы и отрегулированы традициями и ритуальными действиями.

Характерная во время сватовства и вообще на традиционной свадьбе пицца в Салатавни, которая в настоящее время отличается обилием и разнообразием, — свежее отваренное мясо с бульоном и картофелем, поджарка из внутренностей скота, сушеное мясо с отварной кукурузой и фасолью (*мугь*), пшеничный хлеб или кукурузные *мучари*, домашнее вино и водка.

Время от сватовства до *магьари* (религиозная форма заключения брака) — период активных, однако ритуализированных взаимоотношений между роднящимися сторонами, в том числе между женихом и невестой. Встречи их наедине раньше не могли состояться: в народе такие поступки, особенно со стороны невесты, осуждались и считались безнравственными. Но жених мог видеть невесту в кругу ее подруг у родника, во время *гвай* (сход для оказания помощи кому-то в чем-то), *гьасдабакI* (сход девушек у домашнего огня для расчесывания шерсти, изготовления ниток и т. д.). Здесь они могли перебрасываться шутками, прибаутками, в юморе скрывались взаимное уважение и любовь. Жених мог также вместе со своими товарищами проследить возвращающуюся с родника невесту, попросить у нее воды для себя и остальных, а она, не снимая кувшин (*глеретI*) со спины, — напоить их. Иногда раз молодежь по два-три раза опорожняла кувшин невесты, и она каждый раз с удовольствием возвращалась к роднику. Такого характера встречи и поступки не осуждались, были чрезвычайно распространены.

В доме невесты жених вообще не появлялся. Со дня сватовства до официального приглашения молодых в дом родителей невесты уже после свадьбы жених избегал ее родственников — мужчины старше себя (из женщин — мать невесты), что считалось не только проявлением уважительного отношения к ее тухуму, но и одним из атрибутов горской этики и примерного поведения. Круг избегания невестой родственников жениха был более-менее ограниченным, но она первая не вступала в разговоры со старшими мужчинами из своего и его тухума, при разговоре не смотрела на них, в то время как заводила дружбу с младшими и опекала их. Родственники жениха часто приглашали ее на полевые работы, на помощь по хозяйству в доме.

Период от сватовства до *магьари* считался в то же время наиболее опасным периодом. Симпатии и антипатии аульчан, особенно женской части населения, к той или другой стороне всегда находили место, естественно, появлялись пересуды, причем их не пресекали, как это делалось в период «выбора невесты». Оказывалось, что у жениха и у невесты было много конкурентов. При встрече с матерью невесты, например, после приветствия и поздравления со сватовством, говорили, что они тоже были намерены сватать ее для их сына, не думали, что так быстро ее выдадут замуж и т. д., а стороне жениха говорили, что надеялись на сватов от них и т. д. Такого рода разговоры могли расстроить отно-

шения между родителями жениха и невесты, что иногда случалось. Поэтому в некоторых аулах стремились сократить до минимума время между сватовством и *магьари*, нередко его совершали до проведения свадьбы, известны случаи, когда в дом жениха невесту приводили уже в положении. Возможно, это связано с более архаичными формами заключения брака, когда стремились убедить ее в способности девушки к деторождению.

В основном же аульчане поздравляли обе стороны с будущим браком молодых: «*Нужер ригьинги баракат бугеб батаги!*» (Пусть ваш брак будет благодатным!), «*Льиклаб бакI тIаса бицун буго*» (Хорошее место выбрали), «*БахIаралги цадахъ херлъаги!*» (Пусть вместе состарятся молодые!), «*Льималазаса роххун хутIаги!*» (Пусть дети принесут радость!).

Период от сватовства до обручения раньше включал в себя ряд обязательных ритуальных действий: *бахIаралъе жо босун ин* (отнесение подарков невесте), *тIутI къотIи, баркала къей* (букв. «резать поднос», выразить благодарность), *бохша бахъи* (букв. «отнять у невесты тарелку»). Каждое из них выполняло определенные функции. В современный период они упрощены и видоизменены, а некоторые изжили себя в связи с калымом.

БахIаралъе жо босун ин — примерно через неделю после сватовства близкая родственница со стороны жениха, будущая «*бахIарасул эбел*» (названная мать жениха), посещала невесту и одаривала ее подарками (отрез на платье, платок, серебряное кольцо, ковровый подкувшинник³ с плетеной веревкой (*син*), ковровая накидка на кувшин, фрукты и т. д.). Основная же цель посещения — оговорить стеснь подготовленности обеих сторон к предстоящим ритуалам свадьбы, наличие необходимых домашних принадлежностей и т. д.

ТIутI къотIи, баркала къей, бохша бахъи — к этим разнохарактерным, но взаимосвязанным по своим функциям и содержанию ритуалам привлекался широкий круг родственников с обеих роднящихся сторон. Халву для *тIутI* (медный поднос) готовила наиболее известная в ауле своими кулинарными способностями женщина: по форме подноса изготавливалась халва (*бахъухъ*) в два-три слоя, ее накрывали красным шелковым матерьялом (*багIараб хара*). Помимо *тIутI* посылали разделанную (*хьалбал, хамалаг*) тушу барана. Поднос с халвой посылал женщина, которая и в дальнейшем вплоть до окончания свадьбы будет выполнять роль матери жениха (*бахIарасул эбел*). Мясо носил мужчина, который в дальнейшем выполнит роль отца жениха (*бахIарасул эмен*). С ними посылали пять-десять человек, в основном женщин. При выходе из дома процессию сопровождали словами:

³ Специальный ковровый подкувшинник с бахромой, который накидывают на спину во время поения воды в кувшине.

Бахъухъ гьуншлага, глалал рекъаги,
Нусго мурад тубаи, тлад русеун шваги!⁶

В некоторых аулах пошение *тытл* происходило в строжайшей тайне: по дороге могли напасть и отнять дары, что считалось совершенно безобидным, даже обязательным, а возратить могли только за выкуп. Ради этого молодежь аула всю ночь сторожила все возможные маршруты процессии.

По прибытии в дом невесты *бахларасул эмен* «резал» поднос (халву) на равные кусочки, первым брал кусок и «бросал» на поднос серебряные деньги (*тлотлоде жо рехи*), его примеру следовали все представители рода жениха и невесты, которые могли прийти и в последующие дни. «Брошенные» деньги оставались в доме невесты. После *тытл* сразу начинался ритуал *бахларалъул бохша бахъи* (отнять у невесты тарелку), продолжавшийся даже после свадьбы. Любой родственник жениха в любое время являлся в дом невесты, перед ним ставили тарелку, в которую, помимо сладостей и фруктов, клали носовой платок, носки, плетку для коня, кисть, табак, папиросы, портсигар и т. д., а он «бросал» деньги в тарелку.

Следует отметить, что изготовление халвы для *тытл* требовало скрупулезной подготовки, сноровки и изысканности. Ее качество сразу же вызывало много нареканий у аульчан. Заодно следовало учитывать не только количество людей, посылаемых с *тытл*, но и тех, которые могли собраться со стороны невесты: как бы не оказаться в таком положении, когда халва кому-либо из присутствующих не достанется. Иногда на всякий случай родители невесты тоже готовили халву, назначение которой то же.

Относительно *тытл* и халвы записано много вариантов песен. Например, в селении Гуни случилось так, что халвы не хватило даже для тех, кто ее принес, не говоря уже о родственниках невесты. Естественно, «бросающих» деньги на поднос за халву оказалось меньше, а все расходы шли за счет родителей невесты. На следующий же день все село пело кем-то сочиненные стихи:

Анциго хамагналал харцун рачиндал,
Хайир шиб букинеш бахъухъял тлотлод.
Хамавгун, Халлапгун, Абулав шведал.
Щакляго буклана дир гъаб тлотлоде.
Агил Хажиявгун, Хажил Нугъайгун,
Байгъун Хъарамирза, къохвол Баймурза,
Цилцил-михъал Дацц, дувана Нусман,
Цар бахъалъуб сентлер — гьереси Шапигл.

Гъазул царал риклгун, бохша бахъизе,
Хъвап базе бечелъи кеса бахъулеб?⁷

⁶ Пусть сладкой будет халва, сойдутся характеры, вернутся назад, исполнив это желаний!

А в селении Алмак о плохом качестве халвы девушки пели.

Нижер бахларалъул гарцул тлотлоиб
Бекун чакар буго чедгун кваназе.
Нужер бахларасул цудал тлотлоиб
Глакдал исео буго расулги цураб⁸.

Приношение чемодана (*чемодан битли*)⁹. Вещи для невесты, как и приданое для дочери, родители жениха готовили всю жизнь, с рождения сына. Ближайшие родственники принимали активное участие в подготовке «чемодана»: приносили вещи (отрез, платье, платок). В него клали всю необходимую для невесты одежду, в большинстве случаев заранее согласованную с ее родителями. В чемодане должны были находиться и вещи, предназначенные для ближайших родственников невесты (матери, сестер и т. д.), но дарила их ее мать от своего имени. Помимо традиционно обязательных вещей (кольцо, серьги, платья, нижнее белье, платок, чохло, позднее — часы, обувь и т. д.), в чемодан клали отрезы разных тканей, фарфоровую посуду, а сейчас — и деньги (калым) от 500 до 5000 рублей, в зависимости от возможностей и предварительной договоренности: родители невесты распоряжаются ими по своему усмотрению, в основном закупили вещи на приданое. Чемодан носили женщины, каждую из которых мать невесты одаривала подарками. В доме невесты к «приносу чемодана» для просмотра его содержимого собиравлись ее родственницы. На следующий день весь аул знал, что прислали для невесты, при том оценки бывали самые разные. Мужская часть тухумов к этим мероприятиям раньше не проявляла особого интереса, не участвовала также в угощениях в доме невесты. Особого оживления по этому поводу не наблюдалось и в доме жениха.

Родители невесты могли выразить недовольство присланными вещами. Как ни странно, именно здесь возникали ссоры и недопонимания между тухумами: известны случаи, когда вещи возвращали обратно или дополняли их, иногда в эти вопросы вмешивался джамаат. Более чем странным с точки зрения современной жизни кажется также и то, что молодые, полностью подчиняясь воле родителей, в таких случаях не принимали какого-либо участия в размовке между родителями. Оскорбительна, видимо, не столько ценность той или другой из вещей: в этом виделся знак недостаточного внимания. Правда, позднее молодые, уже успешнее проявить взаимные чувства, стремились связать свою судьбу другими путями. Например, в нижеприводимых четверостишиях,

⁷ В песне выражается сомнение, что халва не принесет пользы, перечисляются имена многочисленных представителей, посланных стороной жениха с *тытл*.

⁸ На серебряном подносе нашей невесты сахар с пшеничным хлебом, а на деревянном подносе нашего жениха творог с волосами.

⁹ «Приношение чемодана» — явление позднее. Раньше вещи для невесты носили разными способами: в белых мешках, хурджунах, обвязанными шелками.

записанных нами в Инче, заметна решительность призыва девушки, чтобы возлюбленный похитил ее:

Дир рекел анинал шурцулев Шамил,
Кидатай къотила гьал къатIул харбал?
Бихьнаб рагIуе мул хиллигьани,
Пуруль кIанцIун хвела, пахье мулги тун.
Гарцул къилиги лIун, къолол аргъумахь,
Кьибил гIоднае тун, гIорал рахине.
Меседил цIал хьвагIе цахIилаб чода,
Шаруега телин гьаюраб росу ¹⁰.

Далее следовало совершение *магьари* – форма, устойчиво сохраняющая и сегодня свое значение в Салатавии при всей формальности современного подхода к ней. Даже зарегистрировавшись в ЗАГСе, большинство из жителей района считает необходимым совершить *магьари*. Обычно же *магьари* предшествует регистрации брака в ЗАГСе. Ритуал совершения *магьари* у салатавцев совпадает с другими народами Дагестана. Особенность заключалась в том, что оговаривались материальные атрибуты (*магьаридаха жо*), получаемые женщиной в случае развода. Например в Алмаке: отрезок земли, требующий однодневной (двухдневной) обработки одного цикла, одна корова, деньги (от 2 до 10 рублей); перечислялись также предметы домашнего обихода. В настоящее время называют только сумму денег – от 100 до 500 рублей.

Магьари совершали при словесном согласии жениха и невесты, после чего представитель жениха отводил в дом невесты какую-нибудь живность – барана, быка, козла, которую непременно резали. Люди, совершавшие *магьари*, получали угощения, деньги, что-либо из продуктов питания.

Хотя содержание *магьари* всегда одинаково, формы и сроки его совершения в Салатавии различны. Например, на *магьари* иногда девушку приводили в дом жениха, которая в ту же ночь после *магьари* могла остаться в доме жениха почевать, а рано утром после брачной ночи идти домой. В дальнейшем жених мог тайно посещать дом невесты, почевать у нее, избегая при этом встречи с ее родственниками, а те стремились не мешать молодым, так как они являлись фактически мужем и женой.

Магьари могли совершить также в доме родственника жениха, где повенчаные могли провести брачную ночь и встретиться в дальнейшем. Сроки совершения *магьари*, как мы отметили выше, даже в одном ауле разные и не регламентировались религиозными или нравственными канонами. Известны случаи, когда *магьари* совершали на третий день свадьбы, перед брачной ночью, после привода невесты в дом жениха.

Таким образом, *магьари* являлся юридическим актом заклю-

¹⁰ Оседлай коня серебряным седлом, оставив тухум в плаче, перейдем реки, золотым кнутом стегни коня, пусть говорят, что оставила родное село.

чения брака, с чем, видимо, связано то, что зафиксированная народная поэзия не затрагивает ритуал *магьари*, она в основном посвящена его материальным атрибутам и носит сатирико-юмористический характер. Из Мнатли в Гуни, например, на *магьари* прислали хилого быка, не оправдавшего ожидания родителей невесты. Захревший бык вызвал всеобщий интерес гунийцев, до сих пор в народе остались фрагменты песни о нем:

Рохьоб чипаридул гIаркъел гIадицап,
Къварун бакъвайго шиб рукъ бухIалъул?
Игьелдеря къода бечIараб микьир,
Рукьбалиш гIамилел алъул хьагичир?

Бертадул цIотIода гIад лъолеб бетлер.
ТIибитIун шго шиб, тIунараб накIкIлъун?
ТIотIол раIалалда бахъун лъураб бер,
РенцIуе чвахиялъ иц баккун буго.

Бакъуль чарап къараб, чорхьоль яхI бугеб.
Черма араб битIун Хасавюрталде:
ГьагIада бер лъезе гьортъе жубазе,
Цо якъия нахул бичул босизе.

Магьаридай хьезе гьаб лъулI бихьидал,
Пурун арав дибир, тIилги кIочон тун...
Оц шванни абураб цIарго кIваричIин,
ГIин ккуи яче дир яс дурго рукьое! ¹¹

Традиционная свадьба (*бертин*) у салатавских аварцев, как и у других народов Дагестана, имела некую структурно-обрядовую целостность, многие ритуальные элементы которой на сегодня исчезли бесследно. Свадьбы обычно проходили осенью, после уборки основных видов урожая и фруктов: эта традиция безвозвратно сведена на нет возросшими материальными условиями населения. Раньше свадьбу, как правило, начинали по религиозным соображениям в четверг или в пятницу после обеда и завершали поздней ночью в субботу или воскресенье. Постепенно изменились и эти сроки, ныне в аулах Салатавии на свадьбу отводятся в основном суббота и воскресенье, развивается также тенденция проведения свадьбы в один из этих дней.

В среду или четверг специально оговоренный родней жениха мужчина (*чавци*) на коне ¹² извещал аульчан о свадьбе незави-

¹¹ Как ветка высохшей чипары в лесу, как засохший на дереве персик, одни кости что ли твои в кастрюлю класть? Голова твоя разошлась, как низкий туман, из глаз твоих гной сочится, как вода из родника. В Хасавюрт послали солидную бочку, чтоб купить масло и добавить в бульон для глазок. Увидев этот кол для *магьари*, дибир убежал, забыв захватить свою палку. Не нужна мне слава «Быка прислали!», возьми на уши мою дочь и забери в свой дом!

¹² В некоторых аулах (Шах, Алмак, Буртунай, Зубутли, Хубар, Гертма) на конях ездить по аулу разрешалось в случаях, когда приглашали на свадьбу;

симо от родственных отношений и тухумов, за исключением близких родственников невесты. Родители жениха с помощью близкой родни наряжали коня: привязывали к шее, седлу, голове *горленду*, яркую шелка, уздечку развешивали разноцветными треугольными талисманами-оберегами с желтой шелковой бахромой. Привязывать на коня что-либо имели право и жители аула за добрые вести о свадьбе, что свидетельствовало об особом расположении и уважении к жениху и его родителям. Иногда одаривали ягненком или козленком, которого оставляли *чавушу*. После объезда *чавуш* возвращался в дом жениха, его одаривали подарками, для коня специально готовили корм-кашицу (*чури*) из кукурузной муки и фруктов.

Интересен текст устного приглашения на свадьбу, записанный в Гертме, варианты которого идентичны с приглашениями в Алмаке, Буртунае. Пичке: «*Нужеда радгун батила нилгер росулъ бугеб рохалил ахли-хлур. Метер радал мунги, дур члужуги, дур лъималги, мун рокьаралги, дие рокьаралги, магларда ругелги, Морада ругелги, сапаралде аралги, ине ругелги, нужерго бугеб хлайван-хлутги бачун Гака-бече, чу-хлама, оц-биси, хух-бурут1, гланкту-хледеку... бахларасул рахвалдехун рачла!*» — (Вы, наверное, слышали, какой радостный шум-гам ожидается в нашем ауле. Завтра, на рассвете, вы, ваша жена, ваши дети, вместе со всеми, кого вы любите и кто вас любит, кто в горах и кто на реках, кто в пути и кто собирается в путь, прихватив с собой всю принадлежащую вам живность — корова-теленки, лошадь-осел, баран-козел, петуи курица... приходите в сторону жениха!). Со стороны родителей невесты особых приглашений не бывало, так как свадьбу у невесты до последнего времени не играли, что можно объяснить нравственными аспектами.

В предсвадебный вечер в доме жениха собирались родственники, все, кто желает и приглашен для обслуживания свадьбы, распределяли обязанности. Прежде всего определяли авторитетное лицо, которое от имени отца жениха будет управлять всеми вопросами свадьбы (он же *бахларасул эмен* — «отец жениха»); назначали *хъазанчи-хъагикъчи* (человек у огня, у кастрюли), занимавшегося вопросами подготовки пищи на все время свадьбы; *чависчагли, бизаникал* (организаторы танцев и веселья), регулировавших порядок непосредственно на свадьбе; *маслиглатчагли*¹² (примирители) на случай ссор и драк, решение которых было обя-

когда возникло большое; женщины, если она осталась без мужа и возглавляла большое семейство (информация М. Салманова, 1881 г. р., с. Пха).

¹² Примирителями назначали обычно авторитетных людей из выполняющих какие-либо функции в аульском джамаате, независимо от родственных отношений к жениху или невесте. Они активно вмешивались в конфликтные ситуации, возникшие на свадьбе, от имени джамаата имели право штрафовать виновных. Интересный факт зафиксирован в Алмаке, когда конфликтующие стороны, не послушавшись примирителей — Жамала и Исмаила, учинили драку и оба пострадали. Песня об этом повествует: когда бы послушались Исмаила и Жамала, у Ангиз-Магома живот не распоролся бы, его штаны с широким поясом не падали бы:

зательным для обеих сторон, неподчинение им осуждалось и считалось в нравственном отношении неприличным, кроме того проявлением акта неуважения к целому тухуму жениха; оговаривались и другие многочисленные службы: *бахларасул эбел* (мать жениха); *бахларасул хлама* (букв. «осел жениха», слуга); лица, посылаемые за невестой; лица ответственные за встречу гостей, продукты, за стол и т. д.

Люди, придя на свадьбу, подходили к отцу и матери жениха, которые встречали гостей у порога дома, поздравляли их с радостным событием, (*Рукъзал бечелъаги, чи глемерлъаги. Бертин халагъаги, рохел цилгъаги!* — Пусть богатый будет дом, много в нем людей. Пусть длится свадьба, обновятся радости!). Свадьба шла во дворе родителей жениха или на крыше дома соседа, людей располагали и угощали в комнатах, на веранде, у соседок, со всех сторон с крыши домов стар и млад наблюдали за танцующими, взбудораженные дети заранее определяли и занимали выгодные позиции на деревьях, готовые ринуться за пронесенной, отправляющейся за невестой, чтобы успеть побольше собрать конфет, орехов и другие лакомства, бросаемые на процессию с крыши домов по всей дороге к невесте и обратно к жениху. Молодежь, кроме родственников жениха и невесты, группировалась и прикидывала приблизительно возможные маршруты следования невесты, выманивала у родственников жениха за выкуп сведения о маршруте, выбирала наиболее узкие и удобные позиции для перекрытия дороги, готовила различные преграды в пути — шесты, бревна и другие тяжелые предметы. К примеру, в селении Гупи, старики рассказывают, однажды дорогу невесте закрыли возведенной каменной стеной и требовали выкуп — барана и бочку вина. Пришлось удовлетворить требование, так как возвращаться с невестой нельзя. Отметим, что традиционный выкуп состоял из платка, киста, фруктов, а в настоящее время все это заменила бутылка водки, причем в Казбековском районе сельскими Советами вообще запрещено перекрытие дороги невесте в связи с безалкогольными свадьбами — наглядный пример «трансформации» обычая с учетом реальности.

Два человека, подчиненные *чавушу*, занимались организацией пельея, следили за порядком и очередностью выхода мужчин и женщин на танец. *Сийдун* (кумык., букв. «палка любви») раньше на свадьбе не применялся, он возник потом: парадный *сийдун* приносили на свадьбу сопровождающие невесту девушки, близкая ее подруга или сестра. Он изготавливался по заказу стороны невесты в соседних кумыкских аулах. К вечеру первого дня свадьбы приносили и устанавливали *гарас* (столб-вешало), разукрашенный и развешанный яствами и вещами (конфеты, курица, вар-

Исмаилгил гьмер гьабурабани,
Глайги Мухамил чехь бихъилароан,
Жамалил гьурмаде руссаралани,
Руссуи Клодл шарбал бортилароан.

ные яйца и мясо, носовые платки, кисеты, косынки, сигареты), охранять *гарас* поручалось одному из родственников жениха, в доме которого он был паряжен, рядом с ним находился исполнитель (*глаклячи*) штрафа. В некоторых аулах (Гертма, Зубутли, Инчха) вместо *гараса* устанавливали целое молодое дерево (*бертадул гэветл*). Вещи с *гараса* получали хорошие танцоры, исполнители сатирических частушек на стуле (*баклида кучлдул*), гости из других аулов, «принеситель» вести «невеста идет», старые, немощные люди аула, выходившие на танец, музыканты, барабанщик и т. д. На *гарас* вешали все, полученное от штрафников. С целью пополнения запасов на *гарасе* вызывались родственники жениха, им приписывали несуществующие обвинения и заставляли приносить те или другие продукты питания или вещи. При отказе, что делалось специально, «обвиняемого» привязывали к столбу (в с. Алмак даже вешали вниз головой), обмазывали сажей, черной, так называемой, лягушной грязью, связывали ему руки, ноги. Под общий хохот вызывали жену, мать, сестру наказуемого, которые доставали выкуп и выручали его. После свадьбы остатки на *гарасе* раздавали, а в Гертме, Зубутлях друзья жениха рано утром уносили его на речку, устанавливали там заново, целый день продолжался вызов от имени жениха кого-либо из его родственников, иногда и родственников-сверстников невесты, с которого снимали папаху и не возвращали, пока не принесет выкуп. А в Инчхе *гарас* (вешало, жердь) готовили заранее. В день свадьбы его устанавливали на арбе (на санях), обходили с ним аул. Жители вешали на него, кто что мог, особенно родственники невесты: Вернувшись на свадьбу, «организаторы» вешала «продавали» его жениху или другому его родственнику, при этом они долго торговались между собой, вызывая смех и реплики окружающих.

Почти во всех аулах Салатавин раньше распространено было, как и у других народов, передевание женщины в мужскую одежду, которая на свадьбе танцевала по-мужски, притом не хуже мужчин. Передевание, приклеивание усов, мужская папаха и т. д. до того маскировало женщину, что ее почти никто не узнавал. Она пародировала почерк танца того или другого мужчины, а зрители, тут же догадывались, кого она пародирует, получали удовольствие и кричали, просили подделать танец того-то. Выход на танец престарелых людей, уважаемых гостей, родителей и родственников жениха подчеркнуто приветствовали возгласами, активным хлопанием, усиленным игрой на аккордеоне, ударами в барабан.

Музыкальную часть свадьбы обеспечивали барабан и аккордеон (*тезхьулуз*), реже — зурна. У салатавских аварцев аккордеон пользовался некоторыми привилегиями перед зурной: часто музыкант-аккордеониста нанимали из соседних аулов — кумыкских, чеченских. Особым уважением и популярностью пользовались чеченские аккордеонисты. За хорошую игру на аккордеоне,

барабан привязывали платки, кисеты, отрез и пр., которые оставались как подарки. Танцующие «кидали» на инструменты деньги.

Состязания на свадьбе по сложенному экспромтом и пению шуточных и юмористических, иногда остро сатирических, даже оскорбляющих, песен-частушек, так называемых *баклида кучлдул* (песни на стуле) шли под громкие восклицания и смех возбужденных зрителей. Соревновались мужчина с женщиной, с женщиной, женщина с женщиной. Проигравший уступал место следующему. Обычно четыре строчки пел (или просто читал наизусть) мужчина, после музыкального проигрыша, заполненного танцами, в спор вступала женщина и так далее. Мы располагаем многими фрагментами и вариантами таких шуточных песен, из которых приведем некоторые примеры, записанные в Алмаке, Хубаре, Зубутлях:

- Мужчина: КIал бекараб чирахъ гордонибги лъун.
Горбол цIабушин шиб, цIум ккураб гIадин.
ЦIорол лъим гьекъолб графинги тун.
Балъхъадерил хъаба хъатикъ ккун буго.
- Женщина: Гъабил хъимир гIадаб хъитIараб дур гъод,
Гъелда сургу базе Сота аншан.
Шурункъоркъол гIадал гелгъарал хIатIал,
Къебелъухъе раче ритIизаризе.
- Мужчина: Рукъоб къали гьечIеб, къвал гIебаб горде,
Къолониб сахI гьечIеб, сурмияб дарай.
АхIичIеб берталъе теролел хIатIал,
Чияр хъитал ретIун рокъи гъабизе.
- Женщина: Бихъинал цIаналъе, цIо дерIен гIадав.
Дур гунар гIелебдай, дунгун къурдизе?
Босноб хурхудулеб херлъараб гIужрукъ,
ГIетIуд чай восарав, сваканцин гуриш?
- Мужчина: Халатаб палшица азбар лъухъулеб,
ЛъаркIачI бихъуларин бакъалде бахъун.
Къерилазде гъорлъе еси гьечIеб хIара,
ХIалихъатаб буго гали босног¹⁴.

¹⁴ Песни-частушки в мужском исполнении: лампа с поломанной головкой в окне, что вытягиваешь шею, будто орла поймала, вместо графина в руках держишь балхарский глиняный кувшин. Без мерки в доме (бедность), в платье широком и в чужой обуви бегашь за любовью. Длинный плащ твой подметает двор, летучая мышь вышла на солнце. Стан твой непризнанный среди ровесниц, как дохлятина несут твои ноги. В женском исполнении: взбученный твой горб, как выступ на мельничном камне, хотя бы Сота построгол твою спину. Перекрученные ноги, как у черепахи, сходи к кузнецу, пусть он выпрямит их. Среди козлов-самцов ты, словно коза, хватит ли сил со мною тягаться? Старый еж, хранящий в постели, что ж ты вспотел, неужели устал?

Общезвестно, что до последнего времени в доме невесты свадьбу не играли, да и сейчас в большинстве случаев дочь выдают замуж без свадьбы. Тем не менее подготовка невесты к свадьбе требовала скрупулезной организованности: заранее запасались всеми необходимыми вещами: шили одежду, готовили угощения и подарки для родственников жениха. Можно перечислить вещи домашнего обихода: ковер или *араван* (ковер из войлока), палас (*сумало*), матрацы, одеяла, простыни, подушки, настенные медные маленькие и большие тазы (*силабчи*), кувшин с кувшинчиком (*элеperl, гулгун*), материал для стен (*шаршав*), посуда, — словом, все, что раньше определяло функционирование молодой семьи. В комнате жениха и невесты делали глиняные подставки (*мегелел*), на которые складывали мягкий постельный инвентарь, на *тах* (деревянная лежанка) до самого потолка складывали матрац, одеяло, подушки одна больше другой.

За невестой под руководством одного авторитетного и опытного в этих делах (в смысле знающего все ритуалы) посылали 3—5 (в Алмаке, Ленинауле, Қалишнауле — до 20—30) человек на арбах, в снежную погоду — на санях. Обычно снаряжали три подводы, запряженные лошадьми или быками. Первая подвода, покрытая натянутым ковром, служила для невесты и ее ближайшего окружения («мать», сопровождающие женщины и девушки-родственницы, сюда же садился ответственный от жениха за привоз невесты). На лошадей (быков) и подводу привязывали платки, яркий материал; это же делали и родственники невесты. Вторая подвода полностью предназначалась для приданого невесты. После погрузки вещи охранялись специальным человеком — *гьудулав* (Алмак) из числа посланников за невестой. К этой арбе привязывали скот (преимущественно молодую телку), подаренный дочке родителями. На третьей подводе размещались девушки — родственницы невесты и все, кто прибыл за невестой. Посланники за невестой выделялись тем, что нанесли через плечо они бывали обвязаны отрезами разноцветного материала (шелка), в некоторых аулах это делалось перед выходом из дома родителей жениха, в других — перед выходом невесты из дому. В дальнейшем материал долго не развязывали, в нем тащевали. По пути следования за невестой дорогу не закрывали. Перед выходом порог обрызгивали водой. Часто с ними посылали и музыкантов, чтобы развлекать находящихся в доме невесты людей на время ее подготовки к выходу из дома.

В дороге за невестой пели песни о ней и о женихе. Инициатива в таких песнях принадлежит обычно сестре жениха. Фрагмент нижеприводимой песни наполнен безмерной радостью, гордостью за выросшего для женитьбы брата. Кроме всего прочего, слышно ожидание личной радости сестры, так как женитьба старшего брата приближает решение судьбы ее самой, открывается дорога к разговорам о выдаче замуж и ее:

Вай дун члухлун йиго, дун члухлун йиго.
Члухларав вацасе члужу ячиндал.
Вай дун йохун йиго, дун йохун йиго,
Хирняв вацасе бертин гьабидал.

Свадебные песни всегда пели экспромтом, повторяющиеся строчки (рефрен) давали возможность обдумывать содержание и рифму последующего за ними стиха, построить логическую параллель с предыдущей мыслью, звуковую аллитерацию. Песни исполняли девушки, женщины, что далеко небезразлично для понимания и оценки их идейно-тематического и художественного содержания. Женщина в очаге своем чувствует покровительство мужа, но и муж может быть спокоен тогда, когда женщина создает нерушимое и надежное семейное гнездо. Поэтому в песнях поется о красном солнце (жених), лучи которого освещают вершины высоких гор, о полной луне (невеста), ласково и нежно плывущей по небу — все это метафорическая параллель идеала красоты и прочности супружеской жизни, подчеркивающая единство природы и человеческой судьбы: утреннее солнце и его лучи приносят радость и свет зарождающегося дня и жизни в дом молодых, вечерняя, полная луна — легкую, нежную грусть о прожитом дне, а вместе — каждый день проверяет прочность родственных уз в жизненном пути. Вот как все это сконцентрировано в одном четверостишии свадебной песни, записанном нами от М. Салманова (Иха) и наполненным сравнениями, эпитетами, метафорами, аллитерацией:

Рогьаллал баккулеб баглар бакъе
Борхатаб бокъула рещтине меглер.
Марклячуль шапулеб шагьри мошалье
Шуляб бокъула бусине ссверн.

Такую песню пели наши предки, когда гости заходили во двор к невесте, чтобы забрать ее в дом жениха. Мастерство певиц, ни словом не упомянув о женихе и невесте, так абстрактно и в то же время конкретно сказать о жизни, имело эстетический и художественный эффект, оказывало благотворное воздействие на присутствующих. Содержание приведенных строк наполнено мотивами надежды на лучшую совместную жизнь молодых, на крепкое и счастливое супружество.

Посланников за невестой встречали на улице, у ее дома. Их угощали, устраивали веселье. Если они с собой приводили музыкантов, у невесты устраивали танцы. Молодежь, прибывшая за невестой, стремилась украсть из дома ее родителей, что попадает под руки, а те предусмотрительно накануне прятали все, что бросается в глаза. Крали продукты, вещи, даже дрова, угоняли и прятали барана или другую живность — ягненка, козленка, петуха, курицу, а потом за выкуп возвращали обратно. Так в Гертме был случай, когда из стены дома вытащили и унесли камни.

Часто в дом жениха приводили краденого ягненка, и если не получали выкупа, его оставляли там навсегда. Иные вещи крали поговору с невестой: к примеру, в Хубаре была развита традиция красть вещи, которые мать невесты не пожелала отдать ей в качестве приданого, невеста заранее через живую почту предупреждала их, что именно красть, подсказывала, где припрятано. Родственникам невесты всю ночь не давали спать. В Алмаке, Инче, Зубутли мать, сестру и других близких родственниц невесты, в порядке шутки, намазывали липкой сажеей, смешанной с животным жиром.

Когда наступала пора увести невесту, ответственному представителю от жениха приходилось *бахларай кьварлие яхъизе* (букв «вытащить невесту из комнаты»), у порога долго торговались, требовали выкуп (обычно деньги). Выкуп доставался названной матери невесты. То же самое могли делать другие женщины — родственницы невесты при ее выходе со двора. «Мать» невесты брала с собой платки и кисеты с вышивками, конфеты, фрукты, кувшины (*гулгун*) с водой, предварительно напив (по глотку) по выходу невесту, присутствующую родню и обрызгав порог. При выходе невесты с крыш бросали на нее конфеты, сахар, фрукты, орехи; их подбирали дети и взрослые, создавая препятствия по пути процессии. По всему пути следования на арбы осыпались пряности, бросаемые с крыш.

Когда уводили дочь «со двора» (из отчего дома) мать в слезах провожала ее словами (Гертма):

Льураб хъетге туглъаги, тугт гьунлъаги,
Росасул гьамалгун гьамал рекъаги!
Гьоцло-пахги гьадин, цоцаль жораги.
Гварун ца реклараб рокьи-кьалалда!¹⁵

Когда сажали невесту на арбу, ставшую за время приготовления невесты в путь особенно нарядной, девушки с обеих сторон хором пели (Хубар):

Нижер бахларалда хур чивалебилан,
Хежрул микки буго куркьби хьвагълуб.
Нижер бахларалда шуб ккелебилан,
Шуго тавус буго тласан свердулеб.¹⁶

Подобные хоровые песни сменяли танцевальные мотивы, которые не прекращались до самого дома жениха. Представители обоих тухумов охраняли невесту: ее могли «выкрасть» по пути и возвращать за выкуп, или «угнать» в дом, где прятался жених на время свадьбы, чтобы «продать» сму. Ответственный от жени-

¹⁵ Пусть поступь твоя будет легкой, пища сладка. Пусть с мужем вы характером сольетесь, как мед с маслом. Пусть возгорится любовь!

¹⁶ Чтоб на нашу невесту пылица не села, райский голубь крыльями порхает. Чтоб на нее роса не оседала, павлины крутятся над ней.

ха и названная мать невесты отвечали за все, торговались с молодежью, которая закрывала дорогу и требовала выкуп, находили выход из разных ситуаций.

В Алмаке зафиксирован древнейший магический, оберегающий ритуал, когда женщины — родственницы жениха вслед за невестой, от самого порога ее дома, значительное расстояние дороги подметали, в нескольких местах на середине улицы устраивали костры, через которые проезжали арбы.

По прибытии на место свадьбы, сопровождавшемся выстрелами, все посланники за невестой выскакивали с подвод, а родня невесты оставалась на местах. Невесту «вытаскивали» из арбы за выкуп, одновременно «мать» невесты угощала водой из того же *гулгуна* мать жениха, потом *гулгун* передавался из рук в руки. Девушки из родни невесты хором пели, обращаясь к матери жениха (Буртунай):

Бахларасул эбел, салам гьалайкум,
Бахларайги ячун гьале ниж рачлун.
Гарцул чайниклахъе чакарги хьурун.
Чинидул суркбухъе гьоцлоги бецлун...
Нижгийн рачлинед, пужтойни гьелед!¹⁷

Мать жениха отвечала им:

Вагьалайкум салам, рачлая цере,
Нижер бахларайгун, хьурулгин гьадай.
Нижер гьамалалда гьамал рекъани,
Гумал Баху гьадни, гьодой члун тела.
Нижер гьамалалда яс рекъечлони,
Цадахъ кьайи босун, рукъой йитила!¹⁸

А потом, обращаясь к невесте, говорила:

Гиняаги толни турараб мархьи,
Тарабиц, бахларай, нисул кьалгьаби?
Лочцоаги толни гьунани бусен,
Тарабиц бахларай йижараб авал?¹⁹

Вся свадьба с музыкой — дорожным танцевальным мотивом (*нухлал бакъан*) выходила навстречу невесте. Девушки со стороны невесты сливались в вихре танца сразу же по прибытии, на площадке сменялись десятки танцующих пар, *чавусы* и другие

¹⁷ Вот мы пришли, невесту привезли. В серебряных чайниках у нас — сахар, а в фарфоровых чашках — мед. Вы сами останетесь или мы тоже к вам прибавимся?

¹⁸ Приведите поближе нашу невесту божественную. Если она с нами характером сойдется, как Умал Баху, ей почет окажем, а если нет — обратно домой с вещами отправим.

¹⁹ Овцы оставляют отработанный пастбище, и ты оставила отцовскую крепость, сокол, выросши, покидает свое гнездо, покинула и ты, невеста, родимый уголок.

службы теряли контроль за порядком, каждый из мужчин из рода жениха старался станцевать с девушками, прибывшими вместе с невестой, «охотилсь» за *суйдуном*: крыши соседних домов ломились от множества людей...

С большими «пренятствиями» невеста доходила до порога *бахларалъул рукъ* (комната невесты). В некоторых аулах невесту мужчины (брат, двоюродный брат жениха) носили на руках до порога отведенной ей комнаты, опускали ее на пол, на постеленную перед входом баранью или козлющую шкуру. Тут являлся отец жениха и называл скот (теленка, корову), который он дарит ей, делал новую родовую метну на ушах (знак образования и благословения новой семьи), а кровью метил точки на щеках невестки, после чего она переступала порог. Медом не всегда ее угощали сразу. Для невесты отводили угол комнаты, обычно расположенный у окна в сторону свадьбы, угол отделяли от остальной части комнаты занавесом (*шаршав, керхла*). Невеста оставалась еще закрытой.

Тем временем заносили вещи. «Мать» и другие женщины и девушки с обеих сторон постоянно находились в комнате, обставляли и готовили *бахларалъул рукъ*. Каждая из них могла приподнять *керхла* (покрывало) невесты и посмотреть, во что она одета и как выглядит. Традиционная одежда невесты: белый шелковый платок-покрывало с длинной бахромой (интересно отметить, что в Хубаре, Алмаке, Инче невеста попарно привязывала нитки бахромы друг к другу или сплетала их по три); чохто из черного шелка, доходящее ниже пояса и закрывающее область волос на лбу манжетом с украшениями из серебряных монет на лобовом красном канте; длинное до пола платье из белого шелка с закрытым воротником, широкими, длинными рукавами и манжетами на конце.

Создавая уют для молодоженов, девушки и женщины пели песни, восхваляющие невесту и жениха, сатирико-юмористические частушки, шутили. В Зубутлях, Хубаре, Гертме, например, девушки со стороны невесты пели:

Вай нижер бахларай, нижер бахларай,
Годекан къотичей, къулга бихичей.
Вай нижер бахларай, нижер бахларай,
Гордида гурони черхги бихичей.

Вай нижер бахларай, нижер бахларай,
Чохтанда гурони гьалги бихичей.
Вай нижер бахларай, нижер бахларай,
Кверал меседилай, килшал гларцулай.

Вай нижер бахларай, нижер бахларай,
Руккешги гьитиннай, кунги теренай.

Вай нижер бахларай, нижер бахларай,
Къватул хабаралъухъ гин глармуларей²⁰.

Аналогичного традиционно восхваляющего содержания песни пели и девушки со стороны жениха (Буртунай, Гуни):

Вай нижер бахларав, нижер бахларав,
Росу данде къалев гларцул къадира.
Нижер бахларавги бахларавдаха,
Нихьалидуль гурав, гларцуль хьихьарав.

Вай нижер бахларав, нижер бахларав,
Лочпол бусадаса босараб хоно.
Нижер бахларавги бахларавдаха,
Махх къотилеб чарап, чи холеб загьру²¹.

Паряду с такими восхвалениями в адрес невесты и жениха девушки с обеих сторон пели сатирико-юмористические песни-частушки, в которых условно противопоставляли их достоинства. Фрагменты таких песен записаны почти в каждом ауле. Они всегда имели форму диалога, перебранки между девушками со стороны жениха и со стороны невесты, сопровождалась возбужденным интересом собравшихся:

Вай нужер бахларав, нужер бахларав,
Чохлол буругалъул маху гланиав,
Нижер бахларавги бахларавдаха,
Тукаби гвангъулеб горменду гладай.

Вай нужер бахларай, нужер бахларай,
Цо гланил тиз буго ноцго гланиав,
Нижер бахларавги бахларавдаха,
Борхатаб къуруль галхул чан гладав.

Вай нужер бахларав, нужер бахларав,
Хлатикъ бакъ тухъулеб нихьва гланиав,
Нижер бахларавги бахларавдаха,
Зодисан шурулеб шагьри моц гладай.

Вай нужер бахларай, нужер бахларай,
Цудал мали буго гарацго гьечлеб,
Нижер бахларавги бахларавдаха,
Къурун михьал тьурав къипалъул вас.

²⁰ Наша невеста ни разу не пересекала *годекан*, ее тело, кроме ее платья, никто не видел, ее косы, кроме чохто, никто не видел, у нее золотые руки и серебряные пальцы, маленькая ногка и тонкие нитки, она глуха к уличным свисткам. В конце статьи мы прилагаем запись мелодии песни.

²¹ Наш жених вырос в серебряной кольчуге, весь аул он может сжимать в кольцо. Он — из гнезда сокола добытое яйцо, булат, режущий железо, яд для врагов

— Вай пужер бахIарав, нужер бахIарав.
ХIамил кIартил буго гали босиго.
Нижер бахIарайги бахIарайдаха,
Рахьдал хьорнибе хIава гIадиной.

— Вай нужер бахIарай, нужер бахIарай,
КьулгIадухъ кьвакьвалеб шурункьверкъ гIадай.
Нижер бахIаравги бахIаравдаха,
Росуго бахIлав мусудузул вас²².

Под вечер, к выходу невесты в круг на танец (кульминация всей свадьбы), собирался весь аул. Барабан специально грели на огне для особого звучания. Вступительными ударами в барабан без сопровождения музыки возвещали момент выхода невесты. *Чавус* (или другой авторитетный мужчина из тухума жениха) выводил из комнаты невесту, с ее вступлением в круг начинала играть музыка. Сопровождающий мужчина водил невесту по кругу, клал на ее голову деньги, что делали и остальные. Тем временем танцоры сменяли друг друга. Тут же находилась «мать» невесты, которая собирала деньги, ей помогали другие. Кидание денег на голову невесты считалось проявлением уважения всего тухума жениха к родителям невесты: они шли в их дом. Традиционно считалось, что невеста выходит в круг на танец один раз, что в настоящее время редко соблюдается. Жених вообще не присутствовал на своей свадьбе, все время он находился в кругу своих друзей, у кого-либо из родственников, где они своеобразно веселились, место пребывания жениха держали в тайне. Его и компанию обслуживал специальный человек — *бахIарасул хIама* (слуга). Эти традиции потеряли свою основу.

По окончании свадьбы ночью друзья жениха, предварительно разведав обстановку, приводили его к невесте. Вместе с девушками они устраивали различные игры, иносказательную переделку. Вот какой диалог между парнями и девушками мы записали в Инче:

— Что вы за люди, откуда вы пришли? Как вы сюда попали, через дверь заходили или через окно? Что это у вас в углу?

— Мы заблудились, дверей в этом доме мы не нашли, пришлось через окно залезть. Мы пришли издалека, устали и проголодались, как волки. А в углу у нас мешок с овечьими шкурами. А вы кто такие?

²² *Девушки со стороны невесты о женихе*: Ваш жених хрупкий, словно козль поворожденного козленка, как метла, подметающая пол под ногами, словно осленок, еле перебирает ноги.

Девушки со стороны жениха о женихе: Наш жених, как тур в высоких горах, он из благородного рода, недаром завидует ему весь аул.

Девушки со стороны жениха о невесте: Ваша невеста, как липовая палка без сучков, деревянная лестница без узелков, она словно жаба, квакающая в болоте.

Девушки со стороны невесты о невесте: Наша невеста, как горменду, от нее «сняет» магазин, она, как плывущая по небу луна, пава из молочного озера.

— Мы купцы — путешественники из далеких земель и различных краев. Сегодня седьмая неделя, как мы в пути. Мы очень устали, ищем место для ночлега.

— Чего вы покупаете, продаете?

— Мы золото на серебро обмениваем. Покупаем и овечьи шкурки.

В этих играх непременно побеждали юноши. Победенных «выгоняли» из комнаты, они стремились забрать с собой и невесту, но за большой выкуп ее оставляли, при этом мужчины уверяли уходящих женщин, что ни один волос с остающейся в их распоряжении невесты не упадет. Уходящие женщины делали вид, что они по одному считают волосы на голове невесты, чтобы потом не обманулись. Перед уходом женщины прощались с невестой со словами:

Бахьун хьабалугун хьулухьги гьабе,
Хьирни Паша гIадав дурго росае!
Савру-машмакьзада гIадеги яхун
ГIадчIун хьулухъ гьабе михьал чIахIае!²³

В комнате повобрачных (кроме жениха и невесты) оставалась «мать» невесты, которая угощала их урбечом, разведенным в масле и меде, с свежеспеченными пшеничными лепешками (блюдо невесты и жениха), приговаривая всякие слова пожеланий (Буртунай): «*ГьоцIоги нахгигIан гIамал рекьаги, цоцазе гьугин-льун гIумру тIамайги*» (Словно масло и мед пусть сольется характер, пусть друг другу сладка будет ваша жизнь). «Мать» невесты стелила молодоженам постель, пожелав им счастливой жизни, выносила «блюдо невесты и жениха» и угощала других.

В доме родителей жениха из посторонних оставалась «мать» невесты. На рассвете следующего дня она будила молодых, после увода жениха друзьями на речку купаться, заходила к невесте, собирала супружескую постель, прибирала в комнате, купала невесту, стирала белье. Под подушкой находила она подарки (деньги, отрез, кольцо и т. д.). Дальнейшие ее обязанности ограничивались тем, что сообщала матери жениха о невинности невесты (в противном случае ее еще до рассвета выгоняли из дому), то же она сообщала и родителям (матери) невесты. Всенародной демонстрацией невинности невесты посредством платка или простыни, имеющей место у других, у салатавских аварцев не зафиксировано.

Послесвадебные ритуалы в настоящее время до того упрощены и потеряли всякий смысл, что они сводятся к приглашению повобрачных в дом родителей жениха вместе с родственниками невесты и ответному визиту в дом родителей невесты. Тем не менее в старину послесвадебные ритуалы носили обязательный характер и были полны своего смысла.

²³ Сняв покрывало с головы, услуги своему мужу, подобному Кирин-Паше, сняв обувь и наступив на ковры, особо ухаживая за усачом.

Рано утром после брачной ночи друзья жениха уводили его на речку, *кзулга* (общественный бассейн) купаться, брали с собой музыкантов, еду. Целый день проводили в состязаниях: борьба, скачки, *лапч рехи* (бросание камней) и т. д. В Алмаке молодежь приносила с собой заново украшенный яствами и вещами *гарас*. На конце длинного шеста закрепляли яйцо и, установив его, соревновались в стрельбе. День завершался весельем в доме победителя в скачках или другого вида спортивных соревнований.

Невеста в дневное время три дня не снимала с себя *керпла* (покрывало), в течение месяца не разговаривала с мужчинами, кроме как с мужем, не появлялась на людях, не выходила на улицу. Все это время к ней приходили родственники, друзья жениха, «снимали бохша», пытались силой заставить невесту заговорить с ними, подшучивали над ней. По истечении месяца невесту готовили к первому выходу за водой, придирчиво одевали ее в кругу родственников жениха, снох, приводили к роднику. В тот же день молодых приглашали к себе родители мужа, одаривали их тем, в чем они нуждались, то же после делали и родители невесты, остальные родственники. Как правило, мать невесты дарила им люльку. Постепенно приобщали ее к домашней и хозяйственной работе. Рождение первенца-сына отмечали обильными угощениями аульчан.

Таким образом, свадьба у салатавских аварцев в этнографическом отношении представляет единый комплекс организованного общественно-семейного мероприятия, требующего сочетания традиционных и современных народных обычаев, сопровождающихся специальными ритуальными действиями, танцами, песнями, шутками. Анализ всех составных частей свадьбы показал, что, помимо общедагестанского стереотипа, салатавская свадьба включает в себе специфические особенности, локализованные на данной территории и отражающие традиции духовной культуры и социального уклада жизни народа.

Свадьба, как мы отметили выше, представляет значительный интерес и с точки зрения фольклористики. Песни традиционной свадьбы, выработанные за многие века многообразием этнотерриториальных проявлений, сконцентрировали в себе богатое духовное наследие, что ставит их в один ряд с уникальными художественно-культурными ценностями, выступающая неотъемлемой составной частью современной духовной культуры.

Вот ни - жер да - хла - раи

ни - жер да - хла - раи

ге - ге - глан кбо - тли - глеи

кчи - гла би - хби - глеи Вот ни - жер да - хла - раи

ни - жер да - хла - раи

гор - га - га гу - ро - мч

тер - ги би - хби - глеи

Мелодия записана М.Коркмасовой.

Г. А. ГАДЖИЕВ

СОВРЕМЕННАЯ СВАДЬБА ЧАМАЛАЛОВ

Чамалальская свадьба до сих пор не была объектом специального исследования¹. Некоторые обзорные сведения о свадебных обрядах и обычаях мы находим в отдельных фундаментальных исследованиях, посвященных всем народам Дагестана².

Современная чамалальская свадьба — это богатое символическими действиями, обрядами, ритуалами общественное торжество, в котором участвуют почти все сельчане — «непосредственная социальная микросреда человека, которая осуществляет впоследствии социальный контроль за прочностью брака»³. Такое положение сложилось в результате установления тесных повседневных контактов горцев внутри селения, их традиционно сложившейся сплоченности перед всякими невзгодами (стихийные бедствия и т. д.), необходимости отстаивать свою независимость от нашествий и т. д., а в дальнейшем — укрепления коллективного хозяйства, где на производственной основе между сельчанами установились особые добрые отношения, вытекающие из общих задач, решаемых всем хозяйством в целом. Общественная санкция о браке у чамалалов выступает в моральных, правовых и религиозных нормах, как повсеместно в стране⁴, ибо не только близкие родственники заинтересованы в прочности брака, но и целиком сельское общество.

В прошлом чамалалы знали две формы заключения брака: сговор и похищение (умыканье). В современных условиях у чамалалов

¹ Статья написана целиком на полевом материале, собранном автором в 1986—1987 гг. для выполнения планов научно-исследовательских работ Института ИЯЛ по теме «Малые народы». Чамалалы — малый народ андийской языковой группы, в наши дни консолидировавшийся с аварцами, хотя в последнее время высказано предположение, что об этом говорить еще рано (История СССР. 1987. № 6). Чамалалы проживают в 29 селениях (и хуторах) ДАССР (Цумадинский район) и в 8 селениях (включая хутора) ЧИАССР (Советский район). Численность их в 1985 г. составляла 7033 человека, в том числе 2075 — в ЧИАССР, 4958 — в ДАССР. Данные вычислены автором на основе материалов Отдела по статистике Цумадинского района и Кенхинского сельского совета народных депутатов Советского района ЧИАССР.

² Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX века. М., 1985.

³ Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978. С. 77.

⁴ Харчев А. Быт и семья как категории исторического материализма // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970. С. 13.

лалов бывают браки после сговора сватовством (*хаде* — досл. «прощение»), иногда и «убегом» (*йахатлв йицлве*), называемым еще «ложным» или «мнимым» похищением⁵. Наиболее распространенной формой брака у чамалалов в настоящее время является брак по сватовству (*хаде*) после сговора. Как и прежде, предпочитают чамалалы ортокузенные и кросскузенные⁶ браки. Вместе с тем, у чамалалов весьма распространены браки между не родственниками (сельчанами), а также в каком-то малом количестве и с представителями других национальностей.

Брачный возраст у чамалалов — 22 года для мужчин и 19 лет для женщин. Бывают отклонения, т. е. могут быть и поздние браки в тех случаях, когда молодые заняты учебой, и ранние браки, когда диктуется необходимость иметь рабочие руки в хозяйстве из-за преклонного возраста родителей юноши.

Инициатива о сватовстве и женитьбе в наши дни в подавляющем большинстве случаев исходит от юноши или его родителей. Это связано с народным обычаем, предусматривающим девушкам не высказывать своих чувств открыто, а их родителям — не проявлять инициативы и особой радости по случаю замужества дочери. Но сейчас при женитьбе и выдаче замуж своих совершеннолетних детей родители обязательно спрашивают их согласие. В самое последнее время участились случаи, когда инициаторами сватовства и свадеб выступают сами брачащиеся, что свидетельствует о материальной независимости молодых от своих родителей и повышении культурного уровня народа в целом. Причем и в том случае, когда инициатива свадьбы исходит от родителей, старших близких родственников, брачащиеся принимают активное участие в обсуждении не только вопроса выбора невесты (жениха), но и предстоящей свадьбы в целом (ее сценария, лиц, приглашаемых на свадьбу, распределения обязанностей на торжествах и т. д.). Их желание обязательно учитывается старшими при проведении свадьбы.

Обязательным условием свадьбы сейчас является знание молодыми друг друга. Поэтому браки заключаются по взаимной любви, в крайнем случае по взаимным симпатиям, хотя «любящие друг друга (в условиях Дагестана — Г. Г.) стараются не проявить своего чувства при людях»⁷. Не одобряется открытое ухаживание.

У чамалалов сохраняется, как прежде, стремление родителей юноши выбрать невесту, которая, на их взгляд, могла бы продолжить их род, т. е. дала бы хорошее потомство, и была хорошей работницей. Немалое значение отводится также внешнему виду девушки, образованию (хотя должен подчеркнуть, что у чамалалов, как и у других народов Дагестана, негласно с обеих сторон

учитываются социальная и профессиональная принадлежность и направленность интересов молодых, образовательный уровень брачащихся). При этом наблюдается стремление выбрать супругу жизни соответствующего себе образовательного уровня, духовного развития, чтобы совпадали взгляды, вкусы, интересы и т. д.

Преобладающим мерилом оценки невесты в наши дни у чамалалов является красота, здоровье, ее умение справляться с домашними делами, вежливость, обходительность и безупречная репутация как самой невесты, так и ее родителей. Кроме того, как и в старые времена, обращают какое-то внимание на то, не было ли среди предков больных наследственными болезнями. Преобладающим мерилом оценки мужчины также являются указанные признаки. Помимо этого, здесь еще учитывается способность содержать семью — трудоспособность, образование, мужество и т. д.

Сейчас в сельской местности чамалаловская свадьба проходит по традиционному сценарию последовательно в три этапа, представляющие собой сложный и яркий ритуал, насыщенный эмоционально-театрализованными действиями, где отжившие магические действия, потеряв первоначальный смысл превратились в простые символы и приметы. Это предсвадебные обычаи, непосредственно сама свадьба и послесвадебные обычаи и обряды.

Самым изначальным этапом заключения брака является сговор (*йице*, или *йацлар* — досл. «выбранная»). Сперва самые близкие родственники юноши узнают намерения родственников девушки, желают ли они вступить в близкие родственные отношения с родителями юноши и — обязательно — согласна ли девушка на брак. При положительном отношении к такому браку девушки и ее родители, к ним в дом наносят визит родственники юноши. Первые два раза при посещениях родственников молодого человека положительный ответ они не получают. Обычаем предусматривается дать завуалированный положительный ответ, если такой брак они одобряют, после неоднократных посещений родственников юноши. Ссылки при этом родители девушки делают на то, что их «дочке еще рано о замужестве думать», что «она пока мала, несовершеннолетняя», хотя ей давно минуло уже 20 лет. Ссылаются еще на то, что «ей необходимо учиться» (что является явным поздним, порожденным в наши дни), говорят еще, что «она у родителей одна, на ней держится хозяйство дома» и родителям «без нее будет трудно» и т. д. После получения от родителей девушки положительного ответа к ним в дом наносит визит мать или отец юноши. Здесь родители обоих приходят к взаимному соглашению и родители юноши дарят невесте платок, кольцо. Это считалось сватовством (*хаде*).

После сватовства невеста со своими подружками начинает готовить свадебные мелкие подарки родственникам жениха и для гостей, приходящих на свадьбу поздравлять ее с этим событием. В это же время и родители молодых готовятся к предстоящей свадьбе: родители жениха покупают драгоценности-подарки невесте, платье, подарки родственникам невесты, а родители невесты

⁵ Об этих формах заключения брака у дагестанцев см.: Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967. С. 26—27.

⁶ В интерпретации этих форм брака в этнографической литературе нет единого мнения. (См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 13. С. 558; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 57).

⁷ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 433.

приобретают приданое: шкаф, диван, кровать. Но более значительные свадебные подарки, как и все подарки на свадьбе, каждая чамалальская семья, где есть дети, начинает готовить гораздо раньше свадебного дня. Они накапливаются на несколько лет подряд. Особенно к этому готовится каждая чамалальская мать, у которой имеется дочь.

Предварительно получив согласие родителей девушки, через некоторое время, в назначенный день, в дом к невесте идет сестра или другая самая близкая родственница жениха. Она надевает на палец невесты обручальное кольцо и серьги в уши. Эта процедура называется шулагъла (*шула игъла, шулагъйла* — досл. «закрепить»). Срок от сватовства до свадьбы не длится долго, как в прошлом, все это проходит в течение считанных недель или в крайнем случае в течение одного месяца. Это говорит, с одной стороны, о резком улучшении материальных условий горцев, а с другой стороны, о традиционном отсутствии калымных выплат, или стандартов «большого» приданого.

После этого в дом невесты (*багъаре*) в договоренный день под вечер, который устанавливается через самого близкого родственника, идут три близких родственника жениха. Обычай посещать в прошлом невесту под вечер у чамалалов породил поговорку «Ночь ищет бедного». Это является результатом бедности народа в прошлом, ибо это делалось, чтобы не видели сельчане незначительные подарки бедных женихов своим невестам и не высмеяли их злые языки. Здесь, вероятно, сказалась также боязнь сглаза (*гъачла муне*), широко распространенная по всему Дагестану.

Сейчас, как и в прошлом, они приводят барана, на рога привязывают платок или другую дорогую матерью на платье, три пары платьев для невесты. В доме невесты к этому посещению готовится специально. Для этого заранее режут барана и готовят в большом котле еду. Сюда приглашаются все их родственники. Пришедших угощают халвой (*бакъукъа*), кусками вареного мяса, хлебом. Кроме того, родители невесты дают пришедшим небольшие подарки (носовые платки, шерстяные носки, головные платки), а для родителей жениха через них передают рубашку или отрез на платье. В следующую ночь или в другую назначенную ночь родители невесты приглашают жениха (*багъаро*) к себе домой. Он идет туда вечером вместе с друзьями и берет с собой подарок для невесты — материал для платья. Пришедших также угощают халвой, хлебом, мясом, для чего режут барана. Жениху здесь дарят кисет, платок, вышитый невестой, его друзьям дают платки.

Во время этого посещения собравшиеся женщины-родственницы и подружки невесты тайком привязывают тряпки, веревки к одежде пришедших, они задают пришедшим загадки, изображают их в качестве шутов, дразнят жениха и его друзей. С этого времени дорога жениху в дом невесты считается открытой.

Накануне свадьбы молодые (жених и невеста), сопровождаемые близкими родственниками (парни и девушки), идут в сельский Совет народных депутатов и здесь, в присутствии свидетелей про-

водится гражданская регистрация брака. Регистрацию осуществляют иногда после свадьбы или на самой свадьбе, очень редко даже после рождения первого ребенка. Перед самой свадьбой родственники жениха приглашают родню невесты к себе. Приходят, по приглашению, человек 15—20 — только мужчины. Им здесь организуется специальное угощение. С этим актом начинается второй этап свадебной церемонии — сама свадьба, являющаяся центральным моментом свадебного обряда.

Время свадьбы у чамалалов сейчас приурочено к осени и сокращено до двух дней. Раньше свадьба проходила в течение 6—7 дней летом и наносила огромный ущерб горцам в сезоны полевых работ, утверждали наши информаторы.

Наиболее употребительным выражением у чамалалов является берти игъла или шикве игъла — «делать свадьбу». Слово шикве означает «кушанье», «процесс кушанья», «вечеринка», а слово берти — «свадьба». Это говорит о том, что на первом месте в торжествах стоит веселье, сопровождаемое кушаньем, возможно придаваемым паселенням ритуального значения. У гигатлишцев свадьба называется нусахар, образованное от аварского слова нус («сноха»), хар — «окружить», «ходить вокруг». Слово это, как утверждают информаторы, не чамалальское. Оно заимствовано, как полагают старожилы-гигатлишцы, у субэтносос, смешавшихся в прошлом с чамалалами.

В назначенный день начинается сама свадьба, проходящая более торжественно в доме жениха. В это время, по народному обычаю, тайно от окружающих, совершается магар (шариатский акт бракосочетания). При этом присутствуют два свидетеля от жениха и невесты и мулла. Хотя в наше время перестали руководствоваться соображениями избежать порчи жениха путем магических манипуляций со стороны недоброжелателей в этот момент, обычай заключения магара соблюдается тайно по традиции, скорее стремлением не обижать родственников старшего поколения, приверженных в свадебной обрядности традиционным обычаям.

Вслед за этим из дома жениха, где проходит торжество, за невестой отправляются человек 25—30 женщин и ровесники жениха во главе с уважаемыми людьми среднего и старшего поколения родственников жениха. Они, сопровождаемые музыкой, танцами, песнями, на подносах носят платье для невесты и блинчики (*урба*). По прибытии в дом невесты во дворе организуются танцы с приглашением представителей невесты. Здесь молодежь со стороны жениха демонстрирует удалство, вроде бы показывая: вот мол мы какие, за такого берем девушку! При попытке войти в дом невесты путь преграждает молодежь; после получения выкупа она пропускает пришедших в дом. Организуется свадебная трапеза отдельно для мужчин и для женщин. Еда приготовлена на приглашенное количество людей. На столах расставлены не только национальные свадебные блюда (вареное мясо, бульон), но и блюда, раньше неизвестные чамалалам (салаты, голубцы,

винегрет и т. д.), что свидетельствует об интернационализации свадебной трапезы. Главенствуют здесь два человека — по одному со стороны жениха и невесты, которые готовы исполнить все желания сидящих, всех пришедших. Поэтому они обычно стоят у дверей, готовые ко всем поручениям. После некоторого времени одна из самых близких родственниц невесты приносит подарки всем присутствующим в виде носовых платков, шерстяных носков, а самым близким родственникам преподносятся рубашки или другие более ценные вещи.

В селении Гигатли во время трапезы в помещение заходит самая близкая родственница невесты, предназначенная сопровождать невесту в дом жениха. Она держит на голове поднос с вареным бараньим курдюком, сладостями и раздает присутствующим эти продукты. В прошлом этот акт символизировал плодovitость и счастливую жизнь молодых, в наши дни он превратился в шуточный момент на свадьбе. Кроме того, во время угощения некоторые посторонние люди, даже родственники жениха, не имевшие права приходить за невестой, через окно или двери протягивают палку представителям жениха со словами: «Накорми ишак!» (*Икана гьамахи*). Палка сама называется «ишак» (*гьамахи*). Сидящие подают хозяевам палки хлеба, куски мяса. Вообще пришедшие за невестой у чамалалов ведут себя раскованно, все их требования беспрекословно выполняются родственниками невесты, находящимися здесь. А родня невесты ведет себя по отношению к пришедшим очень вежливо, учтиво, даже, я бы сказал, у них бывает какой-то извинительный вид перед жениховой родней, они выполняют все капризы пришедших. Причем дальние родственники жениха, пришедшие сюда, требуют от них все, что приходит им на ум, а самые близкие родственники ведут себя сдержанно.

Через некоторое время, после окончания трапезы, все встают и выражая благополучие и счастье молодым и дому этому выходят во двор во главе со старшими. Здесь с новой силой начинаются танцы, играет музыка. Специальные люди с разных сторон, вооружившись ружьями, стреляют в воздух. Если невесту возят в другое селение, то трапеза продолжается допоздна, только утром следующего дня отправляются люди в обратный путь и забирают с собой приданое невесты. Если невесту перевозят в дом, находящийся в дашном селении, приданое невесты перевозят в дом жениха под вечер этого дня. Обычно приданое бывает незначительное: постельные принадлежности, некоторые предметы утвари (кувшин, тазик, кружки и т. д.). На дальние расстояния невесту перевозят на лошади, в последнее время используются, где это возможно, автомашины.

Во дворе родителей невесты перед отправкой в дом жениха самый близкий друг жениха, находящийся в свите представителей жениха, обращаясь к родственникам невесты, преимущественно женщинам, спрашивает, сколько стоит их девушка-невеста. Те в шутку называют определенную цену. А он вытаскивает специально для этой цели прихваченные деньги (сумма обычно бывает

небольшая от 5—10 до 25 рублей) и раздает их присутствующим родственницам невесты. На свадьбе в этот момент присутствует определенное количество людей (что заранее обговаривается), причем на два человека обязательно со стороны юноши должно быть меньше, чем со стороны невесты.

Для чамалальской свадьбы характерна инсценировка насильственного увоза (*кукли им*) невесты — она якобы не желает выйти из дома родителей, представители жениха ее упраснивают. Только после получения разрешения от родителей она с большой «неохотой» покидает дом родителей. Такое явление было характерно для дагестанских свадеб целиком. Объяснение этому можно найти в обычаях дагестанцев, предписывающих женщинам, выходящим замуж, не показывать своего положительного отношения к браку, проявлять излишнюю, может быть, характерную для дагестанок скромность, стыдливость и т. д. На этом основана также инсценировка плача в момент выхода невесты из родительского дома и т. д.

С получением разрешения сопровождаемую двумя женщинами — близкими родственницами по матери и по отцу невесту выводят из дома под руки, одетую в нарядное платье с закрытым лицом. Ее окружают все женщины, и в это время несколько девушек — ровесницы невесты и самые близкие родственницы ее, одетые в нарядные платья, как невеста, закрывают лица, и одна женщина, показывая на девушек дружку жениха, спрашивает его, кто из них невеста настоящая. Если тот угадывал, то выкуп не полагался, а если не мог угадать, то он должен за определенный выкуп узнать от них, кто из девушек невеста. Обычно со стороны невесты бывает подкупленная девушка, которая глазами и различными знаками указывает на невесту. После этого пришедшие из дома жениха и вся процессия отправляются в обратный путь в дом жениха. В это время непрерывно играет музыка, стреляют из ружей⁸ и поют песни, выражающие скорбные чувства невесты, восхваляющие невесту, покидающую родительский очаг и идущую на новое местожительство с неизвестной предстоящей жизнью. Наиболее популярными и звучащими на современной чамалальской свадьбе песнями являются аварские народные песни, особенно песни на слова Махмуда из Кахаб-росо на народную музыку.

Невесту перевозят, если дом жениха находится далеко, на коне, причем бедные слои населения в прошлом старались это сделать с наступлением темноты, чтобы бедное приданое не стало похищенным для сельчан, хотя, по их традиционным представлениям, с наступлением темноты оживлялась деятельность злых сил, «способных» нанести вред людям. Здесь боязнь выменвания была сильнее, чем боязнь злых сил⁹. Состоятельные горцы переводили

⁸ Такой обычай характерен многим народам Северного Кавказа. *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 65.

⁹ Невесту перевозили с наступлением сумерек многие народы Дагестана. *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX века. С. 227.

невесту к жениху днем, хвастаясь своим богатым нарядом и приданым. По дороге обратно сельская молодежь преграждает дорогу свадебному шествию, требуя откуп. Ее желание удовлетворяется специальными людьми, идущими со свитой для этой цели. Она получает водку (иногда несколько бутылок), вареное мясо, хлеб, сыр и т. д. Правилами предусмотрено отдавать каждый раз 6 кусков мяса и 3 чурека. Получившие откуп обязаны обеспечить свадебному шествию беспрепятственное движение в пределах данного квартала. Этот обычай придает чамалальской свадьбе эмоциональную насыщенность и колоритность.

В отдельных чамалальских селениях (Цидатли, Гигих) не только в пути, но и во дворе родителей невесты на мужчин из свиты жениховой родни кидаются незамужние женщины с самодельными деревянными ножами и рвут их одежду, снимают с них шапки, уносят с собой и не отдают, пока не получают выкупа. Мужчины не должны сопротивляться им. Рассказывали, что иногда мужчины, шедшие за невестой, возвращались в прошлом в разорванной одежде. Обычай этот имеет древние корни и говорит о противоборстве полов. Это, вероятно, реликт весьма древнего брачного церемониала, когда мужчины рассматривались противоположной стороной и с ними символически боролись, видя в них причину разлуки со своей подругой, родственницей. Нечто подобное мы видим и в свадебной обрядности народов Южного Дагестана, где пришедших за невестой называют «врагами».

Сопровождающие невесту люди специально следят за вещами невесты, ибо существует обычай красть их и не отдавать, пока не получат большой выкуп — платок, отрез на платье и т. д. В этот момент любой представитель стороны невесты или нейтральный человек может унести шапку у мужчин, сопровождающих невесту. Шапку можно взять обратно, отдав уносившему хлеб, мясо, сыр, масло, спиртное и т. д. Следует отметить, что здесь более свободно себя ведет женская часть близких и родственников невесты, а мужская часть в этих играх не участвует.

Когда свадебное шествие приближается к дому жениха, один из близких родственников первым прибегает или на коне скачет и сообщает о приближении свадебного поезда родителям жениха. За это известие он получает из рук матери жениха или заменяющей ее родственницы (в случае отсутствия у жениха матери) в подарок платок. Вслед за этим желающие иметь подарки от невесты при ее приближении к дому жениха подходят к ней и каждый получает из ее рук подарок. Получившие подарок приглашают родителей жениха выйти из дома и встречать невесту. Для ее встречи родители стелят у ног невесты с внутренней стороны порога ковер, палас, и невеста ступает на них правой ногой, чтобы жизнь ее здесь была в достатке и счастливой. Это в прошлом означало, что невеста принята в новом доме как полноценный член семьи и приобщена к домашним делам в новом качестве. Вслед за этим свекровь (если жених не имеет мать, то самая близкая родственница — ровесница матери) и сестра жениха приносят

блюдец с медом или шербетом (с. В. Гаквари), мажет губы невесты медом и при этом произносит: «Чтобы жизнь была радостной, сама плодovitой, чтобы было много сыновей, чтобы они прожили вместе пока 3 зуба сами себе не упадут в кашу, чтобы была покорна мужу» (*Гирми талихчланис бисамекья бегъв вагъе бахналлаб бисамекья, элахатлус лъалъада салв тутналли йикъаллаб йисамекья гьекласвалъа мулунле йиклабекья*). В сел. Гигатли это выражение звучит несколько иначе (*Важудун ила йилъилагъубун йисаликья, бегъу воши бахиналъубин йисаликья, нагъалъу 3 гъину суби риклуло, белуналъуби бисамикья*). Традиционным пожеланием невесте в этот момент было также «Чтобы выиграла в хозяйстве, а проиграла мужу» (*Мачлишатилан йикабекья гьекласучло йигъамекья*). Кстати, это пожелание произносит в наши дни каждый пришедший поздравить со свадьбой. Потом невесту подводят к домашнему очагу, для чего ее специально сперва ведут в комнату, где есть домашний главный очаг семейства. Это, вероятно, свидетельствовало в прошлом о начале покровительства домашнего очага и над этим членом семьи, чтобы благосклонно к ней относились добрые ангелы, обитающие около очага дома.

В чамалальской свадьбе жених и невеста принимают активное участие в торжествах в отличие от некоторых народов Дагестана, у которых молодые скрываются от окружающих. В самый разгар веселья во дворе жениха жених и невеста выходят в круг и начинают танцевать, присутствующие стреляют и все кричат «ура-а-а!!!», одновременно одаривая невесту деньгами, остающимися у нее. После этого танца жених уходит с друзьями веселиться в какой-нибудь дом родственника или здесь же в своем доме уединяется с друзьями, а невеста остается танцевать, каждый, кто ее приглашает на танец, одаривает ее деньгами. Нужно отметить как пример для подражания, что у чамалалов не бывает на свадьбе нарушений норм приличия. Если случайно кто-либо будет вести себя развязно, то его привязывают к столбу или закрывают дома и пока не кончится веселье, не выпускают никуда.

К полуночи веселье прекращается. Жених, сопровождаемый своими ближайшими друзьями, заходит в помещение, где находится оставленная наедине невеста. По традиционному обычаю жених должен овладеть невестой силой, поэтому между молодыми в первую брачную ночь идет борьба. Жених должен показать свое превосходство. Если он не смог ею овладеть или брачный акт не получился по каким-либо причинам, то дружки жениха ставят каток вертикально с угла плоской крыши его дома и всему селению становится известно о происшедшем. Обычно невеста подлаивалась жениху, чтобы над ее мужем не посмеивались дружки. Когда брачный акт закончен, жених выносит своим дружкам, ожидающим его у дверей, специальное блюдо с халвой (*бакжукъа*).

После свадьбы начинается третий этап свадебного церемониала, заключающийся в том, что через неделю жених приглашает

к себе домой своих родственников, устраивает им угощение. Он же в этот день режет барана, тушу его варят на общественном месте (годекан, лье). Здесь начинается потасовка между молодыми мужчинами за овладение тушей барана. Кому достанется туша, идет к себе домой с друзьями и веселится с ними целый день.

После свадьбы через некоторое время (обычно неделю) невесту водят первый раз за водой на родник. Ее сопровождают самые близкие родственницы молодого мужа (сестра, жена старшего брата, молодежь). В этот момент она мажет свои щеки салом, а одна из родственниц держит над головой поднос со сладостями. Сопровождаемые музыкой, песнями, танцами, раздавая всем встречающимся сладости, они, прибыв на родник, устраивают танцы. Потом самый близкий родственник жениха (обычно брат) наполняет кувшин невесты водой (с Ричаганих, Цумада) или она сама наполняет водой кувшины всех женщин, находящихся в ее свите (с. Нижнее Гаквари, Гадири, Гигатли и др.). Таким же путем они возвращаются домой, и веселье здесь продолжается до поздней ночи. С этого момента невеста полностью включается в домашнее хозяйство. В отдельных чамалальских селениях (Ричаганих, Цумада) по истечении недели после замужества она с мужем паносит визит своим родителям. Там ей в это время родители делают подарок (корова, участок пахотной земли и т. д.). Здесь же свекровь, сопровождающая молодых, объявляет имущество, переходящее невесте.

Выделив определенное количество домашнего имущества, продуктов питания, указав жилье, где они должны жить (чамалалы молодых отделяют сразу же после свадьбы: если нет жилья, то свадьбу не справляют), родители отделяют своих семейных сыновей. В дальнейшем родители продолжают время от времени оказывать молодой семье посильную материальную помощь (они всегда несут моральную ответственность за благополучие молодой семьи), однако молодые считаются уже отдельной семьей и родители теперь обеспокоены тем, как устроить самостоятельную жизнь следующего сына. В редких случаях, когда родители уже нетрудоспособны и остальные члены семьи (братья, сестры) маленькие, женатый сын остается жить с родителями до их совершеннолетия.

Краткое описание современной свадьбы у чамалалов показывает, что она сохраняет в себе много традиционного, как повсеместно в сельской местности в нашей стране. Отметим, что свадебными приношениями до последнего времени были продукты и разные подарки, а в самое последнее время их заменили деньги, являющиеся актом доброй воли каждого приходящего на свадьбу, расцениваемое чамалалами как положительный обычай взаимопомощи.

В заключение нужно отметить, что в общем семья, создающаяся у чамалалов в наше время, весьма прочная. Случаи, когда неудачно складываются семейные отношения, когда они приводят к разладу, очень редки.

Сохранив в основном традиционный сценарий, современная свадьба чамалалов вместе с тем впитала в себя много нового, порожденного социалистической действительностью. Она осталась радостным и значительным событием в жизни молодых будущих супругов. Свадьба оформляется красиво и изящно, броско и весело. Она играет, как хорошо отрепетированный праздничный спектакль, в ней концентрируется опыт народа, опыт бытовой, нравственный, духовный.

М. А. ДИБИРОВ

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ В СОВРЕМЕННОЙ ГИДАТЛИНСКОЙ СВАДЬБЕ

За годы Советской власти в жизни народов Дагестана произошли коренные социально-экономические и культурно-бытовые преобразования, которые коснулись и дагестанской свадьбы. Не является исключением и свадьба гидатлинцев. Современная гидатлинская свадьба представляет собой, главным образом, традиционный сценарий, который подвергся некоторому упрощению.

Гидатлинская свадьба (как традиционная, так и современная) не стала еще предметом специального исследования, хотя этнографы не раз указывали на ее своеобразие¹. Такая работа несомненно представляется актуальной. Дело в том, что гидатлинская свадьба представляет для этнографа значительный интерес своим неповторимым местным колоритом, оригинальностью, уникальностью форм отдельных обрядов, локальным своеобразием их особенностями развития и т. д.

Тем не менее мы не пошли на то, чтобы осветить и проанализировать в настоящей статье вопросы современной свадебной обрядности гидатлинцев в целом. Полноценное решение такой задачи оказалось практически невозможным из-за ограниченного объема данной статьи в рамках одного коллективного сборника научных статей.

В ходе полевых исследований мы обратили внимание на то, что современной свадьбе гидатлинцев характерна одна особенность — ярко выраженная сохранность традиционных форм, присутствие отдельных обрядовых явлений и обычаев прошлого, которые представляются просто уникальными. Освещение и соответствующий анализ некоторых из них — тема данной статьи.

Однако она не претендует на всестороннее и достаточно глубокое освещение рассматриваемого вопроса. В ней будет сделан акцент на наиболее яркие и редкие явления традиционной свадебной культуры гидатлинцев, которые в несколько упрощенном виде бытуют и в современной их свадьбе.

¹ Чурсин Г. Ф. Этнографический очерк «Авары» // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 63. Л. 57; Никольская Э. А. Свадебные и родильные обряды у аварцев Кавказского района // СЭ. 1946. № 2. С. 194—197; Цадаса Г. Аваты о браке и семье аварцев в XIX—нач. XX в. // Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965. С. 55; Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. М., 1985. С. 250 и др.

Одним из редких, уникальных явлений дагестанской свадебной культуры представляется гидатлинский свадебный обычай переселения (накануне самой свадьбы) жениха в дом его друга-шафера, невесты — в дом ее подруги-попечительницы, а также процедура приглашения молодых и их окружения в дом родителей жениха в первый день свадьбы.

Обычай этот заключался в следующем. За три дня² до начала свадьбы, под предлогом устранения помочи (обманным путем), невесту провожают в дом попечительницы, а жениха приглашают в дом друга-шафера (*бахларасул гьудул*). В течение трех дней в доме друга жениха и в доме попечительницы-подруги невесты идет веселье, где молодые находятся до начала свадьбы. А четвертый день является днем переноса торжества из домов друга и подруги в дом родителей жениха, он и считается первым днем начала свадьбы. В этот день, когда завершились все необходимые приготовления, из отцовского дома виновника торжества посылают специального человека — «гонца», чтобы пригласить жениха с дружкой и всех их товарищей на свадебное торжество. Прибывший в дом шафера с такой миссией должен брать разрешение войти к ним, которое он, как правило, получает, а затем обратиться ко всем и сказать о цели своего прихода. При этом принято говорить, что такой-то (называет имя отца жениха) много лет тому назад потерял своего сына³. Отец и родственники с тех пор ищут его. Сегодня у них большая радость — они узнали, что их сын нашелся и находится у весьма уважаемых людей. Они также знают, что Вы растили и воспитали его, как своего родного сына, для него ничего не пожалели, живет он у Вас в полном достатке, забот не зная, что Вы закалили его характер, привили ему лучшие качества нашего народа, что у него много друзей и т. д. За все то, что Вы сделали для их сына, они хотят Вам объявить свое братство, хотят всех Вас видеть у себя дома. К Вашему приходу они специально приготовились и просят принять их приглашение и со мной вместе прибыть к ним.

При этом «гонцу» задают самые разные вопросы: Откуда родители узнали, что нашелся их сын? Кто сказал, что он находится у нас? Как узнал наш дом, кто указал к нам дорогу? Чем можешь подтвердить, что не обманываешь нас?... Вопросов бывает много, все они и ответы на них в основном носят развлекательный характер. Собравшиеся высказывают опасение, что это приглашение может быть для них «ловушкой». При этом инсценируют его про-

² Случалось, что в прошлом этот срок нередко доходил и до двух недель. При этом семьи близких родственников и друзей жениха устраивали (по одному дню каждая из них) предсвадебное торжество — *сергеч*. В настоящее время имеет место доведение указанного срока и до одного дня.

³ Обстоятельства прощания могут быть самые разные. Их новизна, оригинальность сюжета, юмористическое оформление зависят от находчивости «гонца», от его способности фантазировать и т. д. К данному поручению его нередко и готовят специально — детально рассказывают об этом обычае, советуют, как ему вести себя, какие могут быть заданы вопросы (примерные), как на них ответить и т. п.

верку, в качестве штрафа заставляют пить рог или кружку бузы, браги или стакан водки. Любопытно, что называют данный напиток целебным — *vitIyuvishinab lʒim* («исправляющая вода»). Считается, что он дается для того, чтобы гонец, если он на самом деле служит злым силам и явился заманить их в ловушку, отныне сделался благодаря «целебной воде» честным, справедливым, надежным человеком, перестал служить злу и т. д. До выяснения его личности, цели визита «гонца» не отпускают обратно, держат при себе, при этом ему мажут лицо сажей, чтобы отличить от окружения жениха⁴.

Когда первый «гонец» не вернулся, из отцовского дома жениха посылают второго. Он так же, как и первый, обращается с просьбой принять приглашение родителей и дать им возможность встретиться со своим сыном и его друзьями. Его считают за подосланного недругами человека, устраивают «проверку» осматривают (не болен ли и не в бреду ли говорит, смотрят, как он одет, как ходит, как разговаривает, какого цвета его глаза и т. д.), — заставляют петь, танцевать, поднимать какую-нибудь тяжесть, которую неудобно поднимать, погой снить, сбить шапку с деревянного кола, забитого в стену сакли на уровне роста самого гонца и т. д. Ему же задают различные вопросы, он должен отгадать загадки. Если при этом он не справляется с заданием, то говорят, что он нерасторопный, неловкий, без чувства юмора, не понимает шуток, не обладает смекалкой, со «вкусом» не одет, перьяплив, ходит, как медведь, странный цвет глаз, сомнительный взгляд, а судя по всему этому такой человек не мог родиться в Гидатле, не исключено, что и он на самом деле является подосланным недругами человеком. Если же «гонец» успешно справляется с заданием, то высказывают опасение, что его способности могут быть результатом специальной подготовки, тренировки в школе «по подготовке «диверсантов». Считают, что ему не следует доверяться. Под любым предлогом второму гонцу тоже отказывают. Ему также мажут сажей лицо, дают пить ту же «целебную воду» и не отпускают его обратно.

Когда не возвращается второй «гонец», посылают уже третьего, но его подбирают из наиболее находчивых, более подготовленных. Как только третий «гонец» войдет в комнату и с разрешения дружка расскажет о цели своего визита, сразу же подводят все к тому, чтобы поверить ему и принять приглашение. При этом говорят, что у третьего «гонца» и лицо приятное, и голова трезвая, и ум ясный, в нем незаурядные способности. Он и объяснить смог толком. По всем данным в нем есть что-то гидатлинское, ему можно верить. Рассказывают, что в прошлом и для него устраивали своеобразную «проверку», которая в итоге, как и «проверка»

двух предыдущих «гонцов», являлась своего рода развлекательной программой.

Лицо третьего «гонца» не мажут сажей, но делают метку, чтобы его отличить от «своих» — на лоб ставят точку из сажи. Ему тоже дают пить «целебную воду». При этом в отличие от предыдущих «гонцов» ему позволяют говорить тост. Традиционным в таком случае тостом является: *Baxlarogi cIaxigi, baxlarogi cIaxigi, baxlarasuI gʒalmagʒʒigi cIaxigi. Gʒadin tʒigi, gʒaasagi lʒikI tʒigi.* («Изобилие жениху, изобилие невесте, изобилие друзьям и товарищам жениха. Да оставит так, даже еще лучше») ⁵.

После этого собираются и под особую музыку *нухIлулаб* («дорожная») и с песней ⁶ (мужской хор) направляются к дому жениха. Впереди процессии идут все три «гонца», которые пришли с приглашением, за ними идут музыканты, за ними жених и его друг-шафер в окружении «охраны и исполнителей», а за ними уже все остальные участники веселья, которые были в доме дружка.

Здесь следует обратить внимание на весьма интересное и редкое явление традиционной обрядности, бытующее в современной гидатлинской свадьбе. Аналогов мы не находим у других народов Дагестана, во всяком случае их нет в существующей историко-этнографической литературе по дагестанской свадьбе. Дело в том, что когда вся свита жениха прибывает к дому его родителей, они останавливаются у ворот и не заходят. Им навстречу выходят отец, мать и их близкие родственники. При этом распорядитель веселья при свите жениха принимает приветствие родителей, от имени всей свиты и сам приветствует их, затем спрашивает у отца виновника торжества, послал ли он за ними этих трех гонцов. Получив от него утвердительный ответ, он спрашивает, в каком возрасте, в каких обстоятельствах и где они потеряли сына. Ответы на вопросы бывают самые разные, к ним заранее готовятся и стараются не повторить в своих ответах прошлые свадьбы. Сюжеты эти представляют собой весьма ценные в фольклорном отношении находки, в которых житейская мудрость, поучительная фантазия, остроумие, юмор.

После выяснения обстоятельства пропажи сына у родителей спрашивают о его приметах. Затем распорядитель свиты вместо самого жениха приводит к его родителям одного из молодых парней, который еще не женат и говорит, что они нашли вот этого молодого человека. Родители смотрят на него и говорят, что он не их сын. Им предлагают еще раз внимательнее посмотреть, поскольку не исключена ошибка из-за того, что прошло много времени, ссылаются на некоторое сходство примет, но родители утверждают, что своего сына они сразу уже узнают, хотя и не ви-

⁴ О представлениях европейских народов, связанных с чернением лица сажей см.: *Токарев С. А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Ист. корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 189.*

⁵ Аварское слово *cIaxʒagi* обычно переводят как «да здравствует», но это несколько вольный, не точный перевод. Слово *cIaxʒagi*, по всей вероятности, является производным от слова *cIaxʒen* («урожай», «состояние»).

⁶ Дорожная музыка и сама песня представляют собой исключительную этнографическую редкость.

дели его уже много лет. Приводят второго юношу, но родители не видят и в нем своего сына.

Тогда приводят к ним самого жениха. Родители сразу же признают его, говорят, что это их сын. Отец благодарит всю свиту за то, что нашли, приютили, содержали и воспитали сына и просит всех зайти в дом. Однако распорядитель не принимает такое приглашение и говорит, что этот юноша для них тоже не чужой — если хозяева этого дома дали ему жизнь, то они с большим трудом вырастили его, и заявляют, что вот так вернуть его не могут. Они объясняют, что с первого же дня он живет у них в окружении полного достатка, особой заботы и подчеркнутого внимания, ест, что хочет, питается из фарфоровой посуды, одевается лучше всех, живет в благоустроенных домах и т. д. Далее свита настаивает на том, чтобы он был обеспечен всем необходимым для жизни, чтобы ему были созданы здесь те же условия, какие были у них. При этом заявляют, что в противном случае они будут вынуждены уйти, забрав его с собой.

Родители жениха при этом говорят, что он у них единственный сын, для него им ничего не жалко, что он получит от них все необходимое. Тогда распорядитель обращается к отцу, чтобы тот под клятвой назвал конкретно все то, что он может дать сыну. Отец перечисляет вещи, которые он приготовил в качестве подарка для молодого. Затем по одному подходят к распорядителю братья и близкие родственники родителей жениха, которые также называют то, что они ему дарят⁷. Таким образом, здесь происходит своеобразная форма одаривания главы новой семьи подарками, которые необходимы для молодых на первых порах совместной жизни. Обеспечить молодых вещами первой необходимости для совместной их жизни было делом родителей жениха, помогли им в этом (кто чем мог) и их близкие родственники⁸. Только после этого свита жениха заходила в дом, куда еще до их прихода приведена бывает и невеста.

В приведенных выше двух обрядовых действиях, связанных с возвращением жениха в дом своих родителей, вызывают особый интерес сюжеты о «пропаже» жениха еще в раннем возрасте, о «воспитании» его в другой среде, требованиях теми, у кого он «воспитывался», подарков для своего «воспитанника», создания ему соответствующих условий жизни и т. д.

Представляется, что в данном случае, мы, возможно, имеем дело с отголоском атальчества, где процедура возвращения атальком своего воспитанника в дом его родителей в несколько транс-

⁷ Имена лиц, желающих сделать подарок, заранее сообщаются распорядителю, и он мог в какой-то форме сам вызвать их и спросить, с чем они встретят молодого родственника.

⁸ Принять подарки (в какой бы ни было форме) от других лиц у гидатлинцев не принято. А приглашают на свадьбу всех жителей аула — от глубокого старика до малолетних детей (как в дом жениха, так и в дом невесты), чтобы принять участие в трапезе. Если же кто-либо по состоянию здоровья не смог прийти, то его долю трапезы посылают ему домой. Калым гидатлинцы тоже не знают.

формированном виде слилась со свадебным обрядом. В этой связи представляет особый интерес диалог при прибытии невесты и ее свиты в дом своих родителей. В этот день, когда свадебное торжество переносится из дома жениха в дом родителей невесты, одну из доверенных женщин посылают пригласить невесту, ее подружку-попечительницу и всю ее свиту в дом родителей невесты. Вся женская свадебная процессия с невестой и ее окружением отправляется согласно приглашению в дом родителей невесты. Женщины приглашают раньше мужчин. По прибытии к дому свита невесты останавливается у дверей, и распорядительница свиты требует, чтобы к ним вышла мать невесты. Если родители жениха заранее выходят и встречают у ворот своего дома свиту жениха и невесты, то мать невесты (отец при этом вовсе не присутствует) не выходит к ним сразу. По первому требованию прибывшей процессии она также не выходит к ним. Вначале к ним приводят другую женщину, нередко даже переодетого в женский наряд мужчину. При этом распорядительница говорит, что мать нашей невесты не была такая горбатая, хромяя, на один глаз слепая (перечисляют недостатки, которые только бывают у женщин), и просит, чтобы к ним вышла мать невесты. Приводят вторую, третью, они также стараются выдать себя за мать невесты, а распорядительница находит у каждой «недостатки», которые не были характерны для матери новобрачной, и отвергает их. Во всех этих действиях, в которых отвергание прибывшими с невестой все трех лжематерей, старание последних убедить свиту, что каждая из них мать и т. д., бывает много остроумия, шуток, веселья.

Четвертой уже выходит к ним мать невесты. Ее сразу же признают и спрашивают у нее, была ли у нее дочь, потеряла ли она ее, при каких обстоятельствах, когда и где и т. д. На эти вопросы мать отвечает, что она действительно потеряла дочь (рассказывает придуманные сюжеты ее пропажи), что это было очень давно, что всей семьей, всем аулом искали ее, искали среди людей, в лесах, горах, пещерах, под водой и на небесах, но нигде найти не удалось. Говорит, что она за эти годы столько наплакалась, что у нее слезы уже высохли. Она спрашивает у них о том, кто они такие, откуда идут, зачем спрашивают о дочери, как попали в их края и т. д.

Распорядительница при этом говорит, что они давно ищут эту семью, что они в свое время пашли ее дочь, вырастили, воспитали, дали образование и сегодня выдают ее замуж. Мы узнали, что у нее была мать, и в такой радостный день мы решили найти ее, чтобы и она приняла участие в этом торжестве. При этом ей показывают невесту, мать же инсценирует свою радость, благодарит всех и приглашает их домой.

В данном случае сюжет пропажи дочери, ее воспитание у других, выдача ими же ее замуж и т. д. также заводят на мысль, что здесь имеет место отголосок возвращения атальком своего воспитанника (воспитанницы) в родительский дом и приурочивание этого события к его женитьбе (выдаче замуж), где активное уча-

стие принимал и сам аталык, который считался вторым отцом, а также аталычка, считавшаяся второй матерью.

В связи с торжеством в доме родителей невесты невольно обращает на себя внимание и редчайший обычай, который не освещен в известной нам литературе по традиционным и современным свадебным обрядам народов Дагестана. Этот традиционный обычай гидатлинской свадьбы, который бытует и в наши дни, заключается в следующем. В тот день, когда торжество переносится в дом родителей невесты, приглашенные туда жених, его дружок-шафер, вся свита начали трапезу в доме невесты, шафер требует, чтобы ему вручили ключи от этого дома⁹. В прошлом ему отдавали деревянный засов, при помощи которого замыкали двери. Этот обычай — требование дружком жениха ключей от дома невесты — и выполнение этого требования родителями невесты местные жители не могут объяснить. Думается, что в нем заложена идея о том, что отпущенные двери этого дома должны быть открыты для жениха, что он считается домочадцем и т. д.

Украшением современной гидатлинской свадьбы является и такой традиционный атрибут, как *канакро* — наряженное деревцо. Для этого берут ветку яблони, очищают ее от коры, затем всю повархность покрывают сгустком из меда и пшеничной муки, на концы веток напизывают и навешивают вареные куриные яйца, яблоки, груши, орехи, печения и т. д. Это деревцо устанавливают в так называемый *бахларасул глен* (в переводе «женихово ухо»), который представляет собой огромный поднос с девятью кушаньями и с целым бараньим курдюком естественного копчения в центре. *Канакро* втыкают в курдюк и тем самым составляет единое целое с девятью кушаньями жениха. Любопытно, что на *канакро* также напизывают или навешивают не менее девяти разных кушаний.

Поднос с девятью кушаньями и украшенным деревцом в центре готовится в доме жениха и выносится на место торжества. Все дни торжества этот поднос с деревцом находится перед женихом. Присутствующие пытаются сорвать с деревца что-либо из яств и тем самым приобщиться к нему. «Охрана» в начале позволяет это, делает вид, что не замечает, но после того, как кто-либо сорвал что-то с деревца, его тут же задерживают, инсценируют его арест и суд над ним; виновный становится обладателем того, что снял с деревца, но его штрафуют на 3—5 и более миллионов рублей (3—5 и более рублей) или приговаривают к «смертной казни», который откупается более большим размером денег — от 5 до 10 рублей. Эти средства идут в казну жениха. Кто желает добровольно сделать внесение в казну жениха, нередко посылает и ребенка кого-либо из родственников или друзей, чтобы он сорвал с деревца то, что ему нравится; когда же ребенка задерживают

и над ним «учиняют суд», «виновника» «выкупает» тот, кто его послал. Он вносит за него штраф в пользу казны жениха (*бахларасул хазина*).

Известно, что аналогичное украшенное деревцо присутствовало и на традиционной свадьбе некоторых народов Дагестана¹⁰. При этом вопросам идейной основы присутствия на дагестанской свадьбе украшенного деревца можно посвятить отдельную статью, но подобная работа даже в рамках гидатлинской свадьбы выходит за рамки темы настоящей статьи. Однако хочется обратить внимание на то, что обычай украшать деревцо продуктами питания, сладостями и т. д., а затем поедание их является, как известно, древним языческим обрядом, в котором видели совместную трапезу с деревом для заключения союза с духом дерева, для приобщения к животельной и плодоносной силе дерева¹¹. Думается, что эти же представления легли в далеком прошлом в основу присутствия на свадьбе у отдельных народов Дагестана, в том числе и у гидатлинцев, рассматриваемого здесь деревца, украшенного продуктами питания, сладостями, фруктами и другими яствами. Этому свидетельствует его присутствие перед самим женихом, стремление присутствующих приобщиться к продуктам и сладостям с деревца, несмотря на то, что оно охраняется и приходится платить за это штраф и т. д.

В связи с данным нашим предположением обращает на себя внимание и то, что многие древние народы считали деревья одушевленными, верили, что духи деревьев в состоянии вызвать рост и созревание хлебов. В Индии, например, считали, что духи деревьев даруют плодородность скоту и людям¹².

Наше предположение подкрепляет и зафиксированный нами полевой материал дагестанской спортивно-игровой культуры. Так, у отдельных народов Дагестана наиболее престижной наградой для победителей состязаний по бегу на празднике выхода плуга являлось такое же деревцо¹³. С данной наградой в прошлом связывали как плодородие и урожайность полей, так и пожелание плодородности на победы и самому победителю¹⁴.

Уникальным явлением представляется и присутствие на современной гидатлинской свадьбе двух ряженных женщины под названием *клочло бахларал*, которые имитируют живых кукол. В 1985 г. уроженец с. Мачада Ачуралов Исмаил, работающий в г. Махачкале уже много лет, справлял в городе свадьбу своему сыну. На этой свадьбе присутствовали и *клочло бахларал*, которые вызвали большой интерес и удивление у приглашенных.

⁹ Алимova Б. М. Табасаранцы: (Историко-этнограф. исслед.). Рукопись. С. 263.

¹⁰ Зеленин Д. К. Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук. 1933. № 8. С. 67.

¹² Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1928. Вып. 2. С. 150.

¹³ Подробнее см.: Дибиров М. А. Дагестанская народная физическая культура. Махачкала, 1975. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 72—73.

⁹ Летом 1987 г. житель с. Мачада Хадисов Магомед справлял сыну свадьбу. У родителей невесты был новый дом, на входных дверях еще не был установлен замок. Шафер жениха оказался столь настойчивым, что пришлось найти замок, установить его, пока шла трапеза, и вручить шаферу ключи от дверей.

На роль *клочло бахларал* в прошлом, оказывается, выбирали таких женщин, у которых семейная жизнь сложилась наиболее благополучно. С начала же XX в. при их выборе стали уделять внимание их умению поддержать веселье, забавлять публику, хорошо танцевать и т. д. Для рождения берут шест (изогнутый у одного конца) длиной около двух метров. Расстилают на полу женский платок-накидку и 2—3 женщины одновременно сворачивают его в рулон по всей длине до половины ширины. Полученный рулон обматывают затем вокруг изогнутого конца шеста так, чтобы каждый виток ложился равномерно один на другой, а свободная половина платка при этом наматывается на шест и привязывается веревочкой или ниткой. Обмотка вокруг изогнутого конца шеста, которая называется *гурганжо*, по виду спереди представляет собой спиралеобразный диск и служит лицом женщины-куклы.

Чуть ниже этого «лица» на данный шест крестообразно накладывается палочка, оставив расстояние для шеп, и закрепляется к шесту ниткой или веревкой. Длина поперечной палки соответствует длине вытянутых в стороны рук. На полученную крестообразную основу, напиминающую, хотя и весьма отдаленно, человеческую фигуру, надевают навыпуск платье. А круглое «лицо» из завитков *гурганжо* бывает спереди покрыто одним концом тонкого платка, а другой его конец висит из-под накинутого на голову и завязанного вокруг «шеп» нарядного платка, закрывая собой грудной разрез платья.

Получается своеобразная кукла в рост человека с круглым «лицом» и вытянутыми в стороны «руками». Она бывает одета в самые лучшие наряды. Таких кукол готовят две. Женщины, выполняющие роли живых кукол — *клочло бахларал*, берут в руки нижний, свободный конец вертикального шеста, влезая головой, плечами и туловищем по пояс в платье, надетое на куклу. Если вертикальный шест окажется длиннее платья куклы, то его срезают, чтобы он не выглядывал из-под платья. Платья же кукол обычно доходят до тазобедренной части или до колен женщины, которые играют роль *клочло бахларал*.

В результате получались огромные, высотой более двух метров «живые куклы». Данные персонажи можно сравнить с карнавальными ряжеными на ходулях с той разницей, что рост у гидатлинских *клочло бахларал* увеличивали не за счет становления на ходули, а при помощи наращивания верхней части туловища, за счет «куклы». *Клочло бахларал* видят через щель грудного разреза платья «куклы».

При помощи вертикального шеста, который держит руками каждая ряженая, *клочло бахларал* выполняют различные наклоны, повороты и другие телодвижения верхней частью туловища «живой куклы». Они много танцуют, каждый раз, когда танцует невеста, они сопровождают ее в танцевальный круг и сами танцуют. На современной гидатлинской свадьбе присутствует и ряженный шут *кѳохьбер* (в переводе означает «кожаный глаз»), который

в прошлом выполнял, по данным информаторов, не только функции шута, но и выполнял роль стража «живых кукол»: он должен был оберегать их от прикосновения любого присутствующего. В того, кто осмелится к ним подойти, он запускал горсть золы, достаточный запас которой находится у него в специальном мешочке.

Хотя в современной гидатлинской свадьбе *клочло бахларал* считаются персонажами для украшения свадьбы, веселья, забавы и т. д., нам представляется, что с их присутствием на свадьбе в прошлом связывали определенные представления. Автор не располагает возможностью проанализировать и обобщить эту сторону данного явления и высказать свое мнение на этот счет в настоящей статье, поскольку она посвящена современности, хотя такой анализ представляется необходимым. Дело в том, что это чрезвычайно редкое явление в традиционной свадебной культуре Дагестана, а в современных дагестанских свадьбах оно не сохранилось, за исключением Гидатля. Более того, по дагестанской свадьбе имеется обширная литература, но нигде нет даже упоминания об этом явлении. А. Г. Булатова обнаружила наличие ряженой женщины у салатавских аварцев и цахуров (материал этот еще не опубликован), но эти персонажи отличаются от гидатлинской *клочло бахларал*. С этнографической точки зрения, нам представляется весьма ценным ретроспективный анализ истоков ряжения в куклы, их место в быту, связь со свадебным торжеством, народные религиозно-магические представления, связанные с данными персонажами и т. д.¹⁵

Бытует в современной гидатлинской свадьбе и такой странный на первый взгляд традиционный обычай — кража жениха со свадьбы (*бахларо викии*), который в прошлом был известен отдельным народам¹⁶. Крадут его те из сельчан, нередко на это идут и жители других гидатлинских аулов, которые хотят оказать особое уважение жениху, его родителям и близким, перенести торжество в свой дом и тем самым принять значительное участие в данном торжестве. Нам собраны сведения о том, что в прошлом, если кровник внес определенные расходы и при помощи посредника сумел выкрасть жениха и перенести свадьбу в другой дом, таким образом приняв участие в торжестве, то кровники должны были простить. Сумевший выкрасть жениха и сыграть частично данную свадьбу объявлялся братом жениха. Эти и по-

¹⁵ Предварительный, хотя и неглубокий, анализ этого явления позволяет нам высказать предположение, что эти персонажи рассматривались в далеком прошлом как покровители невесты, которые оберегают ее от вредоносной магии, даруют ей плодovitость и т. д. В этой связи представляет интерес и название ряженных *клочло бахларал*. Слово *бахларал* множественного числа и означает «невесты», а *клочло (клочл)* оказалось вышедшим из употребления словом, которое обозначает «плод», «эмбрион». Любопытно, что отдельные гидатлинские старушки ласкают малышей словами: *мун клочлолаб, клочлолаб; дур клочлолаб, клочлолаб* (эмбрион ты, эмбрион; мой эмбрион, эмбрион). Видимо, в значении «выросший из эмбриона, маленький зародыш и т. д.

¹⁶ Гаджиева С. III, Указ. соч. С. 239.

добные представления теперь не сохранились. Похищение рассматривают как проявление особого внимания к жениху, его возвышение, оказание почести и т. д.

Жениха можно выкрасть в любое время суток, где бы он ни находился. Для этого необходимо дотронуться до него и дать знак следовать за ним или позвать. При этом жених должен следовать за тем, кто до него дотронулся и зовет. Поэтом шафер жениха (*бахларасул гьудул*) и есаулы (*бахларасул хлумул*) проявляют бдительность, не подпускают к нему никого.

Одним из своеобразных традиционных свадебных обычаев, который сохранился в современной гидатлинской свадьбе, является и следующий. Если девушка (женщина) выходит замуж из одного гидатлинского аула в другой, то молодежь села, откуда уходит невеста, устраивает на краю села «засаду» и не выпускает без получения выкупа с тех, кто ее сопровождает. После того как молодежь получила выкуп за невесту, дальше уже (по дороге или при вступлении в село жениха) им дорогу не закрывали в прошлом, не бытует это в Гидатле и теперь, как имеет место у отдельных народов Дагестана. Указанный обычай, который ныне бытует в виде развлекательной формы, дает основание полагать, что он является отголоском наличия исключительно внутриаульных браков в далеком прошлом.

Соблюдают сейчас и традиционный обычай отсрочить свадьбу, если в ауле или в соседних селениях случилось горе. Если в ауле случилось горе и после этого прошло уже несколько месяцев, а по каким-либо причинам свадьбу надо было сыграть, то на это спрашивают разрешение у той семьи, в которой было горе. Если даже такое разрешение получено, то свадьбу в таких случаях не справляют пышную, она проходит без особых увеселений. Это своего рода уважение памяти умершего и выражение сочувствия его семье. В таких случаях на свадьбу приходит кто-либо из старших той семьи, в которой было горе. Такого человека встречают с подчеркнутым вниманием за то, что он, несмотря на свое горе, пришел на данное торжество, но в его присутствии не принято устраивать танцы, веселье, вести смешные разговоры и т. д. При этом он сам просит, как правило, сыграть танцевальную музыку и первым выходит на танец или споет для собравшихся песню. Тем самым он показывает пример, затем обращается ко всем и просит, чтобы они не смотрели на их горе, чтобы из-за них не скомкали свадьбу, что им в таком случае будет неудобно, пеловко, если весь джамаат, гости и молодые будут лишены полноценного веселья и нормальной свадьбы и т. д. Сам же долго не остается, чтобы не стеснять своим присутствием действия остальных. Он уходил, выполнив свою миссию, но делал это тактично, ссылаясь на неотложные дела или еще на что-либо.

Если же в ауле идут приготовления к свадьбе, и накануне или в день начала проведения ее внезапно умер кто-либо из сельчан, то свадьбу также откладывают, несмотря на большие приготовления и расходы. В таких случаях тоже принято приходиться из того

дома, где случилось горе, и сказать, чтобы из-за их горя не откладывали мероприятия, чтобы живые не смотрели на того, кто ушел из жизни, что покойному этим не поможешь и он будет омрачен, если из-за него будет сорвано мероприятие и испорчены приготовления. Всячески стараются не допустить срыва в проведении свадьбы¹⁷.

Таким образом, традиционные обряды и обычаи занимают в современной гидатлинской свадьбе значительное место. Они представляют собой своеобразное сочетание устного, песенного, музыкального, танцевального, шуточно-сценического, нравственно-этического и другого творчества народа, а все это придает свадьбе динамизм, зрелищность, поднимает торжественность, делает ее настоящим праздником. Представляется, что надо поддержать и развивать положительные народные традиции свадебного обряда. Мы правильно делаем, когда возрождаем и ставим на службу современным интересам народные традиции ювелирного искусства кубачинских и гизатлинских мастеров, народный опыт инкрустации по дереву жителей Унцукуля, традиции гончарного промысла балхарцев, изготовления бурок андийцев и т. д. Свадьба также должна стать предметом особой заботы нашего общества.

В то же время совершенно ошибочными представляются действия, которые направлены на то, чтобы в свадьбу искусственно внести надуманные нововведения, которые далеки от реальной народной жизни и его психологии, не укладываются в рамки своеобразия его культуры и быта. Вряд ли следует приветствовать и свадьбу по сценарию, если даже они созданы в достаточно авторитетных кабинетах. Нельзя забывать, что каждый народ на протяжении тысячелетий сам формировал, проверял, уточнял и совершенствовал такой сценарий свадьбы, который понятнее ему по своему духу, ближе к культуре, отражает бытовые особенности народа, учитывает его правовые и нравственные нормы, этические «установки», удовлетворяет эстетические запросы и т. д. Необходимо бережно относиться к такому традиционному сценарию, в который народ вложил свою душу. Его необходимо сохранять и творчески развивать, а не подменять богатыю самобытную сва-

¹⁷ В этой связи представляет интерес предание о том, что еще до революции житель Гидатля по имени Рухульа Гекъав рано утром отправился в лес с сыном за бревном для строящегося дома. В ауле шла свадьба, но заранее приготовленные бревна его находились в лесу на расстоянии одного часа ходьбы от селения. Отец и сын намеревались вернуться в аул до начала свадьбы. Однако случилось так, что на обратном пути сын сорвался со скалы высотой около 100 м. Юноша тут же скончался. Отец прижал к груди окровавленный труп единственного сына, на руках понес его в ближайшее село Келесбского общества Урчухи, с помощью кушаков похоронил там, чтобы своим горем не испортить свадьбу. Жители Урчухи были предупреждены, чтобы до завершения свадьбы они молчали о случившемся. К концу того же дня Гекъав вернулся в аул, чтобы никто ничего не подозревал, принял участие в свадьбе, ничем себя не выдал. Жене и родственникам сказал, что в лесу встретил кушака из с. Урчух, который и забрал сына к себе, чтобы он несколько дней погостил у него. В день завершения свадьбы, после проводов гостей Гекъав рассказал своим родным и близким все как было.

дебную культуру народа кабинетными сценариями. Если же позникла острая необходимость пересмотреть какой-то обряд или обычай, то для этого необходимо привлекать компетентных специалистов, которые непосредственно заняты глубоким историко-этнографическим изучением культуры и быта народа, знатоков народной жизни, в частности и пересматриваемого явления. Позиции таких специалистов надо затем широко обсудить в народе, об обычае или обряде которого идет речь. При этом надо помнить, что всякие нововведения не будут прививаться у народа, если новое не будет тесно связано с его культурой и бытом, эстетическими потребностями, привычными нормами нравственности и образа жизни, если оно не будет выгодно отличаться от созданного коллективным творчеством многих поколений.

Нередко причиной для объявления борьбы традиционной обрядности бывает достаточна ее связь с религиозными представлениями. Но и здесь нельзя забывать, что увязанность тех или иных традиций с религиозными представлениями вовсе не означает, что на данную традицию надо объявить табу. В религиозной оболочке оказываются зачастую именно те явления культуры, которые представляли для народа исключительную ценность. Религиозный «туман» создавал вокруг того или другого обряда ореол таинственности, способствовал бережному отношению верующих масс к нему, массовому его внедрению, соблюдению и т. д. При этом надо помнить, что мы не выкидываем, например, хороший костюм или обувь из-за того, что они испачканы — чистим их и одеваем. Необходимо такое же отношение и ко всей традиционной культуре, в том числе к свадьбе.

С. А. ЛУГУЕВ

НОВОЕ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЬБЕ ДИДОИЦЕВ

Победа Великого Октября и дальнейшее развитие социалистических общественных отношений повлекли за собой изменения во всех сферах личной, семейной и общественной жизни народов Дагестана. Заметно коснулись эти изменения и свадьбы дидоицев. Отметим сразу же, что в своем большинстве последнее характерно для всех народов Дагестана¹, Кавказа². «В каждой историко-культурной области у народов одной и той же социально-экономической формации и одинакового вероисповедания складывались общие основы брачно-семейных отношений»³. Понятно поэтому, что однотипность факторов, влиявших на эти основы, повлекла за собой и однотипность соответствующих изменений.

Выбор брачного партнера у дидоицев традиционно считался делом родителей жениха и (особенно) невесты, а также их ближайших родственников. При этом учитывались следующие факторы: социальное и материальное положение, авторитетность родителей, состояние здоровья, внешний вид; главные личные качества для жениха: мужество, доброта, хозяйственность, воспитанность; для девушки: сочетание сердечности и гордости, хозяйственность, воспитанность. Безвозвратно ушла в прошлое традиционная разобщенность полов, их патриархальная сегрегация. В наши дни в подавляющем большинстве случаев брачные партнеры сами находят друг друга и, договорившись между собой, дают толчок для последующих церемоний по традиционному сценарию: сговор, сватовство, обручение, свадьба. Тем не менее, в условиях проживания в небольшом сельском коллективе роль родителей в подборе брачных партнеров своих детей все еще значительна. Такие факторы, как материальное благосостояние жениха, его образование, специальность, играют в наши дни хотя и не решающую, но и немаловажную роль. Внутриродственная и, главным образом, внутрисельская эндогамия окончательно своих позиций не утратила. Объясняется это не горячей приверженностью народа к традиции, а элементарной жизненной логикой: общаясь с детскими лет, молодые люди имеют возможность не только приглядеться друг к другу, но и изучить друг друга и друг к другу при

¹ См.: *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. М., 1985.

² См., напр.: *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.

³ Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977. С. 434.

вязаться. В силу роста подвижности молодого поколения, роста возможностей общения молодых людей на различного рода меж-сельских и районных культурно-массовых и производственных мероприятиях, растет и число браков дидонцев с аварцами, бежтинцами, гехуцами, гузибцами и др. Выезжая за пределы района и республики (на службу в армию, на учебу и др.), молодежь иногда подыскивает брачного партнера за пределами аварской группы народов. Чаще всего межнациональные браки заключаются дидойцами, проживающими в переселенческих и кутанных хозяйствах плоскостной зоны Дагестана⁴.

Юноши и девушки планируют, как правило, обзаведение своей семьей, лишь получив ту или иную специальность. Для большинства юношей такая возможность представляется после двухлетней службы в рядах Советской Армии. Понятно поэтому, что брачный возраст как для юношей, так и для девушек заметно вырос.

Население небольшого по численности дидойского селения живет общими проблемами, общими интересами, заботами и радостями. Поэтому среди заключенных в их среде браков одинаково распространены и социально-однородные, и социально-неоднородные.

Кандидатура брачного партнера по традиции обсуждается ближайшими родственниками. Однако последние имеют преимущественно право, так сказать, совещательного голоса. Окончательное решение вопроса в подавляющем большинстве случаев зависит от молодых людей, нередко — от их родителей.

При предварительном створе дидонцы расположены соблюдать традиционные нормы и обычаи. В дом предполагаемой невесты направляется мать жениха и еще два-три человека из числа ближайших родственников; пришедшие несут с собой мясо, сыр, сладости и проч., а также мелкие подарки девушке и членам ее семьи. Беседа обычно изобилует традиционными оборотами, шутками, юмором, пословицами, поговорками и т. д. Однако нередко в дом девушки для предварительного створа юноша направляет не родителей и родственников, а лицо (лица), пользующееся высоким авторитетом и уважением односельчан. Такая форма прививается в селениях дидойцев, становится обычной.

Сватовство как таковое тоже происходит с соблюдением большинства обычаев народа. Родители девушки накрывают стол для пришедших представителей жениха, мужчины и женщины сидят в разных комнатах. Все угощаются блюдами, деликатесами, преимущественно доставленными сюда стороной жениха. Идет обмен подарками, произносятся традиционные здравницы, вручаются подарки невесте и т. д. Здесь обе стороны договариваются о дне свадьбы, о расходах на свадьбу, определяют место жительства будущих супругов, оговаривают выделяемое им имущество и т. д.

В период между сватовством и свадьбой юноша может навещать свою невесту в ее доме. Видятся и общаются молодые люди в присутствии родственницы или подружки невесты. В наши дни жених и невеста могут при встрече постоить, поговорить друг с другом, жених может проводить невесту до места работы, к родственникам, домой и др., он может пригласить ее вместе с подружкой на концерт, в кино, на какое-нибудь общественное увеселение и проч. Иначе говоря, в народе прививались и прогрессируют новые формы взаимоотношений, недопустимые с точки зрения традиционной морали.

Непосредственно перед свадьбой или в день свадьбы производится регистрация брака в сельсовете. Сразу же отметим, что в большинстве случаев этот акт проходит буднично и незаметно, сухо и официально. Здесь все еще есть, над чем подумать и над чем поработать общественным организациям, ответственным за культурно-массовую работу среди населения. Упреки заслуживают также и дагестанские этнографы, не разработавшие по сей день соответствующего приемлемого сценария для внедрения в качестве руководства в сельсоветы и райсоветы депутатов трудящихся.

В эти же дни между молодыми людьми заключается и шарнатский брак магьар. В подавляющем большинстве случаев, таким образом, параллельно гражданскому браку заключается и брак шарнатский. При этом очень часто жених и невеста — хорошие производственники и отличные общественники, в общем и целом не приверженные к религии. Эта традиция в силу различного рода причин и обстоятельств стойко держится в дидойской среде: здесь и дань традиции, и сила авторитета старшего поколения. Причина стойкости этой традиции — тема для специального исследования.

Сложное переплетение традиционных норм и обычаев с веяниями нового времени прослеживается и в проведении свадьбы.

Прежде всего, акцент семейно-родственного торжества и веселья по поводу создания новой семьи традиционно падал на родителей жениха. Именно здесь и проводилась свадьба как таковая — с коллективным застольем, музыкой, песнями, танцами и проч. Сторона невесты, где собиралось незначительное число родственников и близких, организовывала небольшое застолье, главное назначение которого — подготовка к приему лиц, пришедших за невестой, и организация ее привода. В наши дни нередко и в доме невесты организовывается большое торжество со значительным количеством приглашенных лиц. Здесь играет музыка, собравшиеся поют, танцуют, звучат тосты, шутки и т. д. Таким образом, торжество и веселье в доме невесты нередко не уступает соответствующему семейному празднику в доме жениха. Иначе и быть не могло в обстановке роста материального благосостояния каждой дидойской семьи, активного включения девушки-горянки в сферу производства, роста ее авторитета, признания ее равноправным членом коллектива односельчан и т. д.

⁴ См.: Булатова А. Г. Современный свадебный обряд переселенцев // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 72—91.

Традиционно на дидойских свадьбах к столу подавались и хмельные напитки. Однако чрезмерное увлечение ими, а тем более злоупотребление выпивкой в народе резко осуждалось. Мужчина был обязан с бокалом в руках поддержать тост гостя, уметь ответить на здравницу или произнести в традиционных выражениях благопожелания в адрес жениха, невесты, их родителей и родственников, почитаемого и уважаемого в округе участника застолья и др. На что он совершенно не имел права — это дать повод кому бы то ни было упрекнуть себя в нетрезвости. Известные веяния самого последнего времени в этом вопросе положительным образом отразились на свадебном застолье дидойцев, а именно: четко наместилась тенденция резкого уменьшения количества хмельного на свадьбе. Непринужденность и веселье, праздничное настроение родственников, односельчан и гостей поддерживается не столько с помощью спиртных напитков, сколько правильной организацией застолья, его насыщением традиционными шутками, розыгрышами, остроумием высказываний, песнями, танцами и проч. Все это вполне соответствует национальному духу и традиционным морально-этическим установкам дидойцев.

Изменилось и поведение участников застолья. К многочисленным восхвалениям того или иного участника застолья, пожеланиям хороших урожаев, благосостояния скота, богатства, здоровья и проч. все чаще добавляются пожелания успехов на производстве, в учебе и др.

Дидойцы многоязычны. В функционировании многоязычия важнейшую роль играет семья⁵. С детских лет наряду с родным языком они усваивают и аварский. Многие представители среднего и старшего поколения говорят на языке ближайших соседей — грузин. Кроме того, подавляющее большинство населения, понятно, свободно говорит по-русски. На свадьбах наряду с песнями на аварском и родном языках все чаще слышатся песни на русском языке, нередко — на языках других народов Дагестана, Кавказа. В разгар свадьбы иногда часть молодежи, ближайших друзей жениха, может уединиться в отдельном помещении и организовать свое застолье. В подобных случаях веселье нередко сопровождается магнитофонными записями советской и зарубежной эстрады.

Наряду с народными куплетами лирического характера, обычно исполняемыми на аварском или дидойском языках, часто поются импровизированные частушки юмористического содержания, высмеивающие недостатки и промахи кого-либо из присутствующих на производстве, во взаимоотношениях с товарищами, с коллегами по работе и т. д.

Если среди гостей находятся люди, не говорящие по-аварски, участники застолья непременно учитывают это обстоятельство:

⁵ См.: Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984. С. 199.

тосты произносятся на русском языке или по крайней мере кем-либо переводятся содержанием сказанного. Ближайшие по застолью соседи таких гостей стараются переговариваться между собой по-русски и т. д.

Традиционно у дидойцев жених и невеста не сидят за столом общего застолья: жених в окружении молодежи находится обычно где-либо неподалеку за праздничным столом; в отдельном помещении дома жениха в окружении подружек и ближайших родственниц должна была находиться невеста. В наши дни нередко соблюдается такой порядок: жених и невеста садятся за общий стол и, выслушав в свой адрес поздравления и благопожелания со стороны представителей общественных организаций, рабочих коллективов, от наиболее уважаемых односельчан старшего поколения и от гостей, расходятся (точнее, их уводят) по своим местам. Впрочем, жених с друзьями иногда остается здесь же, за общим столом.

Не жалеющая средств и не особенно считающаяся с материальными затратами при организации свадебного торжества дидойская семья тем не менее никогда не задается целью удивить или поразить односельчан и приезжих чрезмерной роскошью и демонстративным изобилием. В этом отношении свадьбы дидойцев в основном не выходят за рамки возможностей семьи среднего достатка, в чем проявляется присущее народу чувство меры и такта.

Местные этические нормы не обременяют лиц, приглашенных на свадьбу, обязанностью делать дорогие подарки или преподнести значительные суммы денег. Родители жениха и невесты, а также их ближайшие родственники в меру своих достатков стремятся помочь новой семье стать на ноги, поэтому с их стороны главным образом и делаются наиболее ценные подарки. Все остальные участники свадьбы, родственники, односельчане и приглашенные из других мест, могут преподнести молодым необременительные скромные подарки.

Подобное отношение к свадебному подарку характерно для подавляющего большинства народов Дагестана, традиционно не знакомых с практикой калыма.

Таким образом, традиционные черты, сформировавшиеся веками и практиковавшиеся в брачных церемониях десятков и сотен поколений дидойцев, не утратили еще своего значения в наши дни. Более того, они служат основой, базой, на которой выстраивается целый ряд современных ориентаций, понятий и отношений. Дальнейшее совершенствование и сохранение прогрессивного, достойного и замена устаревших, изживших себя элементов комплекса свадебных обычаев и обрядов — такова основная тенденция развития свадебной обрядности дидойцев в современности. В среде дагестанских народностей происходят процессы интеграции, и активное восприятие всего нового — одно из проявлений этих процессов.

М. К. МУСАЕВА

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ ХВАРШИН

В современном свадебном цикле хваршин¹, сохранились почти все традиционные моменты из-за относительной консервативности семейно-бытовых явлений². Во-первых, на прочность семейно-бытовых обрядов влияет незыблемость семейного строя, определенная стабильность семьи, к тому же в семье большую роль играют привычки и нравы, а «следы старого в нравах известное время после переворота неизбежно будут преобладать над ростками нового»³. Во-вторых, экономические условия и постоянное совершенствование и развитие средств и условий труда не оказывают такого действия на семейно-бытовую обрядность, как на хозяйственный уклад жизни. Вследствие этого изменения в семейно-бытовой обрядности не столь значительны, как этого требует время.

Основные этапы свадебного цикла хваршин, имевшего некоторые отличия (касавшиеся в основном обрядовой стороны) в каждом селении Хваршинского союза сельских общин, остались неизменными. Они сохранили деление на предсвадебный, свадебный и послесвадебный периоды. Предсвадебный период традиционно начинается со свовора (*ложя литта*). Девушку, как и прежде, может указать не только сам парень, но и мать, близкая родственница, сестра, если в доме ведется разговоры о женигьбе. Естественно, что на современном этапе парень сам старается заручиться согласием девушки; иногда с девушкой без посторонних по поручению парня разговаривает сестра, мать, и только получив согласие предполагаемой невесты, мать и отец парня могут пойти к ее родителям и договориться о времени засылки сватов.

Сватовство (*гьени эсахту*) является вторым предсвадебным действием. В назначенный день сваты (обычно 1—2 родственника

молодого человека и отец) идут в дом девушки и, несмотря на предварительную договоренность, по традиции получают положительный ответ только в третий приход. Если и после третьего прихода по каким-либо причинам не хотят девушку выдать за парня (вопреки ее желанию), отправляют сватом, как и прежде, какое-нибудь влиятельное лицо⁴. На следующий день после официального сватовства близкие родственники и мать отправляются в дом невесты с подарками. Если в прошлом ограничивались одним комплектом одежды, а в некоторых случаях только платком и различными сладостями, то теперь в состав подарков кроме одежды (2—3 комплекта) входят золотое кольцо, иногда часы и цепочка с кулоном. Кроме этого, приносят 1—2 ящика дорогих конфет, заказные торты⁵. Этими подарками обычно закрепляется сватовство. С этого дня по отношению к невесте соблюдаются определенные условия — если она по необходимости в первый раз проходит мимо дома жениха, ей делают небольшой подарок (дарят поднос, кувшин для воды или что-нибудь из посуды). То же самое может подарить и близкая родственница жениха (дядня жена, тетя, сестра), если невеста прошла мимо их дома (также подарки делают один раз). Подарки невесте (косынка, платок или отрез) могут сделать и тогда, когда она будет в первый раз танцевать на свадьбе у близких людей жениха. Подарки невесте делают и в праздники. Если таковыми в старину считались только религиозные праздники, то теперь к ним относятся еще и всенародные (8 Марта, 1 Мая, Новый год и др.). Еще очень редко, но некоторые делают подарки и в день рождения невесты. Как правило, подарки дарит на все праздники только женская половина родни жениха. У жениха со дня сватовства также появляются определенные обязанности по отношению к родне невесты: он должен быть первым помощником во всех делах новой родни (при строительстве дома, при сельхозработах и т. д.). В отличие от невесты, которая реже старается попадаться на глаза родственникам жениха, жених имеет право приходить в гости к родителям невесты. При этом, если он учится в городе или находится в отъезде и приехал на несколько дней, первый визит он должен нанести в дом невесты. Только в том случае, если жених проходит службу в Советской Армии и приехал в отпуск или демобилизовался, родители невесты первыми идут к нему в дом «поздороваться за руку».

Третьим предсвадебным действием, как и в традиционной свадьбе является религиозное закрепление союза — *махъар*⁶.

¹ Хваршины — один из «малых народов», относящихся к аваро-андо-дионской языковой группе и населяющих Западный Дагестан. Хваршинский союз сельских общин состоял из шести населенных пунктов (Хварши, Хонох, Сантлада, Квантлада, Нихоквари, Хвайни), которые в наст. вр. входят в состав Цумадинского района.

² Люшкевич Ф. Д. К изучению традиционного и современного в семье народов Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л.: Наука, 1987. С. 8.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 20.

⁴ В сел. Хварши и Хонохе существовал такой обычай: когда хотели отказать парню, ставили условие, выполнить которое было под силу не всякому — приобрести и привязать к дверям дома оседланную лошадь (обычай этот назывался *зюкьва хладураб сайро* — оседланная лошадь), и родственники, друзья, соседи помогали парню выполнить это условие.

⁵ В райцентре (с. Агвали) есть кондитерский цех.

⁶ С этого момента до свадьбы в некоторых случаях в прошлом могло пройти длительное время (год-два) по причинам самого разного характера: необхо-

Еще значительное число вступающих в брак оформляют его по шариату, но и в этой церемонии, которая в свое время обставлялась различными магическими действиями и совершалась у хваршии с участием жениха, теперь жених непосредственного участия не принимает⁷ (у него отец или дядя берут согласие — *пурман*), и получается, что *махъар* сосуществует с совершенно новым явлением — регистрацией брака молодых в сельском Совете⁸. Хотя регистрация в отличие от города часто проводится после свадьбы, а порой и после рождения первенца, она обязательна. Следует отметить, что только в с. Пнхоквари имеется положительный опыт торжественной регистрации молодых. Невеста со своими подругами и предполагаемой *экъун юхо* и жених с друзьями и будущим тамадой свадьбы (*лъарахан*) собираются в назначенный час у сельсовета. Председатель сельсовета при всех торжественно с паутственными словами вручает молодым свидетельство о браке. Но это является редким исключением, прежде всего потому, что один Пнхокваринский сельский Совет обслуживает 5 сел, которые достаточно удалены от Пнхоквари.

Последним предсвадебным действием является обряд «кройки одежды» (*бахларай цыкьбу нахдогу зебу* — досл. «невесте одежду шьют»). У невесты обычно собираются ее близкие родственницы, подруги. Сюда же приходят молодые родственницы жениха и тетя, которые приносят невесте подарки его родителей (сюда входят 1—2 комплекта современной одежды и в последнее время — обручальное кольцо), которые являются дополнением к ранее преподнесенным. Если в прошлом в этот вечер делали на отрезках для платья условные надрезы, то теперь происходит демонстрация подарков. Вечер сопровождается музыкой, угощением, весельем⁹.

димость построить дом, глубокий траур и т. д. Бывали случаи, что невеста до официального свадебного торжества могла родить, что, впрочем, не осуждалось, ибо шариатское оформление брака было совершено. Это было характерно многим народам. *Мтаврива Ф.* Простонародная свадьба в Кахетии // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. С. 152; *Кисляков И. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. С. 98, 141; *Булатова А. Г.* Свадьба лакцев в XIX—XX в. Махачкала, 1968. С. 16—17; *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у погайцев XIX—XX вв. М.: Наука, 1979. С. 76, 77.

⁷ В прошлом в этой церемонии активное участие принимал друг жениха, который охранял дом, где проходил обряд, запрещал подслушивать, принимал определенные меры, чтобы «защитить» жениха от колдовства. *Гаджиев Г. А.* Магия в свадебной обрядности народов Нагорного Дагестана в XIX—нач. XX в. // Брак и свадебные обычаи народов Дагестана в XIX—нач. XX в. Махачкала, 1986. С. 103; *Агларов М. А.* Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX в. // СЭ. 1964. № 6. С. 134. Другие же друзья старались снять шапку с жениха после обряда, чтобы получить выкуп с охранявшего.

⁸ *Булатова А. Г.* Современный свадебный обряд переселенцев // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 81—82.

⁹ Этот обряд своего рода девичник, который был характерен предсвадебным обрядам многих народов Дагестана. Ср.: *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. М.: Наука, 1985. С. 155; *Ее же.* Сва-

Самым интересным, конечно, является свадебный цикл, в котором как мы увидим, большую роль играют обычаи и обряды ритуально-магического характера, уходящие корнями в далекое прошлое. Естественно, что в настоящее время все архаические элементы свадебной обрядности воспринимаются в качестве игровых, зрелищных моментов. Но тем не менее, они достаточно хорошо сохранились.

Если стовор, сватовство проводятся в любое время года, то для свадьбы предпочтительной осталась как и прежде, осень. В день свадьбы (обычно суббота и воскресенье) в доме невесты так же как у жениха звучит музыка, веселье, но только до того, как приедут за невестой. За ней приходят двое (мужчина и женщина), обычно двоюродный брат жениха и старшая невестка.

Для хваршии в отличие от большинства народов Дагестана была характерна женитьба на девушках из соседних сел хваршинского уцеля. Эта тенденция сохраняется, поэтому в некоторых случаях за невестой приезжают на машине¹⁰, которую стараются украсить красивыми платками, яркими отрезами, лентами и т. д., то есть под влиянием городской культуры произошли изменения и во внешней стороне свадебной церемонии. Пришедшие за невестой должны отдариваться деньгами¹¹ за подарки от стороны невесты (женщине дарят платок, мужчине завязывают на пояс отрез). Над послами шутят, заставляют на спор долго танцевать и т. д. (с обеда держат почти до вечера). С невестой в дом жениха отправляют двух женщин и одного — двух близких родственников, следом идут подруги невесты с ее приданым¹². Одна женщина считается старшей (*экъун юхо*), а другая отвечает за вещи невесты (*къайиль эцитлу гъине* — женщина с вещами). Причем *экъун юхо* несет с собой *къанкъа* (обрядовое десертное, украшенное сладостями, крашеными яйцами, платочками, ленточками и даже шарами)¹³. Предварительно деревце втыкают в курдюк, кладут на большой хлеб. В момент проводов невесты за порог дома ее

дебные обычаи и обряды терекемешцев-азербайджанцев Дагестана // Брак и свадебные обычаи народов Дагестана в XIX—нач. XX в. С. 18; *Булатова А. Г.* Современный свадебный обряд переселенцев... С. 75.

¹⁰ Традиционно приезжали с нарядно украшенной лошадейю.

¹¹ В прошлом послы приносили 1 серебряный рубль, 2 монеты 20-копеечного достоинства (*глабиси*) и одну монету 5-копеечного достоинства (*шагни*). Эти монеты они клали на деревянный поднос (*инкъосу*), на котором им преподнесли подарки.

¹² Если в старину в состав приданого обычно входили постельные принадлежности, кухонная утварь, в некоторых случаях 1—2 головы крупного рогатого скота и небольшой участок пашни или сенокоса, то теперь в составе приданого появились такие предметы, как мебель (обычно кровати, диван, сервант, зеркало), фабричные ковры и дорожки, чайные и столовые сервизы и даже транзисторы и кассетные магнитофоны.

¹³ Обрядовые деревца на свадьбе фигурируют и у других народов Дагестана. См.: *Алимова Б. М.* Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX—XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. С. 61; *Ее же.* Брак и свадебные обряды у табасаранцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX—нач. XX вв. Махачкала, 1986. С. 37.

обсыпают конфетами, мелочью. Подростки, как и прежде, закидывают невесту яйцами (порой сырыми), обливают водой, обсыпают золой, поэтому поверх одежды ее укрывают домотканым паласом или держат над ней матрац¹⁴, а иногда и красивую клеенку. Свадебный кортеж несколько раз по пути останавливают, преградив путь, и мужчины отдариваются кусками мяса или жареными курами¹⁵. К дому жениха подъезжают с шуточными песнями примерно такого содержания:

*Бахларайни екъун ило бухцекъун
Идул тибитидо утлана дарай.
Ило бахларайла лидос китлаима
Биция чанкар голи, чамасекI голи.
Мило бахларавус хъазанла шогема
Лицутла хинклибан худъ а ёкъун голи.*

Мы с невестой идем,
Стедите нам красный шелк.
У пашей невесты в деревянном сундуке
И сахар колотый есть, и финики.
У вашего жениха в чугулке
Оставшие хинкал и бульон холодный.

Прямо у ворот дома жениха по традиции совершают обряд *ершуша* — обсыпают морковью. Видимо, этот обряд можно объяснить большой урожайностью горской моркови в этих краях, и в данном случае морковь используется как символ плодородия, передающий невесте свои качества. Тут же на пороге дома екъун юхо спрашивает у родителей жениха, что же они дают невесте. К невесте подводят телку, бычка или корову. Она хватает животное за ухо, на котором сразу делают метку (этот обряд называется *агъа лиечI* — ухо резать)¹⁶. В с. Квантлада зафиксировано несколько отрицательное повествование: во время прохождения невесты от двора до подготовленной для нее комнаты свекор и свекровь кладут ей при каждом шаге под ступню деньги (обязательно достоинством 10 рублей), а *екъун юхо* идет сзади и собирает. При

этом невеста старается сделать как можно больше шагов — чем больше будет денег, тем лучше. Деньги эти передаются невесте. Лицо невесты обычно закрывают накидкой *пардав* или низко нагибают на лицо платок; свекровь подходит, открывает лицо и дарит ей отрез, платок (в прошлом дарили серебряный рубль). У порога невесте дают отведать мед¹⁷. Жених на протяжении всего времени сидит у близкого родственника или друга вместе с друзьями. Им здесь накрывает стол хозяин дома. Они веселятся, устраивают игры и ждут вечера. К 22 часам готовят брачную комнату (*бахларавус бах*) в чем-нибудь доме по договоренности. По возможности место, где молодые проведут брачную ночь, стараются сохранить в тайне. И жених и невеста в этот дом отправляются тайно — в одежду невесты перодевают одну из ее подруг и оставляют сидеть на свадьбе. Первой, как правило, приходит невеста в сопровождении *екъун юхо*, затем туда приводят жениха. При этом *екъун юхо* не уходит, пока жених ей что-нибудь не подарит (обычно косынку). Прежде чем подойти к невесте, жених прикладывает по традиции ко лбу невесты три пальца¹⁸. Если узнают (а как правило сохранить это в тайне в небольшом селеении сложно), где проводят ночь жених и невеста, друзья стараются выкрасть жениха, подслушивают, мешают, катают по крыше каток для трамбования глинобитной крыши¹⁹. При этом кто из друзей подондет к «брачному дому» последним, должен угостить чем-нибудь (конфетами, яйцами, орехами) пришедших раньше него.

Рано утром невесту приводят в дом жениха две подружки, этим девушкам мать жениха обычно дает небольшие подарки. Затем приходит жених. К 10 часам вновь начинают играть музыканты. И невесту и жениха выводят на площадку, где танцуют люди. Сажает невесту за небольшой стол в одном углу площадки, рядом садятся подружки. В другом углу за стол садится жених с друзьями. При этом на столе у невесты стоят сладости, а перед женихом ставят обрядовое дерево. Один из друзей следит, чтобы гости ничего не сняли с дерева, иначе придется отдать его «вору» и срочно сделать новое.

Первым на танец невесту поднимает тамада свадьбы (*лъаралъан*), затем родственники, друзья. Последними танцуют жених с невестой. Во время танца их обсыпают конфетами (в старину обсыпали морковью, стреляли). Мать жениха останавливает их, дарит невесте за танец отрез или кладет ей на голову деньги. Тут

¹⁴ Матрацы у хваршии были шерстяные, и чехлом для них служили нарядные более тонкие паласы.

¹⁵ *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX—нач. XX в. С. 231; *Лугуев С. А.* Свадьба и свадебные обряды ахвацев // Брак и свадебные обычаи народов Дагестана в XIX—XX в. Махачкала, 1986. С. 55.

¹⁶ Почти у всех народов существовал обычай, согласно которому представители невесты не разрешали всестри ее в дом без особого за это вознаграждения. См.: *Амиров Г.* Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ. Вып. VII. С. 31; *Николевская З. А.* Свадебные и родильные обряды аварцев Кахибского района // СЭ. 1946. № 2. С. 193; *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана... С. 234—235; *Алимова Б. М.* К проблеме традиций и инноваций в кумыкской свадьбе (по материалам экспедиций в кумыкские районы республики) // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX в. Махачкала, 1977. С. 106.

¹⁷ Обряд угощения невесты медом общераспространен на Кавказе. См.: *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана... С. 236.

¹⁸ В прошлом между женихом и невестой происходила борьба. Невесте заранее плели прочный гашик (*гешаца*), который туго стягивался на бедрах и завязывался прочными узлами.

¹⁹ В старину у хваршии каток возили по крыше при беспелли жениха, а если это не помогало, совершали обряд *кушаха* — ставили каток вертикально и обвязывали его красным кушаком (обязательным элементом женского костюма). См.: *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана... С. 245.

же подходят близкие родственницы и тоже делают ей подарки. Затем в круг выходит тамада, благодарит всех присутствующих за помощь и участие, желает счастья и благополучия молодой семье и их будущим потомкам. На этом свадебный цикл заканчивается.

Заключительными обрядами свадебного цикла являются по традиции вывод невесты за водой²⁰ и приглашение в дом ее родителей²¹. Эти обряды проводились обычно через 3—4 дня, теперь же из-за сокращения сроков проведения свадеб родители невесты приглашают жениха с родней в гости вечером после свадьбы, где происходит взаимное одаривание. В понедельник утром невеста отправляется нарядно одетая, с красивым кувшином, в сопровождении подруг за водой. При этом по дороге раздают встречным конфеты. Обрядом «вывод невесты за водой» (*бахларай магьбол ехъа*) завершается весь свадебный цикл и невеста сразу приобщается к хозяйству.

По традиции молодой семье выделяют хотя бы отдельную комнату, если не было возможности выстроить новый дом или сделать пристройку к старому.

Описанный выше свадебный цикл хваршин позволяет отметить, что в процессе развития общества происходила постепенная перестройка старых обычаев и традиций, социалистическая действительность внесла определенные коррективы во многие элементы свадебной обрядности, и изменения эти происходили в направлении утраты и трансформации отдельных элементов, в первую очередь, не отвечающих новым условиям быта. Например, сватовство больше носит относительно формальный характер, поскольку возрастающий образовательный уровень, увеличивающиеся возможности проведения досуга, свободного времени, совместная работа, связь с переселенцами на равнине, т. е. весь комплекс преобразования быта и культуры хваршин увеличили возможность знакомства будущих жениха и невесты²²; сваты идут в дом девушки переговорить с ее родителями чаще всего о том, что уже решено между молодыми людьми. Изменились сроки

между сватовством и свадьбой. Этот процесс идет в двух направлениях — в одном случае (в 17 из 28 опрошенных семей в разных селах) сроки между сватовством и свадьбой сокращаются буквально до 1—2 месяцев. Это связано с тем, что молодой человек предпочитает жениться уже пройдя службу в рядах Советской Армии и, может быть, имея в руках диплом об образовании и т. д., т. е. его и его родителей в какой-то мере подгоняет возраст жениха. К тому же он вполне в состоянии прокормить семью. В отдельных случаях (в 11 из 28 опрошенных) родители да и сам молодой человек предпочитают пройти все этапы подготовки к самостоятельной жизни, предварительно сосватав невесту, т. е. в этом случае между сватовством и свадьбой проходит срок от 2 до 5 лет — традиционный срок 1—2 года колеблется, образуя два полюса. Сократились также сроки проведения свадьбы²³. Если прежде она проходила 3—4 дня, то сейчас празднуется не более двух дней (обычно субботу и воскресенье), т. е. свадьба и все послесвадебные мероприятия устраиваются в тот же день. Это в определенной мере и сдвиг в представлениях — ведь удачным днем для привода в дом невесты считался четверг. Широкое одаривание молодых на свадьбе, приданое и подарки невесте от жениха — вполне традиционное явление, но количество и качество подарков, состав и стоимость приданого значительно изменились. В составе приданого появились предметы современного городского быта.

Итак, для современной свадебной обрядности хваршин характерно: сохранение трех этапов свадебного цикла, а также обрядовой стороны свадьбы с потерей прежней смысловой нагрузки, т. е. восприятие отдельных архаических элементов свадебной обрядности в качестве игровых, зрелищных моментов (закидывание яйцами невесты, брачная ночь в «тайном» доме, обряды *решуша*, *кушаха* и т. д.); изменение традиций под влиянием материального благосостояния жителей сел, а также под влиянием городского быта (качественное и количественное изменение подарков и приданого; использование автомобиля при перевозке невесты, изменение одежды невесты и т. д.); сосуществование традиционных и абсолютно новых явлений (*махъар* и регистрация брака в сельском Совете, традиционная и современная, записанная на магнитофон, музыка на свадьбе).

Таким образом, весь современный свадебный цикл хваршин представляет собой переплетение традиционных, новых и смешанных форм, т. е. синтез традиции и инноваций.

²³ Булатова А. Г. Современный свадебный обряд переселенцев. С. 76

²⁰ Чирсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 139; Алимова Б. М. Брак и свадебные обряды у табасаранцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана. С. 44; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 109—110.

²¹ Кратковременный визит повобратных в дом родителей невесты в традиционной свадебной обрядности отмечен многими исследователями. См.: Булатова А. Г. Свадьба лакцев в XIX—XX вв. С. 18; Сергеева Г. А. Брак и свадьба у народов Дагестана // КСНЭ. 1959. Вып. 32. С. 36; Луцнев С. А. Указ. соч. С. 59. М. О. Косвен это явление, названное обычаем «возвращения домой», определил как пережиток перехода от матрилокального поселения к патрилокальному. См.: Косвен М. О. Обычай возвращения домой (Из истории брака) // КСНЭ. 1949. 1.

²² Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. Гл. 10. С. 431, 441; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 190; Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 41; Булатова А. Г. Современный свадебный обряд переселенцев. // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. С. 73; Алимова Б. М. К проблеме традиций и инноваций в кумыкской свадьбе (по материалам экспедиций в кумыкские районы республики). Там же. С. 109.

Э. Ф. КИСРИЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ДАГЕСТАНСКАЯ СВАДЬБА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ РИТУАЛА

Современная интенсивно развивающаяся реальность, ускорение ритма жизни, усложнение общественных отношений приводят ко все более пристальному вниманию общественного сознания к содержанию наших обычаев и обрядов¹, к смыслу, который несут те или иные традиции. Это внимание вызвано не только тем, что динамика жизни и концентрация человеческих взаимодействий все чаще и чаще ставят нас перед необходимостью исполнения той или иной обрядовой деятельности, но и тем, что эти обряды становятся все более и более неопределенными и многообразными. Кроме того, в настоящее время отчетливо наблюдается изменение отношения современного человека к некоторым обрядам: от внутренней потребности в его реализации к представлению о нем как об обременительном социальном диктате.

В данной статье предметом обсуждения будет современная свадьба в Дагестане. Мы не ставили перед собой задачу этнографического описания современного свадебного обряда и процедуры проведения свадеб. Наши задачи более ограничены.

«С конвертом на свадьбу» — под такой рубрикой длительное время, начиная со второй половины 1984 г., на страницах газеты «Дагестанская правда» шло обсуждение проблем, связанных с установившимися у нас формами проведения свадеб. Количество писем от читателей, немалое число которых было опубликовано в газете, и главное, их содержание свидетельствуют о том, что поднятые вопросы составляют в целом действительно общественную проблему. Единодушное осуждение распространенной практики проведения свадеб, которое было обнаружено на страницах газеты и в многочисленных неопубликованных письмах, делает актуальным научное изучение данного феномена и разработку практических рекомендаций по данному вопросу.

Началом обсуждения послужило опубликованное в газете письмо ветерана труда и войны из г. Хасавюрта М. Салаватова.

¹ Мы намеренно оставляем в стороне «проблемы» определения и соотношения понятий «традиция», «обычай», «обряд», «ритуал», «церемониал» и т. п. В данном случае в этом нет необходимости, и из самого контекста будет ясно, что мы имеем в виду.

«Упоминание о свадьбе — радостном и торжественном ритуале — бросает нынче в дрожь каждого хасавюртовца, — пишет ветеран. —словно pistolетное дуло к груди протягивается рука с пригласительным билетом. Отказаться нельзя — позор. И идет человек на свадьбу к другому человеку, хотя связывает их знакомство, прямо скажу, шапочное. И несет он в конверте на свадьбу 25—30, а то и более рублей. В качестве «подарка». Эта сумма определена для подношения малознакомому человеку, сумевшему, однако, вручить свой пригласительный билет. А уж если речь идет о мало-мальском родстве, тогда меньше, чем сотней рублей, не обойтись. Таков расход, если окажется в конце недели один пригласительный билет. А если три или пять? Лето — урожайная пора на свадьбы. И не нужно в этой связи пользоваться микрокалькулятором, чтобы подсчитать, во сколько обходится среднему хасавюртовцу исполнение придуманного себе на беду ритуала...»². В письме подняты не только эти вопросы. Ветеран коснулся большого круга проблем, связанных с современным браком.

Это письмо вызвало широкий резонанс во всех слоях дагестанской общественности. В общей сложности было опубликовано 34 письма, три корреспондентские публикации и один «круглый стол». Кроме того, в процессе изучения этих материалов удалось ознакомиться еще с 39 письмами в редакцию газеты со всех концов Дагестана от лиц различного возраста и профессии. Сопоставление опубликованных материалов с теми, которые не попали на страницы, не выявило никаких значимых различий между ними по рассматриваемым вопросам. Поэтому все они, в конце концов, были объединены в один массив, состоящий из 77 единиц корреспонденций разной величины, посвященных наиболее проблематичным вопросам современного брака и свадьбы в Дагестане.

Этот материал представляет собой ценный источник для социологического исследования, поскольку он состоит из человеческих документов, содержание которых сконцентрировано вокруг ограниченного предмета и дает большую «плотность» фактических сведений, общественных представлений, оценок и ориентаций. Для организации и группировки рассматриваемых текстов в свете исследовательских задач использовались процедуры контент-анализа — социологического метода строгого формализованного анализа содержания письменных материалов. Кроме того, в качестве вспомогательного метода проводилось интервьюирование лиц по исследуемому кругу вопросов.

Исследование ставило перед собой следующие задачи: выделить и систематизировать темы, факты и нормативные представления о проблемах современной свадебной процедуры, высказанные в письмах и обсуждениях; попытаться определить с помощью системного анализа направления практического решения данных проблем.

² Даг. правда. 1984, 5 сент.

Анализ содержания материала позволил выделить в общей сложности 11 тем, которые обсуждались читателями в связи с письмом ветерана. В 77 единицах корреспонденции их встречалось от 1 до 8. Следующая таблица показывает, какие темы обсуждались в корреспонденциях и как распределялись они по числу обращений к ним читателей.

Темы	Число обращений	Процент
Число приглашенных	51	27,5
Денежные подарки	35	18,8
Излишества застолья	24	12,9
Калым	22	11,8
Музыкальное оформление свадьбы	21	11,4
Количество свадебных дней	13	7,0
Брак по «шариату»	7	3,7
Брак по решению родителей	6	3,2
Время года для проведения свадьбы	3	1,6
Кража невесты	3	1,6
Эндогамия	1	0,5
Итого	186	100

Эти числовые показатели могут в самом общем виде отражать степень актуальности проблем, связанных с браком в нашей республике. Каждая из них заслуживает специального изучения. Нас в данной статье будет интересовать, как уже было сказано, более узкий круг тем, относящихся непосредственно к свадебной процедуре и связанных с ней отношений между людьми.

Шесть тем, которые непосредственно касаются свадебной процедуры, встречались на газетных полосах при обсуждении и в письмах, полученных редакцией, 147 раз, что составляет около 80% всех единиц счета. Проблемная значимость может быть отражена также с помощью их процентного соотношения между собой.

Это следующий круг тем:

1	2	3
Число приглашенных на свадьбу	51	34,7%
Денежные подарки	35	23,8%
Излишества застолья	24	16,4%
Музыкальное оформление свадьбы	21	14,3%
Количество свадебных дней	13	8,8%
Время года для проведения свадьбы	3	2,0%
Итого	147	100%

Основное содержание проблемы в наиболее общем виде состоит в том, что, как правило, свадьбы в Дагестане утратили свою функцию праздника и превратились в обременительное мероприятие и для устроителей и виновников торжества, и для всех приглашенных. Серьезную озабоченность вызывает не только материальное бремя. Многие элементы современной свадьбы вступают в серьезные противоречия с моральными и эстетическими представлениями современного человека, оказываются источником многочисленных конфликтов между близкими людьми, усложняют отношения между знакомыми.

Обратимся к конкретному материалу по данным шести темам, которые в целом описывают нам «синдром болезни» этого важного в жизни любой семьи ритуала.

Количество приглашенных, которое по данным писем часто составляет 300 человек, а иногда достигает и большего числа (до 600 человек), — одна из самых «больных» тем. Вот характерный пример свадьбы в небольшом горном ауле Южного Дагестана. В селе 80 семей. На свадьбу приглашаются все «дома» данного аула. Кроме того, заранее рассылаются приглашения во многие соседние аулы, где неизбежно есть кунаки и лица, у которых побывал в свое время теперешний устроитель. Тот, кто приглашен на свадьбу, обязан присутствовать, в противном случае считается, что семье нанесено серьезное оскорбление. С другой стороны, неприглашение кого-либо, кто «мог бы быть приглашен», в свою очередь, также расценивается как оскорбление. Мероприятия, проводимые с таким размахом, требуют серьезных организационных нововведений. «Хозяин свадьбы» собирает своих аульских родственников за неделю до свадьбы, организует обильное угощение и «раздает всем небольшие листочки бумаги, где написаны имена приглашаемых» из других мест. Эти листочки являются поручениями содержать во время свадьбы у себя дома в течение 2—3 дней от 3 до 8 гостей, приглашенных на свадьбу с других мест.

Другой характерный пример относится к большому селению в предгорной зоне. В нем население составляет более 5 тысяч человек. Пригласить всех нет никакой возможности. Требуется очень сложный отбор гостей на свадьбу, который, как правило, приводит к трениям между родственниками, соседями и односельчанами.

Оповестить такое большое количество гостей очень трудно. Для этого теперь приглашения вручаются лично в виде открытки, в которой указаны имена и фамилии приглашаемых, место и время проведения свадьбы. В городах зачастую заказывают специально в типографии текст приглашения, в который нужно лишь вписать от руки фамилии и имена приглашаемых. Порой заказывается до 500 и 1000 пригласительных билетов. Тщательно готовятся списки приглашаемых и их адреса, серьезное внимание уделяется их доставке адресатам. Наблюдается уже и такое новое явление, как получение «комиссионных» за разнос приглашений по адресам.

Приглашается, как правило, больше, чем можно уместить за столом. Образуется, таким образом, поток, при котором по очереди обслуживаются на одном и том же месте несколько человек. Ранее пришедшие вынуждены часто уступать место или пересаживаться на другие места, освобождая их для вновь пришедших. Стало хорошим тоном не засиживаться на свадьбах. Цель приглашенного состоит в том, чтобы внести подарок, дать себя обслужить, испробовать угощения, поздравить виновников торжества и близких родственников, станцевать танец «для приличия» и уйти, не засиживаясь долго.

По опросам и газетным материалам можно только приблизительно определить, сколько раз в год взрослому человеку у нас в Дагестане приходится участвовать на свадьбе. В сельской местности чаще, чем в городе. В маленьких городах больше, чем в больших. В Махачкале — в среднем 2—3 раза, в сельской местности — до 10 раз в год.

Денежные подарки также одна из наиболее обсуждаемых тем. Не случайно вся дискуссия в газете проходила под рубрикой «С конвертом на свадьбу». По материалам писем в настоящее время денежный «подарок» составляет для «рядового» приглашенного 20—30 руб. Еще 10—15 лет назад эта сумма составляла 10 рублей. Для родственников эта сумма намного выше. Иногда гость и с 50 рублями в конверте, как пишет один корреспондент, «чувствует себя даровком». Сейчас деньги, вложенные в конверт с надписью дарителя, являются самым распространенным видом «подарка» молодоженам. Придя на свадьбу, вы вручаете конверт близкому родственнику, самим молодым или их родителям. Часто для приема «подарков» уполномачиваются специально доверенные люди. Такой способ вручения «подарка» сохраняет еще элементы неформального, спонтанного в процедуре поздравления. Однако значение денежных средств в проведении данного «предприятия» (а оно действительно становится сложным и дорогостоящим) требует приведения этой процедуры к более «организованным», более жестко установленным формам. Так, сейчас, придя на свадьбу, вы скорее всего столкнетесь с такой, например, процедурой: вам надо будет посетить комнату, где несколько человек примут у вас деньги и зарегистрируют в специальных ведомостях сумму и ее предъявителя. Эти ведомости в последующем анализируются, сопоставляются, сводятся с другими и тщательно хранятся в семьях, поскольку являются расчетными счетами, отражающими «должников» и «кредиторов».

Этот «организованный» способ «приема-сдачи» подарка молодым на свадьбу возник не так давно в равнинных сельских районах и городах. Сейчас он в разнообразных модификациях проникает в горные аулы часто как неожиданное нововведение, вызывая внутреннее сопротивление сельчан, но, вместе с тем, покорное исполнение. «Как-то на одной свадьбе в нашем селе вдруг всем неожиданно раздали конверты, чтобы все вложили туда деньги для подарка», — пишет в редакцию один сельский учитель. Можно

утверждать, что посетители этой свадьбы наблюдали у себя случай введения у них «культурной» новации. Какая реакция должна следовать в случаях, когда в устоявшуюся ритуальную структуру вносится совершенно новый и незнакомый элемент? В условиях традиционного общественного уклада это было бы невозможно. Любое подобное новшество было бы отвергнуто с порога. Точнее, введение нового элемента в структуру ритуала, да еще такого, который радикально воздействует на всю его смысловую систему, не пришло бы в голову. В настоящее время новации в ритуальной деятельности определяют структуру ритуала. Традиционное, как правило, существенно изменяется. Современная ритуальная деятельность функционирует не вследствие воспроизводства действительных традиций прошлого, а вследствие, с одной стороны, активного индивидуального обрядотворчества, а с другой стороны — послушного исполнения ритуальных действий всеми лицами, оказавшимися задействованными в этом обряде. Утрата традиционных механизмов сохранения и воспроизводства традиции в ритуальной деятельности приводит к активному и безудержному «творчеству» в этой области. А значительные слои пережиточного традиционного сознания (социальный конформизм, эгалитаризм, демонстрационное поведение) в сочетании с указанной тенденцией к индивидуальному «творчеству» порождают псевдообычай и псевдотрадиции, которые, с одной стороны, вызывают внутреннее сопротивление, неприятие, а с другой — действуют с таким «авторитетом», как будто бы это освященные временем устоявшиеся народные традиции.

Примером эксплуатации неразвитого традиционистского сознания в целях, далеких от ценностей традиционного общества, может служить следующий ритуал, который с незначительными вариантами приводится в нескольких письмах. В разгаре свадебного пиршества появляются у столов несколько человек: «один пицарь (крикун), другой «кассир» с подносом конфет...» Выкрикивая фамилию гостя, он вручает ему конфету, а взамен получает от него деньги и тут же объявляет количество этих денег всем присутствующим. Под бурную реакцию всех присутствующих процессия продвигается от одного гостя к следующему и т. д.

Такая эволюция свадебного ритуала, его незащищенность от произвольных и эгоистических новаций обнаруживает тенденцию к росту негативных обременительных форм в его структуре. Свадебный ритуал легко превращается в финансовое предприятие, враждебное естественным человеческим чувствам и ценностям. Он оказывается послушным голому расчету, цинизму, а часто и простому нахальству. Эксплуатируется элементарная порядочность большинства, в том числе и желание следовать позитивным традиционным ценностям народной культуры.

Количество приглашаемых и рост денежных «подарков» тесно переплетены с такой особенностью современной свадьбы, как излишества застолья. Общая сумма расходов на проведение свадьбы по материалам писем варьирует от 5—7 до 12—15 тысяч рублей.

Большое количество расходов приходится на приобретение спиртных напитков. В письмах приводились суммы на покупку водки и других спиртных напитков — от 2—3 до 5 тысяч рублей. Ориентировочно доля расходов на спиртное в общем объеме расходов на угощение приближается к 50%.

Для того чтобы организовать пиришествво впечатляющих размеров, при известной нехватке продовольственных товаров приходится не только потратить значительные денежные средства, но и привлечь большое количество людей. В этом деле важную роль играют различные услуги тех или иных должностных лиц. Для получения дефицитных продуктов и других услуг человеку приходится вступать в определенные доверительные отношения, связывающие людей различными видами моральной признательности.

Рост свадебного подарка подстегивает роскошь пиришествия, и наоборот. Кроме того, величина и роскошь в глазах устроителей как бы подчеркивают серьезность отношения к браку со стороны молодых и их близких. Скромная свадьба в глазах «общественного мнения» может быть истолкована как результат негативного отношения к образующемуся союзу со стороны близких, как к чему-то вынужденному и недолговечному.

Пышность и излишества проведения свадьбы также не являются пережитком прошлого традиционного общества. В прежние времена свадьбы проводились, с точки зрения материальных затрат, в строго ограниченных традицией пределах и путем общественной взаимопомощи. Излишества современной дагестанской свадьбы — это продукт новейшего времени. Вместе с тем, причины подобного нездорового развития лежат в пережитках, но не структур традиций, а в пережитках определенных структур общественного сознания. Пережитки традиционного сознания у современного человека чрезвычайно трудно выделить в чистом виде. Часто традиционные представления, ценности и ориентации тесно вилетаются в современные структуры жизни и становятся причиной неведотрадиционных нововведений, которых не было и не могло быть в прошлом. Нововведения, как известно, не могут быть названы «пережитками» в строгом смысле слова. Между тем диалектика знаковых структур деятельности и систем их значений (смыслов), которые эти структуры несут, позволяет утверждать, что в основе появления и развития многих обрядовых нововведений лежат пережитки, а именно — структуры пережиточного сознания.

Традиционное сознание ориентируется на авторитет обыденных представлений и прецеденты, которые обнаруживает вокруг себя. Так, при организации свадьбы необходимой основой действий оказывается то, как эта свадьба происходила у других. Ориентируясь на такой общепринятый вариант люди стараются, кроме того, сделать по возможности лучше, чем у других. Сочетание этих двух ценностных ориентаций традиционного сознания «делай, как другие» и «по возможности лучше, чем другие» — приводит в совре-

менных условиях к неудержимому росту всех параметров свадебных торжеств.

«После свадьбы с ужасом смотришь на остатки пиришествия, выброшенные килограммы продуктов...» — пишет читатель. Такое нерациональное использование продуктов также ложится бессмысленным бременем на всех. Материальные и моральные потери от этого несет и общество в целом, и молодая семья, и все приглашенные на свадьбу.

К числу проблемных тем, которым уделили в своих письмах внимание читатели «Дагестанской правды», относятся также темы количества свадебных дней и время года для проведения свадьбы. Следует отметить, что эти проблемы менее остры, чем те, которые были выше уже рассмотрены.

Время года для проведения свадьбы было упомянуто всего в трех корреспонденциях (2%). Очевидно, это отражает степень актуальности данной проблемы. Свадьбы проводятся у нас главным образом в конце лета и осенью. В письмах, которые коснулись этой проблемы, указывается на то, что свадьбы устраиваются в уборочную страду, что негативно отражается на производственных показателях.

Количество свадебных дней 13 раз встречалась в письмах как проблемная тема. Острота данной темы также незначительна. Наблюдается ослабление проблемного характера данной характеристики свадебного ритуала. Если в прошлом свадьба на селе продолжалась 4—5 дней, то теперь, как правило, 2 дня. Обнаруживается тенденция к тому, что в сельской местности, так же как и в городах, свадьба будет проводиться в один день. Здесь тенденции обнаруживают, в противоположность трем вышеназванным, позитивную направленность.

Серьезную озабоченность общественности вызывает музыкальное сопровождение свадеб. Характерно, что только в одном письме указывается, что современное музыкальное сопровождение лучше, чем раньше, и полностью удовлетворяет современным эстетическим потребностям.

Современное музыкальное сопровождение на свадьбах, пишут читатели, сближается с музыкальным обслуживанием в ресторанах. Беззастенчивое обогащение музыкантов, низкий эстетический уровень музыки, ее чуждость национальным музыкальным традициям вызывают в целом негативное отношение к музыкальному сопровождению на современной свадьбе. Отчетливо обнаруживается желание слушать национальную музыку на традиционных музыкальных инструментах. Однако традиционных народных исполнителей становится все меньше и меньше.

В письмах приводятся примеры, когда заработка музыкантов на свадьбе достигают 700—800 рублей. Часто играют только по оплачиваемому каждому раз заказу. Все это в сочетании с эстрадностью и ресторанностью не может не оставлять у многих гостей тягостное впечатление.

Таковы в целом шесть основных тем, касающихся современного

свадебного ритуала, которые были затронуты в обсуждении на страницах газеты, в письмах в редакцию. Эти темы, по-видимому, отражают в совокупности «синдром» проблем современной дагестанской свадьбы.

Такое единодушное осуждение указанных тенденций в развитии свадебного ритуала обусловлено осознанием обременительности его исполнения, увеличением неудовлетворенности всех сторон, участвующих в его отправлении. О порочности указанных тенденций свидетельствуют конфликтные ситуации и обиды, о которых пишут люди в своих письмах. Бремя сложных финансовых обязательств, сеть обременительных услуг, всегда сопряженных с такими свадьбами, увеличивают возможность конфликтных ситуаций. Легко развивается тяжелая моральная обстановка, насыщенная ссорами и взаимными обвинениями.

«Обременительность» большинства принятых в обществе обычаев и обрядов общезвестна. В этом нет ничего удивительного: следование социальным нормам всегда сопряжено с определенными ограничениями в поведении, тратой энергии, времени и денег, значение которых в современных условиях постоянно возрастает. Однако в большинстве случаев представления людей о подобающем поведении не расходятся с их представлениями о правильном поведении. Исполнение ожиданий, связанных с установленными в обществе обычаями и влекущих определенные личные неудобства, всегда вызывают уважение, окружено моральным поощрением в общественном мнении.

В рассматриваемой нами тенденции развития свадебного ритуала мы наблюдаем, что представления о подобающем поведении резко расходятся с представлениями о правильном поведении. В одном из писем, пришедших в редакцию газеты, жители горного селения рассказывают о своем народном певце, сельском ашуге Ярмете. Он в своих песнях осмеивает вредные традиции и призывает односельчан навсегда отказаться от всех пережитков. Есть у него песни и о нелепостях «современной» свадьбы, о которых мы говорили. «Но толку нет» — пишут в письме жители этого села. Песни народного певца, отражающие общественные представления, не достигают цели.

Здесь мы сталкиваемся с чрезвычайно интересным феноменом: мнения людей противоположны тому реальному поведению, которое они сами добровольно выбирают. Всеобщее недовольство установившимся обрядом сочетается с неспособностью индивидов противостоять ему. Псевдотрадиция обретает власть над людьми, хотя ее собственное существование целиком зависит от индивидуальных решений лиц, участвующих в этом ритуальном действии. В своих письмах люди критикуют и отвергают установившиеся образцы действий и, вместе с тем, призывая всех к отказу от них, сами не находят в себе силы отказаться от следования им. Псевдотрадиция обретает силу морального диктата — в тех случаях, когда в общественном сознании представления о подобающем и правильном диаметрально расходятся. В таких случаях отправление

обычаев утрачивает конструктивный характер и становится деконструктивным, злокачественным.

Объяснение этого феномена мы не можем построить на представлениях о «силе традиций», поскольку такой традиции не было. Современный свадебный ритуал возник на глазах одного поколения. Любой обычай существует поскольку существуют люди, которые согласны его исполнять. В своих письмах люди негодуют на формы современной свадьбы, не жалеют краски для описания этого «нелепого, утомительного и шипящего зрелища». Они предлагают запретить его законодательным путем, организацией сельского схода, наказанием лиц, организующих подобные свадьбы и т. п. Между тем, ни в одном письме не было сказано, что он (автор письма) игнорирует эти «нелепые формы»: не ходит на свадьбы к мало знакомым людям, получая приглашения на них, делает подарки исходя из собственных представлений и вопреки моральному давлению установившегося порочного правила и т. д. В ряде писем и журналистских сообщений в газету описывается, как сразу после единодушного принятия сельским сходом различных ограничений, способствующих обузданию тех или иных свадебных излишеств, эти решения при первых же испытаниях повсеместно нарушались. Моральный диктат псевдотрадиции оказывается сильнее всех решений, принятых добровольно сельским сходом.

Одна корреспонденция в газете под названием «Два намуса» хорошо описывает механизм такого амбивалентного поведения: с одной стороны, всеобщее негодование вредным обычаем, а с другой, — поголовное следование его нормам. Сельское общество решило опереться на решения общего схода, заручиться как бы круговой порукой. Сход решил «отменить вредные обряды с 15 апреля». Однако уже 18 апреля случилось так, что жителям этого селения необходимо было решать сложный вопрос: следовать принятым на сходе решениям или же подчиниться никем не принятым, но общепринятым уродливым и обременительным обычаям. Оказалось, что все село нарушило решение своего же схода. Ничего не изменил сход в жизни села, ничем не облегчил неблагоприятного положения, в которое попали жители. «Все как было, так и осталось», — пишется в этой корреспонденции.

В основе всех проблем, с которыми приходится сталкиваться людям, всегда лежит определенное объективное положение дел. Однако последнее само по себе еще не проблема. Действительная социальная проблема не существует вне некоторого оценочного отношения: проблема есть всегда проблема «для кого-то». «Субъективная составляющая проблемы — не просто сторона, аспект, наряду с объективной, а некоторый механизм, который и придает противоречию статус социальной проблемы»³.

³ Коржева Э. М., Наумова Н. В., Сазанов Б. В. Социологическая интерпретация понятия «проблема» в системных исследованиях // Системные исследования: Методол. пробл. Ежегодник, 1985. М., 1986. С. 33.

Для осуществления практических действий по изменению указанных негативных тенденций необходим анализ социальных представлений, мнений людей о данном предмете. Проблема может быть осмыслена в том случае, если выявлены оценки данного процесса и нормативные представления людей о подобающих формах свадебного ритуала. Проблема, которая требует практического разрешения, должна быть представлена как промежуток между действительным положением дел и желательным, приемлемым (т. е. нормативным) состоянием. Для этого необходимо уяснить, какая свадьба представляется в общественном мнении подобающей, каковы нормативные представления современных людей о свадебном ритуале.

Анализ содержания писем позволил выявить три типологических образа свадьбы в представлении их авторов.

1. Образ «традиционной свадьбы». Это свадьба, какой она «была раньше» (25 и более лет назад).

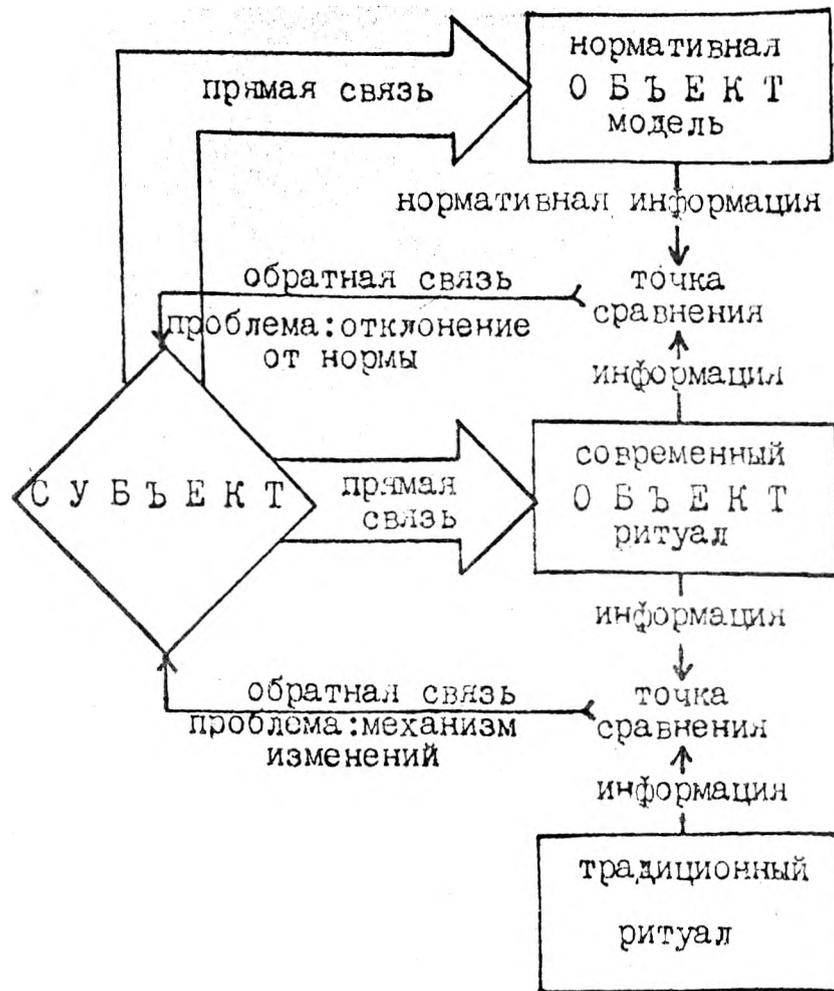
2. Образ современной свадьбы — основной объект критического обсуждения.

3. Образ нормативной свадьбы. Имеется в виду эталон, отражающий представления людей о том, какой должна быть, по их мнению, современная свадьба.

Организация материала по этим трем конструированным типам свадьбы дает возможность системного анализа проблемы в целях определения стратегии ее практического разрешения. На представленной блок-схеме отражены основные параметры системы, состоящей из четырех блоков. Система представляет собой прежде всего единство двух подсистем: объекта управления (и исследования), в данном случае — современного свадебного ритуала и субъекта управления, осуществляющего сознательное воздействие на объект (свадебный ритуал) с целью достижения оптимального его отправления. Мы объединяем в одном блоке функцию исследования и управления объектом в целях упрощения рассматриваемой системы. В действительности эти функции, как правило, осуществляют отдельно: первую — ученые, вторую — руководители соответствующих организаций. Взаимоотношения между ними сами могут стать объектом пристального системного анализа. Мы не ставили перед собой этих задач, поэтому субъекты управления и исследования представлены у нас в одном едином блоке изображенном в виде ромба.

Помимо объекта управления (современного свадебного ритуала) в соответствии с выделенными нами тремя типологическими образами свадебного ритуала на схеме выделено еще два самостоятельных блока: нормативная модель свадебного ритуала и традиционная модель свадебного ритуала. Стрелки обозначают потоки информации, а две широкие стрелки указывают направление целевого воздействия.

Представление о современном свадебном ритуале (объекте управления), состоящее из набора критических характеристик, которые мы уже рассмотрели в данной статье, отличается цель-



Блок-схема

решения проблем современного ритуала



ностью и единодушием всех принявших участие в обсуждении. Выделенные образы традиционной и нормативной свадьбы дают важный дополнительный материал для осмысления данной проблемы и поиска путей ее практического разрешения.

Нормативная модель является необходимым элементом любой системы управления. Эта необходимость обусловлена тем, что во первых, только сравнение действительного объекта управления с эталоном (т. е. нормативной моделью) вскрывает содержание проблемы, требующей решения. Социальной проблемой всегда является оценка данного явления, исходящая из внешнего критерия. Во-вторых, нормативная модель является целью и тем самым определяет направление сознательного воздействия на проблемный объект. И, наконец, нормативная модель служит тем ориентиром, сравнение с которым изменяющегося под воздействием сознательных усилий объекта позволяет путем обратной связи осуществлять контроль за эффективностью социальной политики по решению данной проблемы.

Нормативный образ свадьбы, складывающийся по материалам обсуждения на страницах газеты и в письмах, поступивших в редакцию, в отличие от образа современной свадьбы, не отличается единодушием и цельностью. Все многообразие нормативных представлений может быть сгруппировано по двум основным типам: 1) свадьба — это семейный праздник в узком кругу близких родственников и друзей; 2) свадьба — это широкое общественное мероприятие с участием трудового или учебного коллектива, широкой общественности, но специально разработанному сценарию.

Большинство авторов писем придерживается первого нормативного типа свадьбы. Они считают, что свадьба сейчас должна быть ограничена только узким кругом близких людей. «Свадьба — это торжественный и радостный семейный праздник, поэтому нужно отмечать его сугубо по-семейному». «Круг участников... не должен быть велик. Достаточно ограничиться своими родственниками, самыми близкими к этой семье приятелями, лучшими товарищами виновников торжества». «Тот круг лиц, который занят организацией свадьбы и ее проведением, те лица, которые не знают покоя на свадьбе, занимаясь, заботясь о ее успешном прохождении, — именно они и только они должны сидеть за свадебным столом в узком кругу вместе с молодоженами. Эти люди должны составлять круг приглашенных» — пишут в своих письмах читатели.

Другая модель нормативной свадьбы представлена главным образом в письмах различных ответственных работников районного масштаба: их число незначительно, но мнение зачастую определяющее. По мнению приверженцев свадьбы как общественного мероприятия, необходимо проводить ее во дворцах культуры или актовом зале предприятий, привлекать руководство сел, районов, предприятий, партийные, профсоюзные и комсомольские организации, с вручением ключей от квартиры, речами, художественной самодеятельностью.

Отсутствие единого мнения относительно нормативной модели

является существенным препятствием в осуществлении целенаправленных усилий по разрешению рассматриваемых проблем. Для успешной, целенаправленной социальной политики в области обрядовой деятельности необходимо иметь четкое и реалистичное представление о нормативной модели того или иного обряда или ритуала. Нормативная модель должна учитывать тенденции ценностных ориентаций населения, складывающееся общественное мнение, соответствовать современным социальным отношениям и социальной инфраструктуре.

Нормативная модель свадьбы как широкого общественного мероприятия имеет ряд существенных пороков. Она не может быть осуществлена во всех случаях уже только по чисто организационным причинам. Она несет характер, показухи, «образцового примера», который вместе с тем, нельзя взять за образец для всех. Данная модель несет печать бюрократической, оторванной от реальных проблем и запросов простых людей внешне эффективной схемы. Организация таких свадеб по сути дела становится идеологическим мероприятием «для галочки», долженствующим демонстрировать работу идеологических органов. Массовое использование такого свадебного ритуала нереально. Вся конструкция утопична, оторвана от жизни.

Образ традиционной свадьбы, выделенный из писем, дает немалую информацию о рассматриваемых проблемах. Прежде всего этот образ, так же как и образ современной свадьбы, отличается единодушием и цельностью, только с переменной знака минус на плюс.

Единодушию подчеркивается необременительность традиционной свадьбы, ее простота, этнический колорит, соответствие всех ее компонентов ожиданиям участников. Этот образ, как правило, противопоставляется современной свадьбе и как бы подчеркивает ее негативные тенденции.

Следует отметить, прежде всего, идеализированность данного образа. Реалистичский образец традиционной свадьбы прошлого вряд ли привлек бы кого-либо сегодня как модель для подражания. Вместе с тем сам факт идеализации и противопоставления его современным тенденциям указывает не только на неудовлетворенность настоящим положением дел, но и своеобразно отражает новую развивающуюся систему ценностей.

Так, традиционная свадьба никогда не была сугубо семейным праздником. Между тем, в большинстве мнений о прошлом свадебного ритуала подчеркивается его узко семейный характер. Читатели протестуют против того, что современный ритуал «утратил сугубо семейный характер». Таких оценок очень много. «Свадьба была всегда семейным праздником и должна оставаться такой». Это весьма характерная ошибка. Люди проецируют свои новые нормативные представления в прошлое. Протест против развивающихся негативных форм проведения свадеб, уродливых и гиперстрофированных ритуалов вызывает в памяти образ неусложненного и «простого» традиционного ритуала, где жива искренность,

неподдельное веселье и необременительная взаимопомощь. Традиции передаются из прошлого, но у современного человека они трансформируются под воздействием нынешних условий и получают новое истолкование, отражающее наши сегодняшние проблемы. Новая ценность проецируется в прошлое, срастается в сознании человека с традицией и обретает ее статус. В результате этого негативные, обременительные тенденции современного свадебного ритуала кажутся отуплением от того, что «было раньше». Отсюда желание сохранить «так как было», вернуться к чистому, не искаженному народному обычаю.

Свадьба всегда являлась широким (в рамках общины) общественным событием. Ее статус не внутрисемейного, а общего плана. Общественный характер свадебного ритуала несет в условиях традиционного общества функцию социального санкционирования нового брачного союза. В современных условиях социальная ратификация брака переходит государству — органам ЗАГСа, а сам свадебный ритуал в системе развивающегося сознания современного человека обнаруживает (но лишь в системе ценностных ориентаций) тенденцию к превращению его в узкосемейный, домашний праздник, праздник двух породившихся семей, их близких родственников и семейных друзей.

К сожалению, реальный процесс развития свадебного ритуала расходится с этой новой системой ценностей. Пережиточные структуры сознания, сохраняясь в новых условиях и вступая во взаимодействие с изменившимися материальными и социальными условиями, приводят к серьезным трансформациям структуры традиционного ритуала, но не в том направлении, в котором развиваются новые установки и ценности современного человека. Отсюда противоречие между структурой «современного» свадебного ритуала и социальными, этическими и эстетическими представлениями современного человека.

На наш взгляд, ориентация на свадьбу в узком кругу близких родственников и друзей, которая отчетливо проявилась в большинстве рассматриваемых корреспонденций и противоположна, к сожалению, действительно наблюдаемым тенденциям, является единственно правильным направлением. Эта модель нормативной свадьбы должна быть взята за ориентир в целенаправленной деятельности по решению рассматриваемых проблем.

Отсутствие единой нормативной модели уже само по себе сводит на нет попытку организованного управления тенденциями в развитии свадебного ритуала. Распространенные представления о нормативной модели современной свадьбы как широкого общественного мероприятия, показухного по своей сути, еще больше дезориентировали область социальной политики в преодолении рассмотренных негативных тенденций.

Сознательная целенаправленная деятельность в этой области должна развиваться в двух направлениях (см. направления широких стрелок на блок-схеме): во-первых, необходимо сформулировать и закреплять в общественном сознании адекватный тип

нормативной свадьбы — свадьбы в узком кругу близких родственников и друзей семьи; во-вторых, разработать конкретные мероприятия по целенаправленному воздействию на реальный свадебный ритуал, с тем чтобы он развивался в направлении, соответствующем нормативной модели.

После принятия известных решений по борьбе с пьянством и алкоголизмом в 1985 г. усилилось движение за проведение безалкогольных свадеб. Само по себе движение носит положительный характер. Однако достижение цели путем администрирования, волевых решений и «оргвыводов» приносит большой вред и новые негативные тенденции.

Непонимание природы развития ритуала, административное вмешательство в его ход приводит к разрушению явной традиции и развитию латентных, скрытых форм в отпавленном ритуале. На «безалкогольных» свадьбах в Дагестане, как впрочем, и в других местах⁴, приходится хитрить и прятаться, водку переливать в бутылки из-под минеральной воды, коньяк подавать в чайных стаканах с блюдечком. Разрастается целая система «скрытых» действий, а все участники превращаются в «заговорщиков», посвященных в «тайну».

Мы считаем, что ориентация на свадьбу в узком семейном и дружеском кругу является единственно правильной в решении всего круга вопросов, составляющих в целом «синдром» проблем современного свадебного ритуала. Все элементы этого «синдрома» получают свое естественное «излечение» при условии следования указанной ориентации.

Рассмотрим в свете данной нормативной модели три основные проблемные темы указанного «синдрома»: 1) число приглашенных, 2) денежные взносы (подарки) и 3) излишества застолья.

Если на свадьбу будут приглашены только близкие родственники и семейные друзья, то их число не может вызвать те проблемы, о которых мы говорили. По ориентировочным подсчетам, полученным с помощью опроса, в городах такой круг приглашенных составит не более 25 человек, а в сельской местности — до 50-ти и более.

В условиях праздничной встречи близких людей сами собой отпадают стрессовые ситуации. Все близкие оказываются задействованными в организации свадьбы и сами же они оказываются «потребителями» организованного ими праздничного застолья. В таком кругу возникает наилучший психологический климат общения. Близость людей, хорошее знание каждого образуют наиболее комфортную атмосферу, ощущение подлинного семейного праздника, отдыха и веселья. В такой атмосфере произносятся действительно содержательные пожелания, которые вызывают глубокий психологический отклик. Дух взаимопомощи и взаимопонимания, степень непринужденности, искреннее веселье будут соответствовать по своему положительному эмоциональному на-

каду былым традиционным свадьбам, в которых тогда принимала участие вся сельская община. В сочетании с современными материальными средствами, разумной импровизацией такая свадьба не будет оставлять тягостного впечатления, сильно обременять финансовыми и моральными обязательствами, вызывать амбивалентные чувства. Важным является также то, что в таких группах включаются иные механизмы социального контроля. Не те, которые вынуждают идти на свадьбу к малознакомому человеку и преподносить в качестве подарка свой недельный заработок. В группах близких людей действуют позитивные механизмы социального контроля, обеспечивающие сотрудничество, кооперацию и дисциплину. Важным является то, что в таких группах намного выше социальный контроль за потреблением спиртных напитков, исключаются эксцессы.

Дарить молодоженам вместо каких-либо вещей деньги — это, несомненно, современная и рациональная тенденция. Против этой тенденции самой по себе никаких возражений не было высказано. Деньги как подарок молодоженам открывают для них возможность распорядиться ими в соответствии с их проблемами, помогают им на первых порах совместной жизни. Этот обычай, который повсеместно установился в настоящее время, может быть рассмотрен вне тех уродливых форм, в которые он облекается в проблематике «конверта на свадьбу». В кругу близких людей снимаются сами собой — так же как в условиях традиционного общества — все уродливые формы морального вымогания денег, диктат выше описанных псевдотрадиций недавнего происхождения. Как только круг участников свадебного ритуала ограничивается достаточно отчетливыми пределами близких людей, утрачивается порочная соревновательность, игра амбиций, сводится на нет «демонстрационный эффект», который приводит к излишествах.

Исследование современного свадебного ритуала в Дагестане служит эмпирической основой анализа сложной проблемы функционирования традиций в современной жизни. Социальные отношения традиционного общества существенно отличаются от сложных, постоянно расширяющихся отношений современного общества. Перенос социальных институтов прошлого в современный контекст, как правило, сопровождается искажениями, гипертрофией их структур и, в конечном счете, их отчуждением от внутренних потребностей современного человека. Современная, интенсивно развивающаяся реальность подвергает постоянной трансформации традиционные структуры. Направление этих трансформаций не всегда поддается предсказанию. Различные системы традиций по-разному реагируют на вторжение нового. В результате этого изменения развиваются часто в различных направлениях и вступают в противоречия. Традиция может неузнаваемо измениться структурно, но функционально сохраниться, удовлетворяя пережиточное сознание. Новое может оказаться на службе отживших ценностей. А может быть и так: традиция, сохраняя свои основные структурные свойства, в функциональном отношении занимает

⁴ Правда. 1988, 30 марта.

новое место в системе социальных отношений, т. е. обретает новый, современный смысл. Новые формы, поглощая традиционные, могут порождать псевдотрадиционные и псевдосовременные формы. Синтез традиционного и нового может порождать не только позитивные и плодотворные ритуалы, но и культурные «химеры», как в случае с «современным» свадебным ритуалом в Дагестане.

Научный анализ и основанная на нем последовательная социальная политика позволяют управлять развитием современной ритуальной деятельности, с тем чтобы она, с одной стороны, сохранила свое традиционное эмоциональное значение для человека и, вместе с тем, соответствовала ориентациям современной жизни, ценностям современного человека.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

М. М. МАГОМЕДХАНОВ

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЯХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ БРАЧНОСТИ

(на примере городов Дагестана)

В советской этнографической литературе в последние годы значительное внимание уделяется изучению межнационального общения не только на общесоюзном и межреспубликанском уровнях, но и на личностном уровне. При этом основными сферами межэтнического общения являются производственная и внепроизводственная сфера (последняя включает в себя соседское, дружеское общение и т. д.), а также семья. В настоящей статье речь пойдет в основном о межнациональном общении в семье. Проблема эта может быть рассмотрена с различных точек зрения (социально-культурной, этнопсихологической и т. д.). Нами анализируются статистические данные о межнациональных браках, так как они, в плане межнационального общения, представляют собой один из интересных объектов исследования. Кроме того, частота и вариативность межнациональной брачности являются важными показателями характера межнационального общения горожан, их межэтнического сближения. В данной связи исследователи подчеркивают, что «межнациональные браки представляют собой одну из форм проявления взаимоотношений между различными национальностями», и «уже само число таких браков является одним из существенных показателей этнического сближения народов»¹.

По Всесоюзной переписи населения 1979 года в Дагестанской АССР каждая десятая (10,1%) семья — национально-смешанная². Если учесть, что в городах межнациональные браки заключаются намного чаще, чем в сельской местности, то, очевидно, что среди городского населения республики доля национально-смешанных семей еще выше.

Обратимся к материалам архива ЗАГСа. Всего в семи городах ДАССР за девять лет (1970—1978) было заключено 373 390 браков. Из них большую часть (63,6%) составили однопациональные браки и 26,4% — межнациональные. От общего числа межнацио-

¹ Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977. С. 461.

² По данным Статистического управления ДАССР.

нальных браков (9873) 23,2% было заключено между женихами и невестами коренных национальностей Дагестана. Почти такую же долю составили браки дагестанцев с русскими, украинцами и белорусами (21,3%), причем 85% таких браков заключено дагестанскими мужчинами. Браки дагестанцев с остальными национальностями составили 13,2%. Более половины этих браков (68,2%) также было заключено дагестанскими мужчинами. Браки между русскими, украинцами и белорусами составили 14,0%, а браки этих национальностей с некоторыми народами Дагестана — 19,2%. Наконец, доля национально-смешанных браков, заключенных «прочими» национальностями между собой, составила 9,1% общего числа этнически гетерогенных браков.

Обращает на себя внимание то, что дагестанские женщины реже, чем дагестанские мужчины, вступают в браки с представителями некоренных национальностей. Причины этого исследователи обычно видят в том, что дагестанские женщины более подвержены национальным и религиозным предрассудкам³, более зависимы в семье, менее мобильны и т. п. Указывается также на то, что «брачные и иные традиции по иному действуют среди женщин и мужчин»⁴.

Наряду с этим следует иметь в виду, что в городах Дагестана, как и в некоторых других регионах страны, «существуют проблемы... брачного выбора»⁵.

Так, по данным, которые приведены в работе А. Г. Магдиева, дагестанские мужчины в полтора раза чаще, чем дагестанки, мигрируют в города⁶. Известно и то, что 85% мигрантов — люди 18—35 лет⁷, т. е. возраста, наиболее благоприятного для вступления в брак. Это обстоятельство вызывает демографическую диспропорцию городского населения, которая зафиксирована не только Всесоюзной переписью населения 1979 года (среди горожан республики холостых мужчин в возрасте 18—40 лет, т. е. возраста, когда люди чаще всего создают семью, на 14,8% больше, чем незамужних женщин⁸), но и отразилась в том, что за период с 1970 по 1978 гг. дагестанцы заключили на 12,3% больше браков, чем дагестанки.

Сложившаяся демографическая структура, по-видимому, стиму-

³ Евстигнев Ю. А. Национально-смешанные браки в Махачкале // СЭ. 1971. № 4. С. 81.

⁴ Ибрагимов Х. А. Общение, ведущее к укреплению единства советского народа // Изменение социальной структуры Дагестана в условиях развитого социализма. Махачкала, 1979. С. 109; Алимова Б. М. О национально-смешанных браках у кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 12.

⁵ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование). М.: Статистика, 1978. С. 101.

⁶ Магдиев А. Г. Некоторые аспекты брачно-семейных отношений в городах Дагестана // Социально-этническое и культурное развитие городского населения Дагестана. Махачкала, 1978. С. 107.

⁷ Гаджиев А. Г., Эльсон В. С., Семенов Ю. В. Вопросы использования трудовых ресурсов Дагестанской АССР. Махачкала, 1976. С. 13.

⁸ Подсчитано автором по материалам Статистического управления ДАССР.

лирует частоту браков горожан дагестанцев не только с женщинами из сельской местности Дагестана, но и из других республик. (Примечательно в этой связи то, что в аресматриваемой нами период (с 1970 по 1978 гг.) среди русских, украинцев и белорусов, вступивших в брак в городах республик, женщин было на 14,1% больше, чем мужчин. В основном это женщины, переселившиеся в дагестанские города в связи с выходом замуж). Вместе с тем, она повышает вероятность частоты браков дагестанских женщин с горожанами коренных национальностей Дагестана. Можно также полагать, что при противоположном соотношении полов частота браков дагестанских женщин с представителями недагестанских национальностей могла бы быть выше наблюдаемой. Однако в самом факте наличия таких браков исследователи видят «глубокие изменения в психологии и мировоззрении... не только молодых женщин, но и представителей старшего поколения... которые своим согласием как бы скрепляют, «освящают» такие браки».

Существенное влияние на частоту тех или иных вариантов межнациональных браков оказывают исторические традиции брачных связей различных народов, их этнокультурная близость или различия, установки на межнациональное общение в семье и т. д.

Так в городах Каспийске, Дербенте, Махачкале значение индекса брачности¹⁰ между лезгинами и табасаранцами положительное, т. е. представители этих национальностей вступают между собой в браки чаще теоретически вероятного. В этом находит выражение их этнокультурная близость. В то же время индекс брачности этих национальностей с представителями других народов Дагестана также имеет в целом ряде случаев положительное значение. Так, индекс брачности лезгин с дачками в г. Избербаше за 1970—1972 гг. равен +0,20; с женщинами национальностей, включаемых в графу «прочие», в г. Каспийске за те же годы равен +0,06; с кумычками в г. Дербенте за 1970—1972 и за 1976—1978 гг. — соответственно +0,03 и +0,04; с русскими женщинами в г. Хасавюрте за 1970—1972 гг. и в г. Кизляре за 1970—1978 гг. этот индекс также имеет положительное значение. Подобные примеры можно продолжить и по другим национальностям¹¹. Они свидетельствуют о том, что на частоту тех или иных вариантов национально-смешанных браков влияние оказывают объективные факторы, и в частности этнодемографическая ситуация.

При анализе межнациональной брачности в г. Махачкале было

⁹ Гаджиев С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978. С. 19.

¹⁰ О методике расчета индексов брачности см.: Итуха М. В. Индексы брачности // Учен. зап. по статистике. Т. VII. М., 1963.

¹¹ Подробные данные см.: Магомедханов М. М. Динамика значения индексов этнически гомогенной и гетерогенной брачности в городах Дагестана за период с 1970 по 1978 гг. // Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. Ф. 5. Оп. 1. Л. 9.

обращено внимание на возможную зависимость частоты смешанных браков, заключаемых той или иной национальностью, от ее удельного веса в общей численности населения города¹². В более общем виде эта зависимость может быть представлена как связь между значением индекса этнической мозаичности города и долей национально-смешанных браков, заключенных в нем.

Таблица 1

Степень этнической мозаичности городов Дагестана
(по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года)
в соотношении с частотой межнациональных браков

Город	Значение индекса этнической мозаичности	Уд. вес национально-смешанных браков за 1970—1978 гг. включительно (в %)
Дербент	0,848	24,3
Махачкала	0,840	31,2
Каспийск	0,825	24,0
Хасавюрт	0,796	19,6
Буйнакск	0,725	27,7
Избербан	0,712	20,4
Кизилюрт	0,698	нет свед.
Кизляр	0,429	24,8

Как видно из табл. 1, строгой зависимости частоты национально-смешанных браков от степени этнической мозаичности города нет. Представляется более целесообразным определение связи между частотой смешанных браков, заключенных той или иной национальностью, и долей женихов этой национальности в общей численности вступивших в брак (см. табл. 2).

Из приведенных в табл. 2 данных следует:

1) Украинцы и белорусы во всех городах Дагестана в однонациональные браки вступают в девять раз реже, чем в межнациональные. В большинстве случаев это браки с русскими. В силу генетической, исторической, культурной и языковой (украинцы и белорусы в дагестанских городах полностью перешли на русский язык) общности русские, украинцы и белорусы представляют здесь, как и во многих других городах страны, «одну группу»¹³.

2) Табасаранцы (а по другим данным агулы, рутульцы, цахуры, татары, армяне, грузины, осетины, латыши и прочие национальности, представляющие этнодисперсные группы населения городов) в межнациональные браки вступают чаще, чем в одно-

¹² Ибрагимов Х. А. Указ. соч. С. 109.

¹³ Сусоколов А. А., Новицкая А. П. Этническая и социально-профессиональная гомогенность браков (по материалам отдела ЗАГС г. Кишинева в послевоенный период // СЭ. 1981. № 6. С. 18.

Таблица 2

Зависимость частоты межнациональных браков от удельного веса женихов и невест различных национальностей в общей численности вступивших в брак

Национальность	Города													
	Махачкала		Буйнакск		Хасавюрт		Каспийск		Дербент		Избербан		Кизляр	
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
Авары	32,6	11,5	29,0	31,0	25,3	14,7	30,4	8,3	87,5	0,2	71,4	1,7	51,4	1,8
Даргинцы	47,5	6,5	60,0	6,1	44,4	2,6	28,8	13,2	36,8	1,9	20,8	38,6	36,3	1,1
Кумыки	35,3	13,1	34,3	24,2	24,5	24,5	28,4	8,4	89,7	0,5	36,6	13,0	57,3	1,9
Лезгины	60,4	4,0	69,5	0,3	62,9	0,4	46,9	5,6	45,3	7,9	45,0	5,8	60,0	0,3
Талки	32,4	8,9	38,4	7,9	36,4	2,2	32,5	11,2	36,8	0,3	42,3	1,5	68,4	0,4
Табасаранцы	89,0	0,3	92,0	0,05	90,0	0,01	71,0	0,6	51,0	3,2	90,5	0,1	100,0	0,01
Русские	33,4	40,4	37,2	11,9	33,5	16,5	29,0	45,3	34,0	19,3	25,6	34,1	18,1	81,1
Украинцы	90,9	2,6	91,1	1,4	92,2	1,0	90,0	3,1	95,7	1,1	93,0	1,1	90,6	2,5
Белорусы	90,0	0,6	91,6	0,07	92,0	0,3	100,0	0,1	98,5	0,2	90,0	0,1	90,9	0,4
Азербайджанцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Цыгане	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие	70,2	12,1	72,4	6,8	62,5	6,1	69,3	4,0	73,3	35,0	72,0	4,6	71,0	10,2

а — частота межнациональных браков среди данной национальности;
б — удельный вес женихов и невест данной национальности в общей численности вступивших в брак.

национальные. В качестве этнодисперсных групп городского населения народностей Дагестана выделяются: в Кизляре — все народности Дагестана; Дербенте — все народы Дагестана за исключением лезгин и табасаранцев; Махачкале и Каспийске — табасаранцы; Хасавюрте и Кизилюрте — все народности Дагестана, кроме кумыков и аварцев; Буйнакске — лезгин и табасаранцы.

Агулы, рутульцы, цахуры и национальности, включаемые в графу «прочие» (за исключением чеченцев в Хасавюрте и азербайджанцев в Дербенте), также составляют во всех городах республике этнодисперсные группы. Выделенные этнические группы в указанных городах расселены дисперсно, и их удельный вес не достигает 5% населения города.

Доля межнациональных браков среди этих групп населения превышает 60,0% и достигает 90%.

3) Относительно стабильные показатели национально-смешанной брачности наблюдаются среди русских, украинцев, белорусов, табасаранцев, агулов, рутульцев, цахуров и национальностей, обычно включаемых в графу «прочие».

На первый взгляд, по данным табл. 2 может показаться, что между удельным весом женихов и невест определенной национальности в общей численности вступивших в брак и долей межнациональных браков среди них имеется прямо пропорциональная связь. Но эта связь обнуляется не во всех случаях.

Например, удельный вес женихов и невест кумыкской национальности среди вступивших в брак в городах Буйнакске и Каспийске составляет соответственно 34,3 и 8,4%. Но доля смешанных браков среди них в названных городах почти одинаковая (соотв. 30,1 и 28,4%).

Однако при более тщательном анализе данных, содержащихся в табл. 2, прослеживается общая закономерность убывания доли этнически смешанных браков по мере увеличения удельного веса женихов и невест различных национальностей до определенной величины (от нуля до примерно 8%). Но при дальнейшем увеличении удельного веса женихов и невест тех или иных национальностей (свыше 8% общего числа вступивших в брак) наблюдается относительная стабилизация показателей межнациональной брачности. Проще говоря, там, где удельный вес женихов и невест определенной национальности составляет более 8% вступивших в брак, мы имеем относительно устойчивую картину межнациональной брачности: среди дагестанцев — от 20,8% даргинцы, до 36,6% кумыки, и среди русских — от 23,1 до 34,0%. Далее, из рассматриваемой таблицы видно, что уменьшение удельного веса женихов и невест отдельных национальностей в общей численности вступивших в брак от 8 до примерно 5% сопровождается увеличением межнациональных браков: от 38,4 — (лакцы), до 60,0% — (лезгин и даргинцы). В том случае, когда этот удельный вес составляет менее 5%, происходит резкий прорыв эндогамности — доля национально-смешанных браков достигает от 50 до

90 и более процентов. Исключение в последнем случае составляет показатель межнациональной брачности среди лакцев в г. Хасавюрте, а также даргинцев в г. Дербенте (см. табл. 2). Но оно вполне объяснимо, если учесть то, что при небольшом числе заключенных этнических национальностями в отмеченных городах браков даже малое число однонациональных браков даст большой процент. Дополнительным подтверждением вывода о резком «прорыве эндогамности» служит то, что среди этнодисперсных групп населения городов Дагестана доля межнациональных браков составляет, как уже отмечалось, от 60 до 90 и более процентов.

Таким образом, можно утверждать, что в дагестанских городах для относительно устойчивого соотношения этнически однородной и гетерогенной брачности необходимо, чтобы доля определенной национальности в составе населения была бы не ниже 8% (цифра эта, конечно, условная и весьма приблизительная, и для каждой конкретной этнической группы населения города она должна быть скорректирована путем анализа данных переписей населения о состоянии и браке, половозрастной структуре, характере миграций сельского населения в города, других этнодемографических параметров, а также путем изучения социально-профессиональной структуры, влияние которой на динамику межнациональных браков доказано)¹⁴.

Как уже отмечалось существенное влияние на динамику тех или иных вариантов межнациональных браков оказывает этнодемографическая структура населения. Так, если выделить различные по этнической структуре типы городов (к первому типу мы относим города Кизляр и Дербент, в которых удельный вес народностей Дагестана не достигает 50%; ко второму — Хасавюрт, Махачкала, Каспийск, где доля дагестанцев составляет от 50 до 75%; к третьей — Избербан и Буйнакске, в которых дагестанцев свыше 75% населения) и сравнить частоту тех или иных вариантов межнациональных браков, заключенных в этих городах (см. табл. 3), то нетрудно заметить, что в городах второго и особенно первого типов процессы этнического взаимодействия дагестанцев с недагестанцами происходят не менее интенсивно, чем соответствующие процессы между самими горожанами различных народностей Дагестана. Для подтверждения этого достаточно сослаться на то, что от общего числа межнациональных браков, заключенных дагестанцами, браки последних с представителями некоренных народов Дагестана во всех городах республики, за исключением Буйнакска и Избербана, составляют от 60,9% (Каспийск) до 76% (Дербент) (табл. 3).

Паряду с этнодемографической структурой населения, существенное влияние на частоту различных вариантов межнациональных браков оказывают особенности межнациональных отношений. Свидетельством в целом дружественной атмосферы общения и отношений между горожанами народностей Дагестана и другими

¹⁴ Там же.

Частота различных вариантов межнациональных браков в отдельных городах Дагестана (1970—1978 гг.)

Варианты этнически-смешанных браков	Город							Кизляр
	Буйнакск	Назрань	Каспийск	Махачкала	Хасавюрт	Дербент	Кизляр	
Всего в данном городе заключено смешанных браков	27,7	20,4	24,0	31,2	19,6	24,3	24,8	
От общего числа заключенных дагеставцами браков смешанные составляют	29,9	22,0	29,1	35,6	26,8	46,2	58,5	
От общего числа межнациональных браков, заключенных в данном городе на долю дагеставцев приходится	81,6	73,1	63,4	57,7	71,3	34,0	18,7	
От общего числа смешанных браков, заключенных дагеставцами, браки последних с недагеставцами составляют	64,7	55,4	39,1	38,1	30,5	23,6	32,2	
Удельный вес дагеставцев в составе населения города (по переписи 1979 г.)	35,3	44,6	60,9	61,9	69,5	76,4	67,6	
	85,8	75,4	64,7	60,2	54,7	34,0	13,3	

народами нашей страны, живущими в республике, является также то, что почти во всех городах ДАССР доля междагестанских браков (от общего числа национально-смешанных браков) ниже показателя удельного веса народностей Дагестана в составе населения того или иного города (см. табл. 3).

По имеющимся в литературе статистическим сведениям, а также нашим материалам, можно проследить динамику межнациональных браков в столице ДАССР — г. Махачкале почти за 40-летний период (см. табл. 4).

Таблица 4
Динамика межнациональных браков в г. Махачкале с 1940 по 1978 гг. (в %)

Год	Удельный вес межнациональных браков
1940	23,2
1950	23,4
1959	25,8
1961	25,5
1962	29,1
1963	28,7
1964	29,6
1965	26,4
1966	30,2
1967	29,2
1968	25,0
1970	29,8
1971	29,6
1972	30,2
1973	30,5
1974	31,6
1975	32,0
1976	33,0
1977	29,3
1978	30,8

Как показывают данные табл. 4, удельный вес межнациональных браков в Махачкале до 70-х годов в целом рос, а с 70-х годов стабилизировался. При этом следует иметь в виду и то, что в связи с усложнением этнической мозаичности города за счет притока сельского населения народностей Дагестана, миграций из различных регионов страны росла теоретическая вероятность заключения этнически смешанных браков. Именно поэтому важно рассматривать динамику национально-смешанной брачности в соотношении с ее теоретической вероятностью.

Данные, представленные в табл. 5, говорят о том, что за девять лет, прошедших между последними двумя Всесоюзными пе-

Динамика значения индексов * этнически гомогенной брачности в городах Дагестана (1970—1978 гг.)

Национальность	Годы	Город						
		Махачкала	Буйнакск	Каспийск	Дербент	Избербаш	Хасавюрт	Кизляр
Аварцы	1970—1972	0,81	0,71	0,87	0,19	0,23	0,86	0,65
	1973—1975	0,80	0,76	0,82	0,03	0,41	0,79	0,88
	1976—1978	0,75	0,78	0,89	0,03	0,44	0,84	0,76
Даргинцы	1970—1972	0,73	0,54	0,82	0,78	0,86	0,78	0,90
	1973—1975	0,69	0,55	0,90	0,84	0,89	0,84	0,83
	1976—1978	0,74	0,51	0,81	0,80	0,86	0,76	0,76
Кумыки	1970—1972	0,80	0,77	0,82	0,22	0,83	0,71	0,00
	1973—1975	0,74	0,74	0,84	0,29	0,87	0,80	0,10
	1976—1978	0,77	0,68	0,85	0,21	0,83	0,83	0,68
Лезгинцы	1970—1972	0,67	—	0,73	0,70	0,75	0,19	0,40
	1973—1975	0,61	—	0,79	0,75	0,64	0,49	0,49
	1976—1978	0,65	—	0,81	0,73	0,60	0,49	0,67
Лакцы	1970—1972	0,80	0,78	0,71	0,70	0,62	0,49	0,10
	1973—1975	0,78	0,81	0,74	0,74	0,88	0,71	0,56
	1976—1978	0,78	0,71	0,86	0,66	0,88	0,90	0,41
Русские	1970—1972	0,77	0,51	0,76	0,77	0,81	0,86	0,45
	1973—1975	0,73	0,56	0,75	0,80	0,84	0,84	0,53
	1976—1978	0,82	0,57	0,74	0,78	0,81	0,85	0,65
Прочие	1970—1972	0,34	0,53	0,17	0,91	0,55	0,46	0,50
	1973—1975	0,36	0,41	0,40	0,95	0,31	0,65	0,54
	1976—1978	0,35	0,56	0,37	0,95	0,31	0,57	0,45

Везде значения индексов идут под знаком плюс (+).

репсиями населения, показатели индекса этнически гомогенной брачности в целом стабилизировались. В этой связи встречающиеся в литературе утверждения о том, что удельный вес межнациональных браков в городах Дагестана неуклонно растет, следует, видимо, понимать как рост абсолютного числа этих браков.

Если же говорить об общей картине межнациональной брачности в городах Дагестана в 1970—1978 гг., то значение индекса этнически смешанных браков между аварцами, даргинцами, кумыками, лакцами (имеются в виду все возможные между этническими национальностями вариации браков) колеблется (в зависимости от конкретного города) от 0,20 до 0,60. Этот же показатель брачности между названными национальностями и лезгинцами, табасаранцами составляет от 0,40 до 0,80. Значение индекса брачности между лезгинцами и табасаранцами во всех городах положительное и достигает +0,55; между народностями Дагестана и русскими — колеблется в различных городах от 0,30 до 0,80, а между дагестанцами и «прочими» национальностями — от 0,40 до 0,90 (см. табл. 6).

Как известно, дети, родившиеся в национально-смешанных семьях, «обычно выбирают этническую принадлежность одного из родителей, прерывая тем самым этническую линию другого»¹⁵. Этнические последствия межнациональных браков зависят прежде всего от того, по чьей именно (отцовской или материнской) национальности определяет свою национальную принадлежность подросток, выросший в национально-смешанной семье. Вообще изучение особенностей этнического самосознания людей национально-смешанного происхождения представляет большой научный интерес. Сказанное в полной мере относится и к городам Дагестана, тем более что почти каждый шестой житель городов республики, родившийся в 1982 году, имеет родителей разных национальностей (для сравнения отметим, что в 1930 году в городах Дагестана таковые рождались в 2,7 раза реже¹⁶).

Для определения направленности этноассимиляционных процессов исследователи широко привлекали материалы паспортных столов милиции о выборе своей национальности подростками из национально-смешанных семей¹⁷. Однако в последние годы эти данные не используются этнографами по той причине, что в новых бланках паспортных столов милиции указывается только лишь национальность получившего паспорт, в то время как раньше указывалась и национальная принадлежность родителей.

В процессе работы выяснилось, что такие сведения все же

¹⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

¹⁶ Подсчитано автором по материалам архива Отдела ЗАГС ДАССР.

¹⁷ Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // СЭ. 1969. № 3; Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов милиции городов Махачкалы, Ordжоникидзе, Черкесска) // СЭ. 1971. № 4; Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт // Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. С. 187 и далее.

Динамика значения индексов межнациональной брачности в Махачкале (1970—1978 гг.)

Националь- ность женест	Годы	Национальность женихов						
		Аварцы	Даргинцы	Лезгины	Кумыки	Талцы	Русские	Прочие
Аварцы	1970—1972	+0,81	-0,63	-0,73	-0,44	-0,69	-0,96	-0,80
	1973—1975	+0,80	-0,52	-0,67	-0,54	-0,79	-0,91	-0,91
	1976—1978	+0,75	-0,49	-0,75	-0,61	-0,79	-0,91	-0,88
Даргинцы	1970—1972	-0,33	+0,73	-0,43	-0,39	-0,69	-0,99	-0,61
	1973—1975	-0,23	+0,69	-0,57	-0,26	-0,62	-0,96	-0,84
	1976—1978	-0,43	+0,74	-0,53	-0,62	-0,67	-0,87	-0,79
Лезгины	1970—1972	-0,70	-0,01	+0,67	-0,73	-0,02	-0,90	-0,47
	1973—1975	-0,58	-0,56	+0,61	-0,67	-0,51	-0,77	-0,30
	1976—1978	-0,68	-0,44	+0,65	-0,72	-0,47	-0,85	-0,44
Кумыки	1970—1972	-0,42	-0,34	-0,81	+0,80	-0,93	-0,94	-0,71
	1973—1975	-0,44	-0,35	-0,30	+0,74	-0,78	-0,93	-0,74
	1976—1978	-0,53	-0,51	-0,79	+0,77	-0,81	-0,92	-0,69
Талцы	1970—1972	-0,53	-0,61	-0,49	-0,79	+0,80	-0,93	-0,88
	1973—1975	-0,51	-0,48	-0,20	-0,80	+0,78	-0,93	-0,89
	1976—1978	-0,66	-0,40	-0,42	-0,76	+0,78	-0,95	-0,84
Русские	1970—1972	-0,73	-0,80	-0,44	-0,73	-0,83	+0,77	-0,36
	1973—1975	-0,73	-0,72	-0,51	-0,72	-0,82	+0,73	-0,58
	1976—1978	-0,67	-0,77	-0,56	-0,70	-0,66	+0,82	-0,42
Прочие	1970—1972	-0,65	-0,47	-0,30	-0,57	-0,83	-0,72	+0,34
	1973—1975	-0,60	-0,67	-0,43	-0,53	-0,75	-0,55	+0,36
	1976—1978	-0,74	-0,64	-0,35	-0,53	-0,70	-0,55	+0,35

можно получить. Для этого в республиканском архиве ЗАГС были рассмотрены акты о рождении в одном из двух районов г. Махачкалы (Советском) за 1966 г., т. е. акты о рождении тех, кому в 1982 году предстояло получать паспорта. Акты родившихся в национально-смешанных семьях обрабатывались отдельно. Записывались фамилия, имя, отчество и дата рождения ребенка, национальность его родителей и номер выданного свидетельства о рождении. Сверив эти данные с данными паспортного стола милиции (в форме № 1, кроме фамилии, имени, отчества и даты рождения, указывается и номер свидетельства о рождении, на основе которого выдан паспорт), устанавливали, чью именно национальность (отца, матери или какую-либо другую) выбрал подросток. Методика эта предложена А. А. Суколовым. Она может быть с успехом применена и в других исследованиях. Полученные таким образом сведения показали, что в характере выбора своей национальности лицами, родившимися в межнациональных семьях, в целом сохраняется та же закономерность, которая была выявлена С. Ш. Гаджиевой, Г. А. Сергеевой и Я. С. Смирновой¹⁸.

Что касается относительно редких случаев определения подростками своей этнической принадлежности по национальности матери, то здесь, как показывает С. Ш. Гаджиева, решающее влияние оказывает «не только языковая и культурная среда, но и характер взаимоотношений родителей и их роль в формировании личности и национального самосознания детей»¹⁹.

¹⁸ Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. Указ. соч.; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 187—188; Гаджиева С. Ш., Янкова З. А. Дагестанская семья сегодня... С. 35.

¹⁹ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 187.

М. Р. А. ИБРАГИМОВ

ДИНАМИКА БРАЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Под брачностью в данном сообщении подразумевается не только процесс образования брачных (супружеских) пар в населении (т. е. вступление в первый и повторный брак), но и брачный состав (брачная структура) населения как результат действия процессов брачности и разводимости на определенный момент времени. По брачному состоянию население обычно делится на следующие категории: никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, вдовы, разведенные и разошедшиеся. Брачный состав, т. е. распределение населения по брачному состоянию, не следует смешивать с семейным составом — распределением людей по семейному состоянию: живущие в семье и вне семьи (члены семей, проживающие отдельно от семьи, и одиночки).

Брачность и разводимость, брачный состав населения, оказывая непосредственное влияние на воспроизводство населения, на семейный состав населения, в свою очередь, зависят от других демографических показателей (рождаемости, смертности, возрастного и полового состава) и в значительной мере определяются существующими в стране социально-экономическими условиями, обычаями и традициями¹.

Брачность, брачное состояние населения — одна из относительно малонисследованных областей отечественной демографии². В дагестановедении эти вопросы еще не были предметом специального исследования. Вместе с тем некоторые этносоциальные аспекты брачности населения Дагестана, а именно исторические формы брака, динамика и особенности межнациональных браков,

получили значительное освещение в трудах этнографов и социологов³. О состоянии демографического изучения брачности населения Дагестана можно судить по следующему примеру. Единственной работой, в которой рассматривается вопрос о брачном состоянии населения Дагестанской АССР, является работа В. Ф. Алневой «Народонаселение Дагестана»⁴. В ней отмечается: «Основу семьи составляют брачные пары. В республике количество мужчин и женщин различных национальностей, находящихся в браке, почти одинаково (см. табл. 40)»⁵. Наши материалы по изучению брачного состояния населения Дагестана свидетельствуют, что количество мужчин и женщин различных национальностей, состоящих в браке, неодинаково. Более объективный показатель брачности — доля лиц, состоящих в браке — у различных этнических общностей колеблется у мужчин от 39 до 71,5%, а у женщин — от 41,5 до 65%; кроме того, эта доля варьирует у одного и того же этноса в зависимости от места проживания (город—село). Кстати, данные о количестве лиц, состоящих в браке (на 1000 человек), приведенные В. Ф. Алневой в табл. 40, занижены примерно в два раза.

В данном сообщении, написанном на основе массовых статистических материалов — всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970 и 1979 гг., текущей статистической отчетности по бракам и разводам за 1939—1986 гг., а также архивных и полевых этнографических материалов⁶, делается попытка дать этнодемо-

³ Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967; Её же. Очерки семьи и брака у погайцев XIX—начало XX в. М.: Наука, 1979; Её же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. М.: Наука, 1985; Гаджиева С. Ш., Янкова Э. А. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978; Агларов М. А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у алдийцев в XIX в. // СЭ. 1964. № 6; Евстигнеев Ю. А. Национально-смешанные браки в Махачкале // СЭ. 1971. № 4; Ибрагимов Х. А. О некоторых аспектах межнационального общения в городах Дагестана (по данным национально-смешанных браков в Махачкале // СЭ. 1978. № 3; Его же. Общение, ведущее к укреплению советского народа // Изменение социальной структуры в условиях развитого социализма. Махачкала, 1979; Магомедов А. Г. Некоторые аспекты брачно-семейных отношений в городах Дагестана // Социально-этническое и культурное развитие городского населения Дагестана. Махачкала, 1978; Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (кон. XIX—XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Её же. О национально-смешанных браках у кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980; Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX—XX в.). М.: Наука, 1983; Ибрагимов М.-Р. А., Магомедханов М. М. Некоторые этнодемографические и этнокультурные характеристики молодежи Дагестана // Молодежь Дагестана: Проблемы совершенствования социального облика: Сб. статей. Махачкала, 1987 и др. См. также статьи С. Ш. Гаджиевой и М. М. Магомедханова в данном сборнике.

⁴ Алнева В. Ф. Народонаселение Дагестана. Махачкала, 1984.

⁵ Алнева В. Ф. Указ. соч. С. 73—74.

⁶ Материалы Статистического управления ДАССР; Центральный государственный архив ДАССР. Ф. 22-р. Оп. 23. Д. № 14, 45, 72, 74, 76; Ф. 22-р. Оп. 39. Д. № 69, 71, 72, 74, 76, 88, 120, 130, 147, 170, 187, 203, 219, 332, 342, 390; Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилфа АН СССР. Полевые дневники автора за 1981—1987 гг.

¹ Подробнее см.: Брук С. И. Население мира: Этнодемогр. справ. 2-е изд. М.: Наука, 1986. С. 32; Волков А. Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1980. С. 69, 100.

² См., например: Проблемы демографической статистики. М., 1966; Изучение воспроизводства населения. М., 1968; Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970; Чуйко Л. В. Браки и разводы (Демографическое исследование на примере Украинской ССР). М., 1975; Соловьев П. Я. Брак и семья сегодня. Вильнюс, 1977; Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей. М.: Статистика, 1977; Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы: (Социально-демографическое исследование). М., 1978; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1979; Социально-демографическое исследование брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983; Всесоюзная перепись населения 1979 г.: Сб. статей. М.: Финансы и статистика, 1984; Волков А. Г. Указ. соч. и др.

графическую характеристику брачности: число браков, половозрастная структура вступивших в брак, категории населения, состоящих в браке, брачный состав отдельных этнических единиц Дагестана.

Хронологические рамки нашего обзора динамики брачности населения Дагестана в значительной степени определяются источниками возможными. Информация о числе вступивших в брак и брачном состоянии населения республики вплоть до конца 1930-х годов носила несистематический, фрагментарный характер. Это, конечно, не означает, что с конца 1930-х годов мы имеем достоверные данные; несовпадения в цифрах, правда, весьма незначительные, обнаруживаются до сих пор, например, при сравнении данных переписей и данных текущего статистического учета.

В Дагестане накануне Великой Отечественной войны ежегодно заключалось около 10 тыс. браков (10 103 в 1939 г.), из которых около 83% заключалось жителями сельской местности, остальные — горожанами. Общий коэффициент брачности (число зарегистрированных браков на 1000 человек) в целом по республике составлял 10,8‰, в том числе 8,9‰ — в городах и 11,4‰ — в сельской местности (см. табл. 1). Напомним, что по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. (в административных границах того года) горожане составляли 21%, а сельские жители — 79% всего населения Дагестана⁷. Таким образом половозрастная структура населения сельской местности была более благоприятна для вступления в брак, чем таковая в городах.

Период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. остро сказался на всем демографическом развитии населения Дагестана, как и страны в целом. В это время резко ухудшилась половая и возрастная структура населения, произошло резкое повышение смертности, сократилась рождаемость. Все это отразилось на демографических показателях в том числе и на брачности населения. Число браков, заключенных в 1941 году, сократилось до 68%, при этом число браков в городах возросло почти на 70%, а в сельской местности сократилось почти вдвое⁸. Общее количество браков в республике сокращалось вплоть до 1944 года (4,0 тыс.) Затем, особенно в послевоенное время, число заключенных браков начало расти, причем в городах они росли более быстрыми темпами, чем на селе (см. табл. 1). В 1957 г. было достигнуто довоенное число браков, а в последующий период вплоть до 1960 г. росло общее количество вступающих в брак (14,6 тыс. в 1960 г.)⁹. С 1961 г. по 1965 гг. число заключенных браков в республике уменьшается. Это, видимо, объясняется последствиями Великой Отечественной войны, так как с 1961 г. начинают вступать в брак в основном люди, родившиеся в 1941—1945 гг., контингент кото-

рых весьма невелик. В 1965 г. снова был достигнут довоенный уровень общего числа вступающих в брак. Таким образом, Великая Отечественная война и ее последствия отбросили назад более чем на четверть века уровень брачности населения республики; это, в свою очередь, весьма отрицательно сказалось на многих других демографических показателях, и в частности на воспроизводстве населения Дагестана. Именно сокращением уровня брачности следует объяснить начало падения рождаемости в республике, зафиксированное статистическими данными с 1960-х годов. С середины 1960-х годов число зарегистрированных браков постепенно растет как в городах, так и в селах, соответственно растет и коэффициент брачности (см. табл. 1). В 1980 г. число ежегодно заключенных браков перевалило за 17 тыс., в том числе 6 тыс. — в городах, остальные — в сельской местности¹⁰.

В настоящее время ежегодно в Дагестанской АССР заключается около 20 тыс. браков (19 794 — в 1986 г.)¹¹, из которых 66,6% падает на долю сельских жителей, остальные — на горожан, а общий коэффициент брачности составил 11,2‰, в том числе 8,6‰ в городах и 13,3‰ в сельской местности (см. табл. 1)¹². Вместе с тем сельские жители в настоящее время составляют около 56% всего населения Дагестана (1986 г.)¹³, да и половозрастная структура городского населения в целом более благоприятна для заключения браков; в городах также лучше брачный выбор. Прежде всего в городах велика доля молодежи, могущей вступить в брак; так, контингент населения в возрасте 16—29 лет в городах составляет почти 30%, тогда как в селах — 22% всего населения. С другой стороны, в городах из-за диспропорции полов (мужчин больше, чем женщин) среди молодежи ряда этнических общностей Дагестана (цахуры, рутульцы, табасаранцы, агулы, отчасти аварцы) вырисовываются проблемы брачного выбора¹⁴, которые значительно инвектируются наличием постоянных и разносторонних связей жителей городов и сел, особенно молодежи.

На число браков значительное влияние наряду с половозрастной структурой населения оказывают разводы. В Дагестане в конце 1930-х годов число ежегодно зарегистрированных разводов было довольно велико и составляло 3,4—3,7 тыс., в том числе 0,5 тыс. — в городах, 2,9—3,2 тыс. — в селах¹⁵; общий коэффициент отражает эту ситуацию: 3,6—4,0‰ — в целом в республике, 2,4—2,6‰ — в городах, 3,9—4,4‰ в селах (см. табл. 2). В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. число ежегодно расторгаемых браков значительно сократилось (как в городе, так и в селе). В первые послевоенные годы число разводов было

¹⁰ Материалы Статистического управления ДАССР.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Рассчитано по материалам Статистического управления ДАССР.

¹⁴ Подробнее см.: *Ибрагимов М. Р. А., Магомедханов М. М.* Указ. соч. С. 11—13.

¹⁵ ЦГА ДАССР. Ф 22-р. Оп. 22. Д. 14. Л. 8; Д. 22. Л. 8.

⁷ ЦГА ДАССР. Ф. 22-р. Оп. 22. Д. 58. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 22-р. Оп. 23. Д. 14. Л. 8.

⁹ Там же. Оп. 39. Д. 69. Л. 9.

в пределах 100—200 в год. Затем, примерно с конца 1950-х годов, ежегодное число разводов начало расти, особенно резко возросло число расторжений браков в городах. В результате число разводов в городах впервые стало превышать число разводов на селе примерно в три раза. В период сокращения числа браков в 1961—1965 гг. число разводов в республике продолжало увеличиваться.

Таблица 1

Динамика числа зарегистрированных браков по Дагестанской АССР (на 1000 человек) за 1939—1986 гг.*

Год	Все население	В том числе		Год	Все население	В том числе	
		городское	сельское			городское	сельское
1939	10,8	8,9	11,4	1981	10,9	9,0	12,3
1949	9,0	15,5	7,4	1982	11,2	8,8	12,9
1959	13,6	12,6	14,0	1983	11,6	8,9	13,6
1970	7,9	8,6	7,6	1984	11,3	7,9	13,9
1975	9,0	8,6	9,3	1985	11,3	8,0	13,9
1980	10,5	8,8	11,6	1986	11,2	8,6	13,3

* Составлено по материалам Центрального государственного архива Дагестанской АССР, данным Статистического управления.

Определенную роль в увеличении числа разводов со второй половины 1960-х годов сыграло изменение в законодательстве о расторжении брака¹⁶. Интересно отметить, что к 1971 г. число ежегодно расторгаемых браков перевалило за 2 тыс. В настоящее время число зарегистрированных разводов составляет 3,1—3,2 тыс. (1985—1986 гг.), из которых на сельскую местность приходится лишь 32—39%, остальные разводы — на доли горожан. В результате число разводов на 1000 человек в городах в последние 2—3 года примерно в два раза выше, чем в сельской местности: соответственно 2,5‰ и 1,2‰ (1986 г.) (см. табл. 2).

Заслуживает внимания также и такой показатель брачности, как число разводов на каждые 1000 браков. Накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. этот показатель был относительно высоким в целом по республике — 36,8‰, в том числе

¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1965 г. существенно упростил порядок расторжения брака, отменив обязательную публикацию о разводе, утверждение решения народного суда вышестоящей судебной инстанцией (введенных в 1944 г.) и предоставив право расторгать брак по обоюдному согласию супругов народному суду. Дальнейшее упрощение порядка расторжения брака было предусмотрено основами законодательства СССР о браке и семье. (Подробнее см.: Волков А. Г. Указ. соч. С. 130).

в городах — 29,0‰ и на селе — 38,4‰¹⁷. Во время войны и первые послевоенные годы этот показатель весьма незначителен: 2,3‰ (все население), 4,7‰ (город) и 1,1‰ (село). С конца 1950-х годов в связи с сокращением числа браков и ростом числа разводов указанный показатель постепенно рос и в середине 1970-х годов достиг своего максимума: 17,6‰ — все население, 33,9‰ — город и 8,7‰ — село. Затем этот показатель несколько снизился до 15,0‰, а в последнее время стабилизировался и сохраняется на уровне 16,0‰, при этом в городах — 29,0‰, селах — 9,3‰ (1986 г.)¹⁸. Это статистические свидетельства степени прочности браков в целом в республике, в городах и селах; они показывают, что в сельской местности браки примерно в три раза стабильнее, чем в городах Дагестана. В целом же общий коэффициент разводимости в республике относительно невысок, в несколько раз ниже общесоюзного показателя (см. табл. 2). Вместе с тем, как свидетельствует статистика, общее количество разводов в республике в последние годы продолжает расти, при этом в сельской местности они увеличиваются быстрее, чем в городах.

Таблица 2

Динамика числа зарегистрированных разводов по Дагестанской АССР (на 1000 человек) за 1939—1986 гг.*

Год	Все население	В том числе		Год	Все население	В том числе	
		городское	сельское			городское	сельское
1939	4,0	2,6	4,1	1981	1,7	2,8	0,9
1949	0,2	0,7	0,1	1982	1,7	2,8	0,9
1959	0,8	2,1	0,3	1983	1,8	3,0	1,0
1970	1,3	2,6	0,7	1984	1,9	2,8	1,2
1975	1,6	2,9	0,8	1985	1,7	2,7	1,0
1980	1,7	2,9	0,8	1986	1,8	2,5	1,2

* Составлено по тем же источникам, что и табл. 1.

Значительный интерес для освещения брачности населения Дагестана в настоящее время представляет анализ числа зарегистрированных браков по возрасту вступающих в брак (в сочетании возраста мужа и жены). Такой подход позволяет сделать ряд статистически обоснованных выводов. Рассмотрение этих данных целесообразно провести по категориям брачного состояния: 1) вступающие в брак моложе 20 лет, 2) 20—24 года, 3) 25—29 лет, 4) 30—34 года и другие категории (см. табл. 3).

¹⁷ Рассчитано по материалам ЦГА ДАССР за 1939, 1940 гг.

¹⁸ Рассчитано по материалам Статистического управления ДАССР.

Таблица 3

Число зарегистрированных браков, распределенных по возрасту мужа и жены, в 1986 г. по Дагестанской АССР (в %)*

Возрастные группы	Все население		Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего вступивших в брак	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте:						
моложе 20 лет	1,5	30,2	1,2	22,7	4,6	34,0
20—24	60,1	50,6	46,9	47,5	66,7	52,1
25—29	26,4	12,0	30,9	16,5	24,2	9,6
30—34	5,4	3,5	9,7	6,3	3,2	2,1
35—39	2,1	1,3	3,8	2,7	4,3	0,6
40—44	0,8	0,4	1,5	0,8	0,5	0,3
45—49	1,2	0,6	2,0	1,1	0,7	0,3
50 лет и старше	2,5	1,4	4,0	2,4	1,8	0,9

* Составлено по материалам Статистического управления ДАССР.

1. Моложе 20 лет. Мужчины этого возраста составляют 1,5% всех вступивших в брак; более половины их (54,4%) предпочитают брать в жены своих ровесниц, около 43% — женщин в возрасте 20—24 года. Женщины этого возраста составляют более 30%, при этом в городах — около 23%, а в селах 34%, т. е. сельские девушки раньше выходят замуж, чем их городские сверстницы.

2. 20—24 года. Подавляющее большинство мужчин (60%) к этому возрасту уже вступают в брак. Они в основном (более 55%) берут в жены женщин своей возрастной группы, около 40% мужчин женятся на женщинах моложе 20 лет и более 5% на женщинах более старших, чем они, возрастов. Мужчины этой возрастной категории, живущие в городах, менее охотно женятся (47%), чем их сверстники, живущие в селах (67%). Среди горожан мужчины, женившиеся на своих ровесницах, составляют около 58%, на девушках моложе 20 лет — 34% и старше себя — 8%. Мужчины, живущие в селах, вступают в брак также преимущественно со своими ровесницами (54,6%), доля их женившихся на девушках моложе 20 лет, значительна — 41%, на женщинах старше себя — более 4%. Сельские парни охотнее берут в жены женщин моложе 20 лет и примерно в два раза реже, чем горожане, вступают в брак с женщинами старше себя. Женщины в возрасте 20—24 года, вступившие в брак, составляют половину всех женщин, вышедших замуж. Дифференциация по городу и селу довольно зна-

чительна: так, доля сельских женщин, вступивших в брак в возрасте до 24 лет, составляет 86%, тогда как горожанки — 70%.

3. 25—29 лет. Мужчины, вступившие в этом возрасте в брак, составляют 26,4%. Они предпочитают брать в жены женщин 20—24 года (до 56%) и женщин моложе 20 лет (около 21%); примерно столько же мужчин вступают в брак с женщинами своей возрастной группы. Мужчин, женившихся на женщинах старше себя, весьма немного — около 3%. В этой категории мужчин также обнаруживается дифференциация по городу и селу. Мужчины этой группы, живущие в городах, составляют около 31%, а в сельской местности — 24,2% всех вступивших в брак. Городские мужчины преимущественно женятся на женщинах 20—24 лет (55,4%), а также на женщинах моложе 20 лет (18%); на женщинах своей возрастной группы — более 22% и женщинах старше себя — около 5%. Сельские мужчины этой группы вступают в брак с женщинами 20—24 лет — 55,8%, до 20 лет — 23%, 25—29 лет — 19%, старше себя — 2%. Женщины в возрасте 25—29 лет составляют 12% всех женщин, вступивших в брак, при этом в городах их доля примерно в полтора раза выше, чем в селах, т. е. сельские женщины раньше выходят замуж, чем их городские ровесницы.

4. 30—34 года. Мужчины этого возраста составляют в целом незначительную долю вступивших в брак (5,4%); при этом горожане в три раза чаще вступают в брак, чем сельские жители. Мужчины этой возрастной категории предпочитают брать в жены женщин возраста 25—29 лет (около 42%) и 20—24 года (около 27%). На своих ровесницах женятся около 22% мужчин, остальные — либо на женщинах моложе 20 лет, либо старше себя. Женщины, вступающие в брак в этом возрасте, составляют 3,5%, особенно мала доля таких женщин в сельской местности (в три раза меньше, чем в городах).

Мужчины, вступившие в брак (видимо, в повторный) в возрасте 50 лет и старше, составляют 2,5%. Распределены они по городской и сельской местности примерно одинаково. Они предпочитают вступать в брак с женщинами в возрасте 25—29 лет.

Таким образом, возраст вступления в брак у подавляющего большинства мужчин в республике составляет 20—24 года (60,1%) и 25—29 лет (26,4%), женщины выходят замуж в возрастах моложе 20 лет (30,2%), 20—24 года (50,6%) и 25—29 лет (12%). Мужчины-горожане не спешат жениться, и возраст вступления в брак у них растягивается от 20 до 34 лет, в то время как среди сельских мужчин до 29 лет уже состоят в браке 92%. Женщины, живущие в городах, выходят замуж несколько позже, чем сельские женщины.

При анализе динамики брачности населения Дагестана большое значение имеют материалы всесоюзных переписей населения. Весьма показательны изменения числа лиц в возрасте 16 лет и старше, состоящих в браке, по Дагестанской АССР (на 1000 человек) за 1959—1979 гг. (см. табл. 4). В целом по республике

среди мужчин, состоящих в браке, отмечается две тенденции изменения показателя: в первое десятилетие идет рост, а во второе — снижение, что связано с общей половозрастной структурой населения, ростом разводов и другими причинами. Среди женщин, состоящих в браке, фиксируются в целом те же две тенденции (см. табл. 4).

В условиях полиэтничного Дагестана при изучении брачности населения большой интерес представляют сведения о брачном

Динамика числа лиц в возрасте 16 лет и старше, состоящих по Дагестанской АССР

Возрастные группы	Все население					
	1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Всего	696	549	724	594	675	564
В том числе:						
16—17 лет	8	38	5	35	5	20
18—19	50	265	32	275	27	189
20—24	321	601	252	625	355	587
25—29	328	793	786	846	842	821
30—34	940	808	917	864	925	853
35—39	959	757	958	851	947	842
40—44	962	664	962	802	957	823
45—49	964	584	962	733	961	779
50—54	959	516	955	603	956	699
55—59	948	466	953	501	946	582
60—69	912	365	927	371	917	384
70 лет и старше	785	177	814	197	802	178

Составлено по материалам Центрального государственного архива Даге-

стоянии отдельных национальностей (см. табл. 5). Доля мужчин, никогда не состоявших в браке (на тысячу человек по данным переписи 1979 г.), в республике у разных этнических единиц колеблется в пределах от 214 (русские) до 345 (рутульцы). Относительно высока эта доля также у цахуров, лезгин, ногайцев, лакцев, агулов. Среди женщин эта доля значительно ниже, а тенденции этого показателя по национальностям в целом те же, что и среди мужчин. Следующий важнейший показатель — состоящие в браке — также имеет некоторые особенности. Так, наибольшей долей состоящих в браке отличаются русские (715), табасаранцы (707); наименьшей — рутульцы (635), цахуры (643), ногайцы (641), лакцы (646). Среди женщин эти показатели самые высокие у табасаранцев (632), чеченцев (621) и цахуров (610), самые низкие — у евреев (522), лакцев (527),

татов (537). В целом по республике эти показатели свидетельствуют об относительно высокой брачности населения Дагестана.

Доля вдовых мужчин довольно высока среди русских (27), несколько ниже у аварцев (24), у представителей остальных этнических единиц — в пределах 12—20. Доля вдовых женщин из-за более высокой смертности мужчин несравненно выше (как правило, в 7—10 раз), чем доля вдовых мужчин. Наибольшей до-

Таблица 4

в браке (на 1000 лиц данного пола), за 1959—1979 гг.*

Городское население						Сельское население					
1959 г.		1970 г.		1979 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.	
муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
667	545	670	585	648	561	711	550	766	600	696	565
7	45	3	39	6	25	8	35	6	33	5	17
32	191	25	227	25	176	60	298	39	314	29	199
258	526	228	552	322	551	356	634	283	700	388	618
769	780	740	824	807	805	856	798	836	863	880	837
913	791	889	848	904	831	954	818	940	874	951	875
947	744	937	837	930	810	966	765	970	858	963	870
957	654	947	788	941	792	965	669	972	811	968	844
957	590	948	718	942	947	968	581	971	744	971	796
956	506	945	593	937	667	961	521	964	609	968	721
945	439	944	503	928	553	949	475	959	499	958	601
918	328	917	360	889	361	910	377	933	378	923	398
785	144	802	180	782	156	786	184	818	293	821	186

станской АССР, данным Статистического управления.

лей овдовевших женщин обладают русские (231), евреи (207), даргинцы (190) и лакцы (189), наименьшей — табасаранцы и цахуры (по 119).

Число и доля разведенных и разошедшихся среди национальностей Дагестана имеют значительные вариации. Относительно высока доля разведенных и разошедшихся среди мужчин у русских (41), евреев и татов (по 22). Наибольшая доля разведенных и разошедшихся женщин отмечается у русских (92), татов (77), евреев (69), лакцев (60), менее всего разведенных и разошедшихся среди цахуров (9), табасаранцев (14) и рутульцев (16). В целом же по республике доля разведенных и разошедшихся (как число и доля разводов) относительно невелика.

Подводя краткие итоги изучения динамики брачности населе-

Брачное состояние населения Дагестана по отдельным национальностям *

Всего в возрасте 16 лет и старше данной национальности	На 1000 лиц данного брачного состояния							
	Мужчины				Женщины			
	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	выловые	разведен- ные и разошед- шиеся	никогда не состоявшие в браке	состоящие в браке	выловые	разведен- ные и разошед- шиеся
Аварцы	289	668	24	14	205	553	186	50
Даргинцы	291	678	16	10	204	564	190	36
Кумыки	290	671	14	19	213	566	164	51
Лезгинцы	322	653	13	8	258	567	146	24
Лакцы	313	646	20	17	219	527	189	60
Табасаранцы	270	707	12	5	228	632	119	14
Ногайцы	319	641	19	17	246	551	165	33
Рутульцы	345	635	13	3	268	555	155	16
Агулы	301	670	16	6	240	578	150	21
Цахуры	328	643	16	3	257	610	119	9
Азербайджанцы	299	672	13	12	238	582	139	35
Чеченцы	284	678	15	18	196	621	133	42
Евреи	273	675	22	22	192	522	207	69
Русские	214	715	27	41	114	559	231	92
Таты	266	687	22	22	214	537	163	77

* Составлено по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г.

ния Дагестана за период с конца 1930-х годов до середины 1980-х, можно отметить следующее. Статистические данные свидетельствуют о стабильном, начиная с послевоенных лет, росте общего числа зарегистрированных браков. В последние годы число ежегодно фиксируемых браков достигает около 20 тыс. В настоящее время для населения Дагестана в целом характерна относительно высокая брачность. Это, видимо, определяется не только собственно демографическими возможностями (точнее, половозрастной структурой населения), социально-экономической ситуацией, урбанизацией, но и сохранением традиционного отношения народов Дагестана к брачности, брачному поведению (традиционно браки считались обязательными, а безбрачие резко осуждалось и т. д.). Иными словами, это — отголоски того, что в дореволюционный период у народов Дагестана, как и у многих других народов, браки носили по существу универсальный характер¹⁹. Вместе с тем в последние годы процент людей, состоящих в браке, в Дагестане незначительно снизился. Эта тенденция в значительной степени обусловлена общим ростом числа разводов, в основном в городах (да и в сельской местности), хотя общий коэффициент разводимости в республике относительно не высок. Статистические данные о числе разводов на каждые 1000 браков также свидетельствуют об относительной прочности браков в целом по республике (в городах и особенно в селах).

Анализ сведений о брачном состоянии отдельных национальностей, проживающих в Дагестанской АССР, позволил выявить ряд различий, обусловленных этническими особенностями половозрастных структур, уровнем социально-экономического развития и урбанизации, степенью сохранения этнических традиций и другими факторами.

¹⁹ Козлов В. И. Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 125.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

- Агаширинова С. С., Сергеева Г. А.* К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана // Сов. этнография. 1966. № 4.
- Аджиев А. М.* Значение записей на магнитофонную ленту для изучения народной поэзии (на материале кумык. песен) // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980.
- Аджиев А. М.* О новейших изменениях в свадебном обряде и обрядовой поэзии кумыков // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1980—1981 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1982.
- Аджиев А. М.* Историческая эволюция традиционно-национального и интернационального в свадебно-обрядовой поэзии (на материале кумык. фольклора) // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Всесоюз. научн. конф. Махачкала, 1985.
- Аджиев А. М.* Кумыкские свадебно-обрядовые загадки «кирит-лемелер» // Сов. психология. 1985. № 4.
- Алимова Б. М.* К проблеме традиций и инноваций в кумыкской свадьбе // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исслед. в Дагестане в 1973—1975 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1976.
- Алимова Б. М.* К проблеме традиций и инноваций в кумыкской свадьбе // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977.
- Алимова Б. М.* Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX—XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Алимова Б. М.* О национально-смешанных браках у кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980.
- Алимова Б. М.* Некоторые результаты исследований свадебных песен кайтагских кумыков // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР: Тез. докл. Нальчик, 1982.
- Алимова Б. М.* Традиционные свадебные песни в современной свадьбе кайтагских кумыков // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984.
- Алимова Б. М.* Этнические традиции в современной свадебной обрядности табасаранцев // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Махачкала, 1985.
- Алимова Б. М.* Брак и свадебные обычаи сельского населения Дагестана // Научная сессия, посвященная итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986—1987 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1988.
- Алимова Б. М., Булатова А. Г., Халилов Х. М., Шахматов Д. Г.* Сценарий безалкогольной свадьбы (метод. рекомендации). Махачкала, 1986.
- Булатова А. Г.* Свадьба лакцев. Махачкала, 1968.
- Булатова А. Г.* Современная свадьба переселенцев // Современные этнокультурные процессы в Дагестане. Махачкала, 1984.
- Булатова А. Г.* Современный свадебный обряд переселенцев Дагестана // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР: Тез. докл. Нальчик, 1982.

- Булатова А. Г.* Семья и семейные обряды // Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. М.: Наука, 1988.
- Булатова А. Г., Алимова Б. М.* Традиции в современном свадебном обряде горожан Дагестана // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 гг.: Тез. докл. Пешкар-Ола, 1986.
- Вагабова Ф. И.* Формирование лезгинской национальной литературы. Махачкала, 1970.
- Гаджиева С. Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Даггиз, 1967.
- Гаджиева С. Ш.* Формирование и развитие новой обрядности в Дагестане. Махачкала, 1979.
- Гаджиева С. Ш.* Межнациональные браки в Дагестане // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР: Тез. докл. Нальчик, 1982.
- Гаджиева С. Ш.* Современная семья в Дагестане: традиции и инновации // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Махачкала, 1985.
- Гаджиев Г. А.* Национальное и интернациональное в современной свадебной обрядности лезгин // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Махачкала, 1985.
- Гаджиева С. Ш., Яикова Э. А.* Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978.
- Ганиева А. М.* Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала, 1976.
- Кисриев Э. Ф.* Проблемы современной свадьбы: социол. анализ писем в газ. «Даг. правда» // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Махачкала, 1985.
- Курбанов К.* Брак и свадебные обряды цахуров в XIX—XX вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала: ДГУ, 1974. Вып. 5.
- Курбанов М. Ю.* Семейная обрядность даргинцев // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 гг.: Тез. докл. Пешкар-Ола, 1986.
- Курбанов М. Ю.* Традиционные черты в современной свадебной обрядности даргинцев // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель, 1986. М., 1987.
- Курбанов М. Ю.* Современные свадебные обряды даргинцев // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986—1987 гг. Махачкала, 1988.
- Луговой С. А.* Этнические традиции в современной ахвахской семье // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Махачкала, 1985.
- Магомедханов М. М.* О динамике статистических показателей межнациональной брачности (на примере городов Дагестана) // Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества: Тез. докл. Махачкала, 1985.
- Магомедханов М. М.* О национально-культурных ориентациях горожан дагестанцев в семейно-бытовой сфере // Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека. Баку, 1985. Вып. 3.
- Хайбуллаев С. М.* Аварская народная лирика. Махачкала, 1973.
- Халилов Х. М.* Народы Дагестана // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема традиций в современной свадьбе (Вместо предисловия)	3
<i>Гаджиева С. Ш.</i> Традиционное и новое в современной свадебной обрядности народов Дагестана	6
<i>Сергеева Г. А.</i> Одежда в современном свадебном обряде народов Дагестана	20
<i>Булатова А. Г.</i> Свадебный ритуал в современном дагестанском городе	36
<i>Алимова Б. М.</i> Брак и свадебные обычаи сельского населения Дагестана	46
<i>Ризаханова М. Ш.</i> Брак и свадебная обрядность лезгин (традиции и инновации)	56
<i>Курбанов М. Ю.</i> Современные свадебные обряды даргинцев	71
<i>Абдурахманов А. М.</i> Ритуалы традиционной и современной свадьбы салатавских аварцев	81
<i>Гаджиев Г. А.</i> Современная свадьба чамалалов	107
<i>Дибиров М. А.</i> Традиционные обряды и обычаи в современной гидатлинской свадьбе	118
<i>Лугуев С. А.</i> Новое в современной свадьбе дидойцев	131
<i>Мусаева М. К.</i> Традиции и повации в свадебном обряде хваршин	136
<i>Кисриев Э. Ф.</i> Современная дагестанская свадьба: социологический анализ трансформации ритуала	144
<i>Магомедханов М. М.</i> Отражение этнических процессов в статистических показателях межнациональной брачности (на примере городов Дагестана)	161
<i>Ибрагимов М.-Р. А.</i> Динамика брачности населения Дагестана	174
Список литературы по теме	186

Цена 82 коп.

БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ НАРОДОВ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНА

Сборник статей

Редактор *Е. В. Спивак*

Художественный редактор *М. А. Хизроев*

Технический редактор *Н. В. Жукова*

Н/К

Сдано в набор 25.08.88. Подписано в печать 10.10.88.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. п. л. 11,5. Уч.-изд. л. 10,6.

Тираж 500 экз. Заказ 771. Цена 82 коп.

Дагестанский филиал Академии наук СССР
Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10